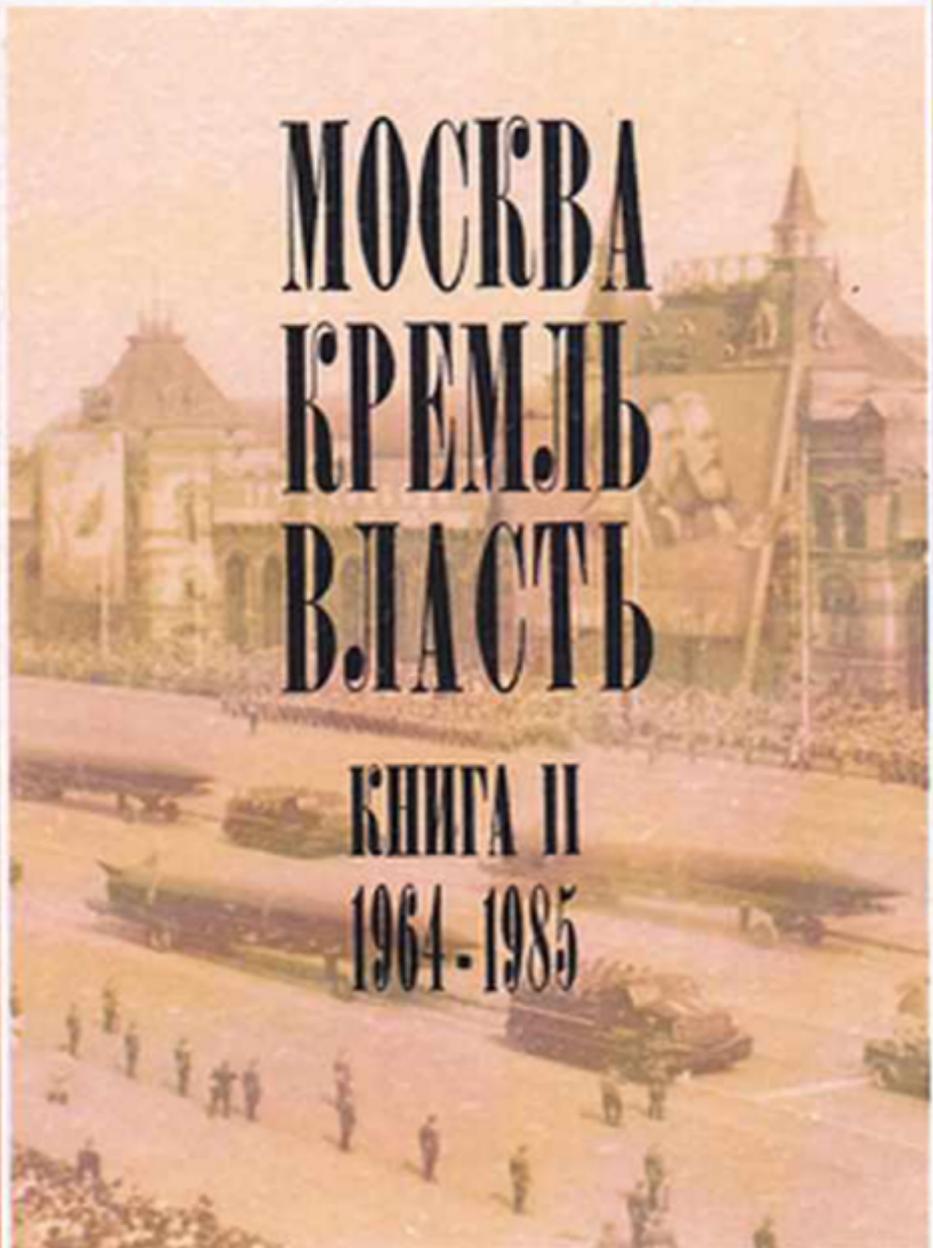

Р.Г. ПИХОЯ

**МОСКВА
КРЕМЛЬ
ВЛАСТЬ**

**КНИГА II
1964 - 1985**

Серия
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО:
СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Редакционный совет:

Булдаков В.П., доктор исторических наук
Вишневский А.Г., доктор экономических наук
Давыдов А.П., доктор культурологии
Федотова В.Г., доктор философских наук
Яковенко И.Г., доктор философских наук

Ассоциация исследователей российского общества АИРО-XXI

Рудольф Пихоя

МОСКВА. КРЕМЛЬ. ВЛАСТЬ

В трех томах

ТОМ ВТОРОЙ

1964–1985

Москва
НОВЫЙ ХРОНОГРАФ
2009

УДК 323/327(470+571)(084.121)(091)“1964/1985”

ББК 63.3(2)633-3+63.3(2)633-6

ПЗ5

Пихоя, Р.Г.

Москва. Кремль. Власть. 1945–2005. В 3-х томах. Том второй. 1964–1985 / Р.Г. Пихоя. – М.: Новый хронограф, 2009. – 224 с.: ил. – ISBN 978-5-94881-092-8.

Агентство СІР РГБ

Книга посвящена политической истории России второй половины XX – начала XXI века. В ней исследованы процессы эволюции власти в СССР, особенности организации ее функционирования, механизмы принятия решений во внешней и внутренней политике страны. Детально и последовательно проанализирована деятельность по государственному управлению Сталина, Берии, Маленкова, Хрущева, Брежнева, Андропова. Особое место в книге занимает проблема распада СССР, совокупность причин – правовых, экономических, социально-политических и психологических, приведших к неожиданному финалу. В этой связи исследовано крушение советской системы, вызванное, в частности, противоречием между принципами «всевластия Советов» и разделения властей. Впервые всесторонне исследована деятельность съездов и Верховного Совета Российской Федерации, особенности политико-конституционного кризиса 1993 года.

Особый интерес в освещении автора, профессионального историка, на протяжении пяти лет возглавлявшего Государственную архивную службу России, – вызывают события происшедшие в стране за последние два десятилетия. Ему в прямом смысле этого слова довелось увидеть гибель СССР, КПСС. На его глазах, да и при личном участии, возникали институты новой государственности и возрождались традиции старой, дооктябрьской. Он имел возможность непосредственно наблюдать за деятельностью власти на критических этапах истории страны и, как следствие, эта книга стала попыткой объединения собственно исторических методов исследования и конкретных наблюдений и знаний «человека из власти».

Книга написана на основе богатейшей информации из архивов Секретариата и Политбюро ЦК КПСС, Верховного Совета РФ и др. Она рассчитана на широкий круг читателей, в первую очередь преподавателей и студентов высших учебных заведений России и СНГ. Книга иллюстрирована редкими фотографиями из фондов Политбюро и Архива Президента РФ.

ISBN 978-5-94881-092-8

© Пихоя Р.Г., 2009

© Новый хронограф, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Очерк 7

«Коллективное руководство»: поиск стабильности (ноябрь 1964–1970)

Первые шаги «коллективного руководства». Снова сельское хозяйство. Попытка проведения экономической реформы. XXIII съезд КПСС. Поиски идеологических ориентиров. Национальный вопрос против социалистического интернационализма. Вьетнамская война и СССР. 1965–1968. Чехословакия–1968. Взгляд из Москвы. Смена руководства в ЧССР. «Методы, которыми ведется сейчас работа в Чехословакии, очень напоминают венгерские». Майские маневры. На перепутье между политическими и военными методами. Диалог Брежнев – Дубчек. 13 августа. Крайние меры 7

Очерк 8

От стабильности к застою (1969-й – начало 80-х гг.)

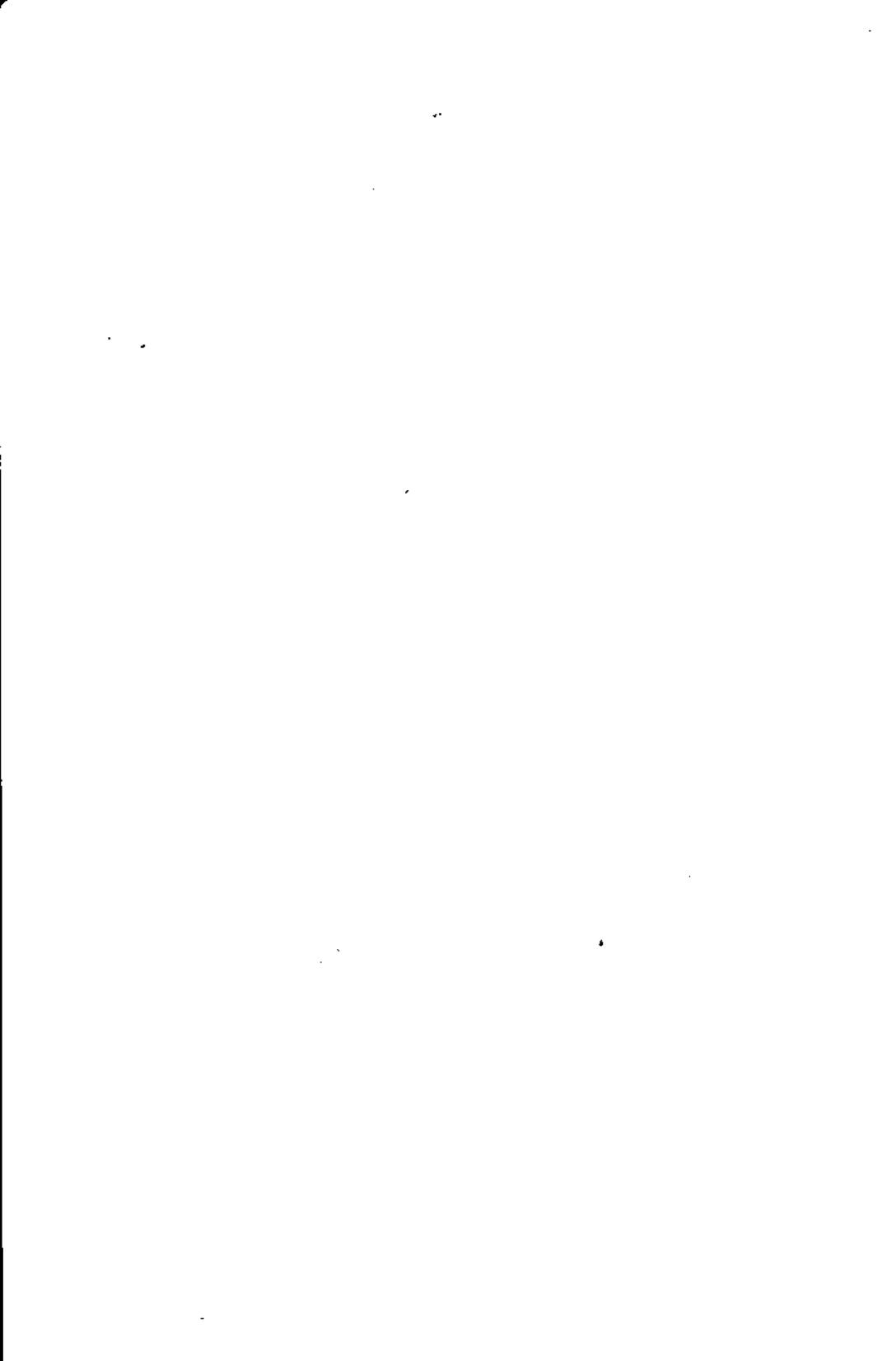
«Идеологическая дисциплина» в науке. Разгром «нового направления». Ситуация вокруг «Нового мира» и Твардовского. А. Солженицын и власть. Неосталинизм. Спор о Сталине на Политбюро. Правозащитное движение и КГБ. Конституция 1977 г. Законодательная власть. Исполнительная власть. Аппарат ЦК КПСС в системе управления. Конец экономической реформы. Пролетарский интернационализм и внешняя политика СССР. Вьетнам. СССР и коммунистические партии стран «третьего мира». Афганистан. Две солидарности: социалистическая и польская 91

Очерк 9

Больная власть (1982–1985)

«Ходят слухи по домам...» Андропов: попытка возрождения коммунистического фундаментализма. Рождение «гласности». Борьба со злоупотреблениями и коррупцией, репрессии в сфере обслуживания и торговли. «Узбекское дело». Новые люди. В поисках наследника. Южнокорейский «Боинг» № 007. Черненко у власти 176

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 215

Очерк 7

«Коллективное руководство»: поиск стабильности (ноябрь 1964—1970)

Первые шаги «коллективного руководства». Снова сельское хозяйство. Попытка проведения экономической реформы. XXIII съезд КПСС. Поиски идеологических ориентиров. Национальный вопрос против социалистического интернационализма. Вьетнамская война и СССР. 1965—1968. Чехословакия—1968. Взгляд из Москвы. Смена руководства в ЧССР. «Методы, которыми ведется сейчас работа в Чехословакии, очень напоминают венгерские». Майские маневры. На перепутье между политическими и военными методами. Диалог Брежнев — Дубчек. 13 августа. Крайние меры

Вторая половина 60-х годов относится к числу наименее изученных страниц советской истории. Первые годы «коллективного руководства» Л.И. Брежнева причисляют к тому длительному периоду, который получил в публицистике и историографии название «застоя». Позволим себе не согласиться с этим. В первые пять лет правления Брежнева были возможны различные варианты дальнейшего развития страны. Снятие Хрущева отнюдь не стало однозначным возвращением к несталинизму, хотя опасность такого поворота остро осознавалась обществом. После Хрущева перед высшим политическим руководством страны по-прежнему стоял вопрос: насколько далеко могут заходить реформы? Где та грань, за которой эти реформы могут затронуть и поколебать основы социализма?

Первые шаги «коллективного руководства». Отстранение Хрущева от власти произошло неожиданно, но протестов в стране и партии не вызвало. За годы правления Хрущев потерял широкую социальную поддержку. Хрущева снял партаппарат, который мотивировал это неэффективностью его деятельности. На самом деле политика Хрущева не гарантировала стабильности этому социальному слою. Номенклатурный принцип назначения спаял в единое целое партий-

ных, хозяйственных и военных руководителей. Постоянные реорганизации Хрущева затрагивали их жизненные интересы. Поэтому основными лозунгами Брежнева стали коллективное руководство, стабильность, устойчивость.

Широким слоям населения Хрущев также порядком надоел.

Произошла десакрализация власти. Хрущев лишил власть ореола недоступности, признания за ней высшей мудрости, которая прежде признавалась большинством граждан страны. Хрущев, внешне простоватый, шеголявший своей близостью к народу, выступавший с многочасовыми речами по любому важному и незначительному поводу, разрушил психологические барьеры, которые отделяли и защищали власть от критики и насмешек. Герой бесчисленных анекдотов, Хрущев не воспринимался ни мудрым, ни страшным; скорее, раздражал своей назойливой дидактикой, стремлением найти простые решения сложных проблем. Ему перестали верить и не хотели поддерживать.

Призыв к борьбе с «волюнтаризмом» Хрущева означал, прежде всего, ликвидацию хрущевских реформ в области партийно-государственного управления. Спустя месяц после отставки Хрущева, в ноябре 1964 г., состоялся Пленум ЦК КПСС. На Пленуме с докладом «Об объединении промышленных и сельских областных краевых партийных организаций и советских органов» выступил Н.В. Подгорный. Он подчеркнул необходимость вернуться к принципу построения партийных организаций по территориально-производственному признаку. «Успешное организационное руководство партии, – заявил Подгорный, – несовместимо с субъективизмом, прожектерством и необоснованными импровизациями»¹.

На Пленуме с хрущевскими реформами партаппарата было покончено: территориально-производственный принцип построения партийных организаций и их руководящих органов восстановлен. Снова выстраивалась вертикаль: ЦК – обком – райком. Каждый из этих органов обладал всей полнотой партийной власти (с немадыми государственными полномочиями) на своей территории – республике, крае, области, районе. Было создано нижнее, пожалуй, самое массовое звено партаппарата: парткомы производственных колхозно-совхозных управлений были преобразованы в сельские райкомы партии. Вслед за перестройкой партийных органов прошла реорганизация, а точнее, восстановление прежних советских, комсомольских и профсоюзных учреждений.

Укажем и на другие следствия контрреформы: с усилением роли «партийной вертикали», ликвидацией двусмысленного разделения

---

¹ См.: Коммунист. 1964. № 16. С. 4.

обкомов и райкомов на «сельские» и «промышленные» восстанавливался контроль партии над экономикой. Время совнархозов с их широкими полномочиями уходило. Это означало, помимо прочего, возвращение прежней роли столичной бюрократии в системе государственного управления. Партийный аппарат по всей стране и столичная бюрократия оказались теми социальными группами, которые непосредственно выигрывали от устранения Хрущева и контрреформ «коллективного руководства» во главе с Брежневым.

Л.И. Брежнев.

В процессе восстановления прежних институтов власти и ликвидации хрущевских нововведений неизбежно вставал вопрос об отношении к Комитету партийно-государственного контроля. Опыт свержения Хрущева, успешно осуществленного при участии КПК, мог оказаться слишком соблазнительным для будущих борцов за руководящие посты в партии, а деятельность партийно-государственного монстра представляла опасность для партийного аппарата всех уровней. Поэтому Брежнев вскоре после снятия Хрущева постарался избавиться от КПК. Прodelано это было с немалой ловкостью, даже коварством.

В повестку уже подготовленного Пленума ЦК КПСС, за четыре дня до его открытия, был включен еще один вопрос: «Дополнительно рассмотреть на очередном Пленуме ЦК вопрос о преобразовании органов партийно-государственного контроля в органы народного контроля. Поручить выступить на Пленуме по этому вопросу тов. Брежневу Л.И.».

6 декабря 1965 г. Пленум открылся. Брежнев сообщил его участникам, что Президиум ЦК внес предложение: «Включить дополнительно в повестку Пленума, кроме докладов тов. Байбакова Н.К. и Гарбузова В.Ф., вопрос о преобразовании органов партийно-государственного контроля и организационные вопросы. Будут ли... замечания и другие предложения к повестке дня?»

Голоса. Нет.

Председательствующий тов. *Брежнев Л.И.* Разрешите считать повестку согласованной¹.

¹ Стенограмма декабрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС. — М., 1965. С. 208.

Остальное было делом партийно-организационной техники. Рассмотрим ход обсуждения вопроса о ликвидации, пожалуй, самой мощной партийно-государственной структуры:

«Председательствующий тов. Брежнев Л.И. Позвольте перейти ко второму вопросу повестки дня. Мы включили в повестку дня вопрос о партийно-государственном контроле. В связи с этим позвольте изложить точку зрения Президиума ЦК КПСС по вопросу о дальнейшем совершенствовании существующей системы контроля, которая имеет самую тесную непосредственную связь с нашим хозяйственным строительством. <...> Опыт трехлетней работы органов партийно-государственного контроля показал, что они провели большую работу и оказали помощь партии и правительству в совершенствовании деятельности нашей экономики, государственного и хозяйственного аппарата, вовлечении масс в управление всеми делами общества, привлечении к делу контроля широких масс коммунистов и беспартийных... Наша советская система контроля самая демократичная, подлинно народная система.

В связи с этим и возникает вопрос о названии органов контроля. Сейчас органы контроля называются органами партийно-государственного контроля. Это не совсем точное название. Это недостаточно полно отражает тот факт, что контроль в нашей стране является народным. Поэтому будет правильным преобразовать эти органы и назвать их органами народного контроля. <...> В целях широкого вовлечения трудящихся в дело проверки и контроля, повышения их роли в работе контрольных органов Пленум ЦК КПСС постановляет: преобразовать органы партийно-государственного контроля в органы народного контроля, которые должны являться одним из действенных средств партии и правительства по еще более широкому вовлечению народных масс в управление делами государства, обеспечению систематической проверки [выполнения] директив партии и правительства советскими, хозяйственными и иными организациями, упрочению государственной дисциплины и социалистической законности. Совету Министров СССР в соответствии с настоящим постановлением утвердить положение об органах народного контроля».

Какие будут по этому вопросу предложения?

Голоса. Принять.

Председательствующий тов. Брежнев Л.И. Не вызывает ли это сомнений у членов ЦК?

Голоса. Все ясно.

Председательствующий тов. Брежнев Л.И. Кто желает выступить по этому вопросу?

Голоса. Нет. Все ясно.

Председательствующий тов. *Брежнев Л.И.* Позвольте голосовать, товарищи? Кто за принятие внесенного Президиумом ЦК постановления Пленума, прошу поднять руки. Прошу опустить. Кто воздержался? Нет. Против? Нет. Принимается единогласно. Товарищи, мы считаем, что председатель Комитета народного контроля не должен быть по положению секретарем ЦК и заместителем Председателя Совета Министров. Он будет только председателем Комитета. Мы считаем, что это правильное предложение.

Голоса. Правильно.

Председательствующий тов. *Брежнев Л.И.* В связи с этим не имеется в виду оставлять тов. Шелепина председателем Комитета народного контроля. Товарищ Шелепин будет работать секретарем ЦК КПСС. Если у членов Пленума не будет других мнений, то решение Пленума по этому вопросу принимать не нужно, так как товарищ Шелепин является секретарем ЦК КПСС. Вопрос об освобождении его от обязанностей заместителя председателя Совета Министров СССР будет решать сессия Верховного Совета СССР, которая завтра начнет работу. Так, это правильно, товарищи?

Голоса. Правильно.

Председательствующий тов. *Брежнев Л.И.* Вопрос о кандидатуре председателя Комитета народного контроля мы сейчас не вносим на обсуждение. Это будет несколько позднее.

Голоса. Правильно»¹.

«Античному хору» Пленума ЦК действительно все было ясно. КПК не только переименовали, назвав Комитетом народного контроля. Его лишили властных полномочий. Создатель КПК Шелепин, организатор и главный исполнитель свержения Хрущева, был понижен в статусе. Было очевидно, что Брежнев отодвигает на вторые роли человека, который мог претендовать на высший пост в партии.

Снова сельское хозяйство. Первые шаги нового руководства КПСС подтверждали общую политико-экономическую закономерность отечественной истории: каждая смена первых лиц советского государства начиналась с критики нетерпимого положения, сложившегося в сельском хозяйстве, обещаниями скорого решения «продовольственной проблемы» (сам термин в отличие от проблемы — более позднего времени), а заканчивалась предложениями о нормировании продовольствия и призывами к экономии хлеба. Так было с прод-

¹ Стенограмма декабрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС. — М., 1965. Л. 209–213.

налогом и НЭПом при Ленине, всеобщей коллективизацией – при Сталине, сентябрьским пленумом 1953 г. и подъемом целины – при Хрущеве. Не стал исключением и Брежнев. Необходимость быть «главным аграрником» страны имела не только экономический, но и политический смысл. Сельское хозяйство являлось «вотчиной» Н.С. Хрущева, частью его персональной политики. Тем более важным представлялся ее пересмотр. Параллельно с реорганизацией партийного аппарата новое, брежневское руководство попыталось провести ряд реформ в области сельского хозяйства.

В марте 1965 г. на Пленуме ЦК КПСС с большим докладом «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР» выступил Брежнев¹. Брежнев дал весьма нелестную оценку состояния сельского хозяйства страны. По существу, он констатировал провал сельскохозяйственной политики.

По контрольным цифрам, валовая продукция сельского хозяйства в течение 7 лет (1959–1965) должна была вырасти на 70 %, на самом деле за 6 лет она увеличилась только на 10 %². Сельскохозяйственное производство фактически «стопалось на месте». Статистика свидетельствовала о глубоком кризисе этой отрасли хозяйства. Средняя урожайность зерновых в 1958–1964 гг. составляла 10–11 центнеров с гектара, в неурожайном 1963 г. – 8,3 центнера. Снизилось и производство зерна на душу населения. В 1913 г. было произведено в пересчете на 1 человека 540 кг, в 1958-м – 651, а в 1963 г. – 573 кг зерна³.

Брежнев назвал три основные причины, которые, по его мнению, предопределили отставание в этом секторе экономики:

- волюнтаристские методы управления, игнорирование экономических законов развития социалистического хозяйства;
- огромные задачи, поставленные перед сельским хозяйством, не были подкреплены экономическими мерами, в частности ценовой политикой;
- низкий уровень культуры земледелия, отсутствие государственной политики повышения плодородия почв.

Проанализировав состояние сельского хозяйства страны, Пленум принял решение: снизить план закупки зерна на 1965 г. с намеченных прежде 4 млрд пудов до 3 млрд 400 млн пудов и определить этот план как неизменный вплоть до 1970 г. Стабильный план должен был об-

¹ Пленум Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза, 24–26 марта 1965 года: стенографический отчет. – М., 1965. С. 5–35. Далее: Пленум ЦК КПСС (март 1965 г.).

² Там же. С. 6–7.

³ Паников В. Сельское хозяйство перед большими делами // Коммунист. 1965. № 6. С. 30.

легчить условия хозяйствования, избавить сельское хозяйство от постоянных в недавнем хрущевском прошлом шараханий. Одновременно предполагалось поднять закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию: пшеницу, рожь, гречиху, скот. Закупочные цены выросли значительно: так, на все виды скота устанавливались надбавки к ценам от 10 до 100 %. Вводилось и экономическое стимулирование роста сельскохозяйственного производства: за пшеницу и рожь, закупленные сверх плана, государство выплачивало надбавку к ценам в размере до 50 %.

Предусматривался значительный рост инвестиций в сельское хозяйство. На восьмую пятилетку (1965–1970) в сельское хозяйство и связанные с ним отрасли хозяйства, в том числе производственные объекты, сельхозтехнику, развитие энергетической системы села, мелиорацию было запланировано вложить 71 млрд руб.¹ Был взят курс на создание крупных специализированных хозяйств – молочно-товарных, свино- и птицеводческих, зерновых.

Хотя Брежнев не скупился на критику «волюнтаристских методов» Хрущева, однако следует отметить, что понимание необходимости изменений в экономике страны существовало уже в последние годы правления Хрущева. Брежневское руководство не первым заговорило о необходимости инвестирования сельского хозяйства. Эта отрасль народного хозяйства все более превращалась в дотационную, то есть существующую за счет других источников дохода государственного бюджета. «Затратный» характер сельского хозяйства еще более усилился вследствие принятия широкой программы мелиорации. Эта программа, утвержденная на майском Пленуме ЦК КПСС 1966 г., предполагала огромные вложения – до 10 млрд руб. – прежде всего в экономику республик Средней Азии, областей и краев юга России на строительство ирригационных сооружений, создание новых орошаемых сельскохозяйственных угодий, осушение заболоченных территорий, амбициозные проекты «переброски» воды северных рек на юг, в степи и пустыни Казахстана и Средней Азии. Эти мероприятия, возможно, не лишены целесообразности, проводились, как правило, государственными учреждениями – специально созданными органами управления и подчиненными им мелиоративными, строительными предприятиями, которые не были заинтересованы в конечном результате своей деятельности, но зато нуждались в постоянных заказах и государственном финансировании. Деньги, первоначально предназначенные для села, проходили мимо.

---

¹ Пленум ЦК КПСС (март 1965 г.). С. 21.

Еще в 1964 г. на февральском Пленуме ЦК¹ сам Хрущев заявил о необходимости совершенствования оплаты труда в целях стимулирования роста производства. Особое внимание он уделил роли материальной заинтересованности для повышения объемов производства. «Центром приложения» материального стимулирования, по выражению Хрущева, должны были стать небольшие коллективы: звенья и бригады².

Меры, направленные на подъем сельского хозяйства, имели неожиданные социальные последствия. Наиболее значительным брежневским мероприятием по поддержанию сельского хозяйства стало введение гарантированной оплаты труда колхозников. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О повышении материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства»³ было рекомендовано ввести с 1 июля 1966 г. гарантированную оплату труда колхозников, исходя из тарифных ставок рабочих совхозов. Это, действительно, гарантировало оплату независимо от конечного результата хозяйственной деятельности. Укажем в этой связи, что в 1962 г. в растениеводстве (где оплата производилась в основном за объем выполненных работ) оплата за продукцию составляла только 4–6 % от общего заработка рабочих совхозов⁴. Заработная плата колхозников меняла свою суть, превращаясь, скорее, в форму социального вспомоществования. Колхозник, таким образом, отчуждался от результатов своего труда.

Разница в подходах времен Хрущева и начинавшейся экономической реформы народного хозяйства заключалась в том, что была предпринята попытка сделать объектом приложения экономических методов сельское хозяйство страны в целом. Этим целям должны были служить активная ценовая политика стимулирования производства, установление постоянных многолетних производственных планов, изменения в налоговой политике⁵, касавшиеся налогообложения колхозов. Если прежде налогом облагался весь денежный доход колхозов, куда входила и сумма издержек производства, то теперь предусматрива-

¹ Февральский (1964 г.) Пленум ЦК КПСС «Об интенсификации сельскохозяйственного производства на основе широкого применения удобрений, развития орошения, комплексной механизации и внедрения достижений науки и передового опыта для быстрого увеличения производства сельскохозяйственной продукции».

² См.: Коммунист. 1964. № 3. С. 7.

³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1968. Т. 6. С. 111–113.

⁴ См.: Коммунист. 1965. № 6. С. 39.

⁵ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1968. Т. 5. С. 662–623.

лось обложение только полученной суммы чистого дохода (за вычетом части дохода, соответствовавшей 15 % рентабельности).

Были сняты наиболее одиозные ограничения, препятствующие развитию личных подсобных хозяйств колхозников, рабочих и служащих. Более того, в середине 60-х годов в официальной пропаганде появились публикации, защищавшие экономическую целесообразность подсобных хозяйств¹. Однако использовать личные подсобные хозяйства для решения общегосударственных задач, как это удалось Маленкову в середине 50-х годов, через десять лет оказалось нереально. В благие намерения властей уже не верили. Желающих воспользоваться льготами, предоставленными личным хозяйствам, оказалось немного.

Попытка проведения экономической реформы. В годы восьмой пятилетки предпринимались попытки экономического реформирования. Это было время острых дискуссий в экономической науке. Главной их темой являлось повышение эффективности социалистического производства, использование в этих целях механизма личной материальной заинтересованности работника. Повторим: понятие «застой», используемое с легкой руки партийных публицистов эпохи горбачевской перестройки для характеристики периода после октябрьского Пленума ЦК КПСС 1964 г., мало подходит к первым годам правления брежневского Политбюро. С начала 60-х годов в экономической литературе появились публикации о неэффективности функционирования промышленности. В частности, в статьях о положении в отечественном машиностроении отмечалось, что к началу 1963 г. в СССР было 2,5 млн металлорежущих станков, а к концу года Советский Союз обогнал США по общему количеству станков. Однако значительная часть этой техники использовалась во вспомогательных (ремонтных, инструментальных и других) службах. Металлообрабатывающая промышленность СССР характеризовалась высокой трудоемкостью вспомогательных работ, низкой производительностью труда, невысоким уровнем квалификации рабочих². Металлоемкость изделий значительно превышала западные аналоги. СССР располагал мощными предприятиями по обработке металла, но энергия, труд рабочих использовались неэффективно.

Накануне принятия нового пятилетнего плана на 1965–1970 гг. в прессе развернулась оживленная дискуссия о путях развития совет-

---

¹ Назаров Р. Подсобное хозяйство: его роль и место в сельскохозяйственном производстве // Коммунист. 1965. № 16. С. 68–74.

² Хейлман С. Интенсификация промышленного производства // Там же. 1964. № 11. С. 80–88.

ской экономики, в центре которой оказалась статья академика В.С. Немчинова «Социалистическое хозяйствование и планирование производства»¹. В ней содержались весьма радикальные для советской экономики предложения. Прежде всего, предлагалось изменить порядок планирования – при составлении народнохозяйственных планов идти не сверху, а снизу, от предприятия, которое должно было давать свои предложения по плану. План должен стать не столько заданием, сколько заказом. «Основное и главное, – писал В.С. Немчинов, – состоит в том, чтобы механизм планирования сомкнуть с системой хозяйственного расчета и с системой общественных фондов предприятия. <...> Согласие предприятия принять соответствующее плановое задание, будучи подкреплено письменными документами, превращает плановое задание в плановый заказ. Такой порядок более сложен для плановых органов, но он необходим как фильтр против проявления голого волюнтаризма и вполне реален. Такая система может быть названа *хозрасчетной системой планирования*, так как в ней органически сочетаются плановые и хозрасчетные начала – те начала, которые должны регулировать любую хозяйственную деятельность в условиях социализма»². Через нормативы длительного действия и цены следовало отрегулировать всю систему экономических рычагов таким образом, чтобы было выгодно выполнять директивы и контрольные цифры плана³.

Необходимость реформирования экономики осознавалась и высшим руководством СССР. На сентябрьском Пленуме ЦК КПСС 1965 г. с докладом «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленных предприятий» выступил Председатель Совета Министров СССР, член Политбюро А.Н. Косыгин. В докладе предлагалось пересмотреть систему управления, отказаться от совнархозов и восстановить отраслевой принцип управления. Косыгин уточнял, что речь идет не о восстановлении дособнархозовской системы министерств, а о сочетании централизованного руководства с расширяющейся оперативно-хозяйственной самостоятельностью предприятий. Главным показателем для промышленных предприятий должен стать объем выпускаемой продукции. В докладе встречались такие понятия, как рынок, прибыль, эффективность капитальных вложений. Хотя советская экономическая реформа и предусматривала значи-

---

¹ Немчинов В. Социалистическое хозяйствование и планирование производства // Там же. 1964. № 5. С. 74–87.

² Там же. С. 77–78.

³ Там же. С. 85.

тельное расширение сферы «низового» планирования (на уровне предприятий и хозяйственных объединений), это ни в коей мере не означало отказ от централизованного планирования, задачей которого оставалось установление основных направлений, пропорций и темпов экономического развития¹.

В 1965 г. был осуществлен переход от территориального к отраслевому принципу управления. 2–3 октября 1965 г. были приняты законы об изменении системы органов управления промышленностью, созданы 11 общесоюзных министерств СССР, 17 союзно-республиканских промышленных министерств². К концу 1975 г. промышленных министерств стало 35³. 10 июля 1967 г. Совет Министров СССР утвердил постановление «Общие положения о министерствах СССР».

Таким образом, сентябрьский Пленум ЦК 1965 г. дал старт экономической реформе. В первом квартале 1966 г. на новую систему было переведено 43 предприятия; во втором – еще 200, в том числе 180 – союзного и союзно-республиканского подчинения и 20 – республиканского значения. Переводили, прежде всего, предприятия с достаточно высоким уровнем рентабельности, поэтому реформа началась с легкой и пищевой промышленности⁴.

Однако проведение реформы натолкнулось на противоречия между экономическими закономерностями и политическими установками. Уже с первых шагов реформы стали очевидны несообразности ценообразования. «Действующая ныне система цен пришла в явное противоречие с современной степенью развития советской экономики», – писал председатель Госкомитета цен при Госплане СССР В.К. Ситнин в журнале «Коммунист». Он указывал, что из-за неоправданно низких цен на уголь, железную и марганцевую руды устанавливаются заниженные цены на металл. Отсутствует экономически обоснованные уровни рентабельности отдельных отраслей промышленности, предприятий и изделий. В условиях действовавшего ценообразования угольная промышленность была убыточна. В 1964 г. убытки угольной отрасли составили 16 %. В то же время в ряде отраслей (связанных, по преимуществу с военно-промышленным комплексом) действовал неоправданно высокий уровень рентабельности, в частности, приборостроение давало прибыль 50 % к производственным фондам. В пищевой

¹ Правда. 1965. 28 сентября.

² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1968. Т. 5. С. 654–657.

³ Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения. Ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. – М., 1995. С. 235.

⁴ Бачурин А. Актуальные проблемы хозяйственной реформы // Коммунист. 1966. № 11. С. 40–53.

промышленности убыточными для государства являлись производство и переработка мяса, на грани убыточности находились молочная и рыбная отрасли. В группе тяжелой и добывающей промышленности прибыльными были нефтяная, газовая отрасли, ряд отраслей машиностроения. Автор предлагал ввести новую систему цен, которая преодолест и ликвидирует убыточность отдельных отраслей производства и обеспечит необходимую рентабельность всем отраслям. Так, с введением новых цен средний показатель прибыли в угольной промышленности должен был составить 7,5 % к производственным фондам, в черной металлургии – подняться с 8 до 15 %. В машиностроении в силу ряда причин средний уровень рентабельности предусматривался меньше 15 %, в химической промышленности должен был снизиться с 20 до 15 %. Предполагалось, что новая система цен должна вступить в действие с 1 июля 1967 г.¹ Однако эти расчеты противоречили партийной установке о неизменности цен, за которой скрывалось партийное понимание важности отраслей, их влияния на решение насущных задач страны. Поэтому отрасли, связанные с ВПК, всегда являлись в СССР приоритетными, а легкая промышленность оставалась на периферии экономической политики КПСС.

Вполне обоснованной представляется оценка этих реформ бывшим Председателем Совета Министров СССР Н.И. Рыжковым. «Косыгинская экономическая реформа 1965 г., – писал он, – дала заметный толчок буксовавшему народному хозяйству. Только за восьмое пятилетие объем промышленного производства вырос в полтора раза, производительность труда – на одну треть. Темпы роста товаров народного потребления наконец-то сравнялись с темпами роста средств производства, которым всегда отдавалось предпочтение»².

ХХІІІ съезд КПСС. Важнейшую роль в закреплении позиций нового руководства должен был сыграть первый «послехрущевский» съезд партии, состоявшийся в марте – апреле 1966 г. С предстоящим съездом были связаны разнообразные и часто противоречивые ожидания. В отчетном докладе первого секретаря ЦК Л.И. Брежнева содержалась критика деятельности Хрущева, в частности, порицались «недооценка хозрасчетных методов хозяйствования, неполное использование материальных и моральных стимулов»³. Брежнев повторил ар-

¹ Ситнин В.К. Хозяйственная реформа и пересмотр оптовых цен на промышленную продукцию // Коммунист. 1966. № 14. С. 36–46.

² Рыжков Н.И. Десять лет великих потрясений. – М., 1995. С. 44.

³ XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 29 марта – апреля 1966 г.: стенографический отчет. – М., 1966. С. 51.

гументы против совнархозов, заявив, что «территориальная система управления промышленностью привела к тому, что руководство отраслями промышленностью оказалось раздробленным по многочисленным экономическим районам; нарушилось единство научно-технической политики...»¹.

С особым вниманием делегаты съезда – в большинстве своем крупные партийные функционеры – слушали Брежнева, осуждавшего «... частые перестройки и реорганизации партийных, советских и хозяйственных органов», которые осуществлялись его предшественником и «как правило, сопровождалась неоправданной перестановкой и сменяемостью кадров, что порождало у работников

А.М. Косыгин.

неуверенность, мешало им проявлять в полной мере свои способности, создавало почву для безответственности»². Брежнев подверг критике и те положения Устава КПСС, принятого на XXII съезде КПСС, которые предусматривали обязательную ротацию партаппарата. Слова Брежнева о необходимости изъятия из Устава норм, регулирующих сменяемость аппарата, были встречены аплодисментами³.

На съезде ожидалось обсуждение политической реабилитации Сталина. Однако Брежнев эту тему фактически обошел, а первый секретарь Московского горкома партии Н.Е. Егорычев, по существу, продолжил критику Сталина.

Противоречивый характер политического развития проявился в том, что в КПСС были восстановлены прежние, воспринимавшиеся как сталинские, названия партийных органов. Президиум ЦК был переименован в Политбюро, а первого секретаря ЦК КПСС стали называть генеральным секретарем.

Поиски идеологических ориентиров. Хрущевская утопия, столь же нереалистическая, сколь и искренняя, поддержанная, по крайней мере, на время частью общества, изжила себя. А что взамен?

¹ Там же.

² XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 29 марта – апреля 1966 г.: стенографический отчет. – М., 1966. С. 90.

³ Там же. С. 98–99.

Официальная пропаганда была вынуждена дистанцироваться от эскапад Хрущева в адрес тех деятелей искусства, творчество которых по разным причинам было ему непонятно, а потому признавалось и классово чуждым, и политически враждебным. В журнале «Коммунист» – теоретическом органе ЦК КПСС – появились уважительно-одобрительные оценки творчества писателя В. Аксенова и поэта А. Вознесенского, кинорежиссера С. Параджанова и его фильма «Тени забытых предков», художников Г. Мосина и М. Брусиловского, авторов картины «Тысяча девятьсот восемнадцатый год», прежде вызвавшей гнев у чиновников Союза художников РСФСР¹. Произошел пересмотр некоторых идеологических установок, наметилось смягчение воинствующего атеизма. Был издан секретный Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений по спецпоселению с участников сект “свидетели Иеговы”, “истинно-православные христиане”, “иннокентьевцы”, “адвентисты-реформисты” и членов их семей».

Однако ослабление идеологического контроля в культуре вскоре сменилось его усилением. Первым признаком новых, но не лучших, времен стало дело писателей А. Д. Синявского и Ю. М. Даниэля, которое велось Комитетом государственной безопасности в 1965–1966 гг. Андрей Донатович Синявский и Юлий Маркович Даниэль родились в 1925 г., участвовали в Великой Отечественной войне. Даниэль получил тяжелое ранение, стал инвалидом. Против них было выдвинуто обвинение по статье 70 УК РСФСР, часть первая: «Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти». Им вменялось в вину, что в период с 1956–1963 гг. они передавали за границу для издания свои сочинения, которые КГБ квалифицировал как «порочащие советский государственный и общественный строй». Государственный обвинитель на процессе заявил, что подсудимые «написали и добились издания под видом литературных произведений грязных пасквилей, призывающих к свержению отроя, распространяли клевету, облекши все это в литературную форму»².

Дело А. Синявского и Ю. Даниэля ознаменовало переход к открытым формам политического преследования. Впервые политическая расправа сопровождалась мощной пропагандистской кампанией в прессе. Процесс над Даниэлем и Синявским готовился КГБ в тесном сотрудничестве с Отделом культуры ЦК КПСС и руководством Союза писателей СССР. Были организованы проработки писателей в Институте

¹ Михайлова А. Условность в реалистическом искусстве // Коммунист. 1965. № 15. С. 74–85.

² Миф о застое. – Л., 1991. С. 70–71.

мировой литературы, Отделении литературы и языка АН СССР, писательских организациях Москвы и Ленинграда. С. Антонов, А. Барто, К. Федин, Н. Тихонов, К. Симонов, А. Сурков, К. Воронков, В. Смирнов, Л. Соболев, С. Михалков подписали разгромную статью в «Литературной газете». В поддержку приговора опубликовали статьи литературовед З. Кедрина в «Литературной газете» и член Союза писателей СССР Д. Еремин в «Известиях»¹.

Выступивший на XXIII съезде КПСС М. Шолохов не только поддержал репрессии, но и посоветовал властям расправиться с этими писателями еще решительнее, приводя в пример «памятные 20-е годы, когда судили... "руководствуясь революционным правосознанием"»².

В то же время в президиум съезда, Президиум Верховного Совета СССР были направлены письма в защиту Ю. Даниэля и А. Синявского, подписанные К. Чуковским, И. Эренбургом, В. Шкловским, Е. Дорошем, Р. Плятгом, А. Арбузовым, Ю. Казаковым и другими виднейшими деятелями отечественной культуры.

Заметим, что с середины 60-х и до начала 80-х годов направляемые советскому руководству коллективные письма, подписанные известными учеными, деятелями литературы и искусства, стали характерным проявлением политического протеста в СССР. Эти письма распространялись в рукописном виде, попадали в самиздат, их тексты передавали западные радиостанции. Как правило, в ответ следовали репрессии против «подписантов».

Процесс А. Синявского и Ю. Даниэля вынудил расширить законодательную базу для уголовного преследования по политическим обвинениям. На заседании Политбюро ЦК КПСС 15 сентября 1966 г. было принято решение одобрить Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о внесении дополнений в Уголовный кодекс РСФСР. Новая статья 190¹ гласила: «Систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление и распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания, наказываются лишением свободы на срок до трех лет, или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до ста рублей». Появились статья 190² – о наказании за надругательство над Государственным гербом или флагом, и статья 190³ – о наказании за организацию или активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок.

---

¹ См.: Кедрина З. Наследники Смердякова // Литературная газета. 1966. 22 января; Еремин Д. Перевертыши // Известия. 1966. 12 января.

² Там же. С. 358.

Другим явлением в оппозиционном движении стали акты открытого протеста. 5 декабря 1965 г. в центре Москвы на Пушкинской площади состоялась демонстрация, участники которой – А.Д. Сахаров, Ю.Т. Галансков, А.И. Гинзбург, В.К. Буковский, А.А. Амальрик, Л.И. Богораз, Н.Е. Горбаневская, А.С. Вольпин требовали, чтобы советская власть выполняла собственные законы. В стране зарождалось правозащитное движение.

В 1965 г. было восстановлено официальное празднование Дня Победы – 9 мая. Тогда же была учреждена юбилейная медаль «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» В докладе на торжественном заседании, посвященном юбилею Победы, Брежнев, впервые после XX съезда, сказал о заслугах Сталина – Верховного Главнокомандующего в годы войны. Зал встретил эти слова овацией. Реакция со стороны деятелей науки и культуры последовала незамедлительно: 25 человек (Л.А. Арцимович, П.Л. Капица, А.Д. Сахаров, И.Е. Тамм и др.) подписали письмо с протестом, направленное в адрес руководства страны.

Отношение к Сталину, к решениям XX–XXII съездов КПСС разделило общественность страны на две противостоящие друг другу группы. Позицию «сталинистов» выражал журнал «Октябрь» и его главный редактор В. Кожевников. Большой общественный резонанс вызвало письмо в «Правду» скульптора Е.В. Вучетича, в котором тот протестовал против употребления понятия «период культа личности Сталина». Вучетич утверждал, что такого периода в истории страны не было, а были отдельные ошибки крупнейшего государственного деятеля. В стране росло опасение, что новое руководство реабилитирует Сталина.

Противоположную точку зрения выражали журналы «Новый мир» и «Наш современник». Лидером и знаменем антисталинизма в обществе стал писатель А.И. Солженицын, прославившийся своим рассказом «Один день Ивана Денисовича», первым произведением, которое открыло стране «архипелаг ГУЛАГ». Реакция общества на публикацию рассказа в «Новом мире» бесконечно далеко превосходила чисто литературные оценки. Рассказ читали все: от студентов до рабочих-строителей, о нем спорили на страницах газет и в рабочих бытовках. Публикация произведения такого разоблачительного характера в условиях частичной реабилитации Сталина в государственном масштабе закономерно превращала Солженицына в противника режима. Добавим, что писатель находился на творческом подъеме, активно работал над новыми произведениями, в которых доказывал, что сталинские преступления были закономерным результатом политической системы,

основы которой заложил Ленин. Взгляды писателя шли вразрез с идеализацией и романтизацией образа Ленина и истории ранних этапов революции, характерными для многих писателей, становление которых пришлось на период хрущевской «оттепели».

Уже в 1965 г. КГБ начал систематическую слежку за А.И. Солженицыным, охоту за его рукописями, регулярно докладывая ЦК КПСС о взглядах писателя. Информирова ЦК о содержании неопубликованного романа Солженицына «В круге первом», «литературоведы из органов» приходили к выводу, что целью писателя было «показать наличие “рабского труда” в Советском Союзе, а возможно, и доказать, что строительство социализма – это прежде всего необузданная эксплуатация людей,

А.И. Солженицын

система лагерей, бесправный труд заключенных. Причем это – не производ, а продуманная и организованная система использования рабочей силы государством. <...> На протяжении всей книги автор пытается проводить нить, что вся история Советского государства, начиная с Октября, – это неоправданные и ненужные жертвы (гражданская война, коллективизация, первые пятилетки, Отечественная война). <...> Мысль о том, что Октябрь себя не оправдал, излагается автором и... с позиций перерождения партии коммунистов, да и людей, которые участвовали в Октябрьской революции»¹.

В соответствии с указаниями КГБ и ЦК КПСС и преследованию Солженицына подключилось руководство Союза писателей СССР, которому в начале 1966 г. было предписано дать заключение о реквизируемых у писателя рукописях. 10 марта 1967 г. на заседании Секретариата ЦК КПСС специально обсуждался вопрос о Солженицыне. Участники заседания оценили его как человека, «который ведет антисоветскую работу» (Ю.В. Андропов); это «свихнувшийся писатель... С ним надо повести решительную борьбу» (П.Н. Демичев); «он кле-

¹ Кремлевский самосуд: Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне / Сост. А.В. Коротков и др. – М., 1994. С. 17.

вещет на все русское, на все наши кадры» (В.В. Гришин). Председатель КГБ В.Е. Семичастный внес предложение, что первой мерой по наказанию Солженицына должно стать исключение его из Союза писателей¹.

Однако в лице Солженицына власти столкнулись с человеком, который не собирался играть по правилам, предписанным Системой. Вместо того чтобы обороняться, оправдываться, затаиться, он сам перешел в атаку, обратившись с открытым письмом в адрес президиума IV Всесоюзного съезда советских писателей. В нем Солженицын требовал отмены цензуры: «нетерпимое дальше угнетение (здесь и далее выделено А.И. Солженицыным), которому наша художественная литература из десятилетия в десятилетие подвергается со стороны цензуры и с которым Союз писателей не может мириться впредь»². 84 писателя подписали коллективное письмо съезду в поддержку Солженицына, и 15 человек выразили свою поддержку в личных письмах и телеграммах³. Письмо опубликовали на Западе. Усилиями Солженицына проблемы, казавшиеся внутренним делом СССР, а точнее – его властей, и решавшиеся привычными методами (от партийного увещевания до судебного преследования и лагерей) получили международную огласку.

Власти пришли в замешательство. Расправиться с Солженицыным «по правилам» они уже не могли. Посадить в тюрьму человека, сидевшего при Сталине, наказывать писателя за то, что он разоблачал произвол, осужденный партией, Система не могла – ее действия становились публичными, в чем она не была заинтересована. Провалилась и другая идея, за которой стоял П.Н. Демичев, «курировавший» культуру в ЦК, – разослать по партийным организациям страны закрытое письмо – информационную записку «О поведении и взглядах А. Солженицына». Рассматривая этот вопрос на заседании Секретариата ЦК 18 июля 1967 г., Д.Ф. Устинов, Ф.Д. Кулаков, И.В. Капитонов, М.А. Суслов отвергли предложение Демичева. «Не будет ли посылка такой информационной записки означать, – говорил на заседании Кулаков, – что мы как бы оправдываемся перед партией за такое поведение Солженицына». Ему вторил Капитонов: «Если мы направим такую записку относительно Солженицына, то она может вызвать неприятный отклик. Известно, когда были осуждены Снявский и Даниэль, то это вызвало очень неприятную реакцию». На Секретариате договорились:

¹ Кремлевский самосуд... С. 40–41.

² Там же. С. 43.

³ *Солженицын А. Бодался теленок с дубом: очерки литературной жизни // Новый мир. 1991. № 7. С. 65.*

грязную работу должен выполнить Союз писателей. Подводя итоги обсуждения, Суслов предложил: «Поручить Союзу писателей ускорить рассмотрение в Союзе всех вопросов, связанных с поведением Солженицына, и дать принципиальную оценку. После этого мы еще раз вернемся к этому вопросу...»¹.

Секретариат Союза писателей СССР 22 сентября 1967 г. в присутствии Солженицына «решительно и бескомпромиссно» осудил его «недостойное поведение, которое дает пищу для разжигания за рубежом антисоветской истерии в канун 50-летия Великой Октябрьской революции». От Солженицына потребовали опровергнуть его же собственные заявления, покаяться. Но каяться Солженицын не стал, а если точнее, то пообещал это сделать, если Союз писателей выполнит хотя бы половину его требований, выдвинутых в письме к IV съезду писателей. Более того, Солженицын продолжал настаивать, чтобы секретариат Союза писателей защитил его от «непрерывной... клеветы», и добиваться отмены «незаконного запрета» своих опубликованных произведений и издания еще неизданных сочинений на родине, в России².

Коса нашла на камень.

Одновременно с острыми спорами о судьбе недавнего прошлого разворачивался неспешный с виду, но очень важный в историко-культурном смысле процесс. В русской литературе развивалась так называемая деревенская проза, которая, несомненно, все больше становилась не только художественным, но и общественным явлением. Появление «Плотничьих рассказов» В. Белова, повестей Б. Можая – о невозможности нормальному работающему человеку прожить в колхозной деревне, романов Ф. Абрамова, художественных исследований по истории северной русской деревни, стало возвращением к национальной идее, к истокам отечественной культуры. Становятся популярными «Письма из Русского музея» и «Черные доски» В. Солоухина. В круг чтения входят памятники древнерусской литературы, издаваемые Пушкинским домом в Ленинграде. Конец 60-х – 70-е годы – время открытия в России для массового читателя, а не только для специалистов, живых следов древнерусской культуры. Прежде малоизвестные «экспедиции за книгами», традиционно проводимые библиотекой Академии наук и Пушкинским домом, вошли в жизнь университетов, студенчества в Москве, Новосибирске, Свердловске, Ярославле, Горьком... В то время интерес к древнерусской культуре не приобрел еще оттенка политики, во всяком случае, не рассматривался самими участ-

¹ Кремлевский самосуд... С. 54–55.

² Там же. С. 70.

никами процесса изучения прошлого как проявление оппозиционности. Однако, по сути своей, предпринималась попытка отыскать некие, отличные от предлагаемых официальной идеологией, нравственные ценности, иные жизненные основания. Национальная идея, присутствующая в произведениях писателей-деревенщиков заставляла задуматься об ошибочности изменения уклада деревенской жизни, о соответствии того курса в области культуры, которым следовала страна, ее многовековым традициям. Оппозиционные настроения рядились в историко-культурные одежды.

В эти годы увеличилось число переводов европейских и американских авторов, издавались произведения русских писателей, с творчеством которых поколение 60-х было незнакомо. Не только литературным событием стала публикация сочинений Ф. Кафки, в которых воплотилось ощущение бессилия маленького человека перед страшной и одновременно нелепой государственной машиной. Целый мир открылся перед российскими читателями, познакомившимися с творчеством неизвестного для них М.А. Булгакова. «Мастер и Маргарита», «Белая гвардия», «Театральный роман» и другие произведения этого писателя создавали систему художественных и нравственных ценностей, разительно отличающуюся от «социалистического реализма».

Но официальная идеология не собиралась сдаваться. В грандиозную идеологическую кампанию вылилось празднование 50-летия Октябрьской революции. Юбилейная трескотня служила своего рода дымовой завесой для реанимации положений сталинского «Краткого курса» истории ВКП(б). В новых переизданиях учебника по истории КПСС (обязательного учебного пособия для любого высшего учебного заведения – от университета до консерватории) разделы, посвященные критике «культы личности» стали сокращаться. Тоска по догматизму, жесткой «идеологической дисциплине», поколебленная духом XX–XXII съездов, казалось, утихала. Преподавателям-обществоведам настоятельно советовали обратить внимание на следующий факт: в 1956 г. по всем общественным наукам студентам официально было рекомендовано изучать 226 работ К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, а в начале 1965 г. – только (!) 137¹.

Возрождались старая, примененная еще Лениным форма наказания за инакомыслие – лишение гражданства СССР и выдворение за границу. 15 апреля 1968 г. на Политбюро было утверждено предложение Прокуратуры СССР и Комитета госбезопасности о лишении граждан-

¹ «Улучшать преподавание общественных наук в вузах»: письмо в редакцию // Коммунист. 1965. № 2. С. 127–128.

ства СССР И.Я. Габая и А.Т. Марченко. Как было записано в Указе Президиума Верховного Совета СССР, основанием для этого послужило то обстоятельство, что они «совершают действия, несовместимые с принадлежностью к гражданству СССР, наносят своим антиобщественным поведением ущерб престижу Союза СССР».

Не лишено интереса наблюдение, основанное на анализе документов КГБ: особую ярость власти вызывали попытки создания альтернативы власти КПСС в рамках социалистического выбора, критика партийного руководства справа или слева. Исходя, очевидно, из опыта истории ВКП(б)-КПСС, главной опасностью объявлялись то правая, то левая оппозиции, пытавшиеся действовать в партии, и события в Восточной Европе во второй половине 40-х – 60-е годы (Югославия, Польша, Венгрия, Чехословакия). Против этих «идеологических противников» ополчались КГБ, идеологические отделы партийных организаций, многочисленные высшие партийные школы, академии и кафедры общественных наук, дома политического просвещения, парткабинеты – «и имя им легион».

По идеологическим соображениям явно недооценивалась еще одна опасность для советского строя, явственно проявляющаяся в жизни страны, – национализм, национальный экстремизм, умноженные особенностями «ленинской национальной политики».

Национальный вопрос против социалистического интернационализма. Официальная партийная пропаганда в СССР непрерывно твердила о решении национального вопроса. Триумфом ленинской национальной политики провозглашался официально насаждаемый «социалистический интернационализм»¹. Л.И. Брежнев, доказывая «торжество национальной политики КПСС» утверждал, что благодаря усилиям партии стало возможно «образование исторически новой социальной и интернациональной общности – советского народа»². Социалистический интернационализм был призван заменить национальное самосознание, а «социалистическая культура» – культуру национальную. Следует отметить, что, действительно, было достигнуто некое единство культурных ценностей в среде интеллигенции, учащейся и студенческой молодежи. В СССР существовали постоянные, жестко выдерживаемые, контролируемые Министерством высшего и среднего специального образования СССР и РСФСР, а через них – и ЦК КПСС, квоты для поступления молодежи из республик СССР во все

¹ Развитой социализм. Проблемы теории М., 1979. С. 206.

² Брежнев Л.И. Ленинским курсом. – М., 1978. Т. 6. С. 626.

высшие учебные заведения страны и, прежде всего, России, качество высшего образования в которой признавалось в СССР традиционно высоким. Люди читали одни и те же книги, смотрели одни и те же кинофильмы, обсуждали новости, передававшиеся по Центральному телевидению из Москвы. В СССР с середины 50-х годов отсутствовала официальная политика ограничения прав граждан по национальному признаку, существовали реальные возможности для получения образования, реализации служебной карьеры вне зависимости от национального происхождения.

Вместе с тем сохранялись реальные различия в уровне жизни, особенностях образования, менталитете жителей различных республик СССР, официально игнорировавшиеся. Рассуждения о том, что социалистический интернационализм служит условием для расцвета национальных культур, вызывали раздражение у национальной интеллигенции. В республиках Союза социалистический интернационализм воспринимался в русском обличье. В школьных учебниках по истории СССР (начинавшейся, кстати, никак не позднее Рождества Христова) история Закавказья, Средней Азии, Прибалтики включалась в контекст российского прошлого. В РСФСР при обязательном обучении в средней школе иностранным языкам изучение языков других народов СССР отсутствовало, в то же время русский как государственный язык СССР входил в учебные программы национальных школ. Армия, служба в которой была обязательной частью биографии мужского населения СССР, говорила на русском языке. В результате многие жители союзных республик, стремившиеся дать своим детям хорошее образование, отправляли их в русские школы¹.

Промышленное строительство, создание новых предприятий, как правило, осуществляли русские инженерно-технические работники, да и квалифицированную работу на авиационных заводах Узбекистана, приборостроительных предприятиях Молдавии и Литвы, и не только там, выполняли русские рабочие. Рассуждения о «социальной однородности всех наций и народов СССР», мягко говоря, не соответствовали действительности. 21 декабря 1972 г. в докладе на торжественном заседании, посвященном 50-летию СССР, Брежнев заявил, что «общенациональная гордость советского человека <...> глубже и шире естественных национальных чувств каждого в отдельности из народов, составляющих нашу страну»². Этот тезис был отнюдь не безобид-

---

¹ Необходимо отметить несомненную роль русского языка как посредника между достижениями мировой культуры и национальными культурами народов СССР, что служило условием ознакомления с достижениями национальных культур и русской, а через нее – мировой культуры.

² Брежнев Л.И. Ленинским курсом. – М., 1978. Т. 4. С. 100.

ден для национальных культур, которые таким образом оказывались второстепенными.

Подобная трактовка соотношения советской и национальной культур не могли не вызывать негативной реакции у жителей «национальных окраин».

Эта сложная межнациональная ситуация накладывалась на матрицу «ленинской национальной политики», предусматривавшей разные права наций в процессе создания собственной государственности. 14 так называемых «титულных наций» – украинская, белорусская, молдавская, литовская, латышская, эстонская, армянская, грузинская, азербайджанская, туркменская, узбекская, таджикская, киргизская и казахская – имели право на создание союзных республик. Для одних народов это объяснялось их участием в создании СССР в 1922 г., для других – народов Прибалтики и Молдавии – ссылками на якобы добровольное вхождение в СССР. Более сложной была ситуация в России: она существовала как федерация, в которую входили многочисленные автономные республики – Карельская, Коми, Татарская, Башкирская, Удмуртская, Марийская, Мордовская, Чувашская, Кабардино-Балкарская, Чечено-Ингушская, Дагестанская, Северо-Осетинская, Калмыцкая, Бурятская, Тувинская, Якутская. В каждой из этих республик, в свою очередь, также существовала своя «титулная нация». В права так называемой титульной нации входило создание институтов государственности – свои Советы Министров, Верховные Советы, образование республиканских партийных организаций, национальных университетов и научно-исследовательских центров (в союзных республиках – академии наук), для представителей «коренной национальности» были гарантированы ключевые должности в системе управления.

Собственно русские оказались везде – и нигде – в формальной структуре СССР. Партийно-государственная политика в значительной степени отождествляла Россию и СССР, не оставляя России многих атрибутов государственности, присущих всем союзным республикам. Вместе с тем отождествление Союза ССР и России провоцировало антирусские настроения. Принципы национально-государственного устройства СССР делали русских, проживающих в национальных республиках, заложниками положения. С одной стороны, они отождествлялись с «правлящей нацией», с другой – не будучи представителями «титулной», «коренной» национальности, не могли занимать ряд управленческих должностей, во всяком случае, когда имелся «свой» претендент. Добавим к вышеизложенному точное замечание И.Р. Шафаревича (во время описываемых событий – члена-корреспондента АН СССР, диссидента, близкого к А.И. Солженицыну и А.Д. Сахаро-

ву). Он писал, что «есть и типично русский порок в нашем отношении к другим народам. Это – неумение видеть границу, отделяющую нас от других наций, отсутствие внутреннего убеждения в их праве существовать именно в их самобытности. Как часто приходилось мне слышать, что русские с каким-то наивным недоумением пытались понять, почему украинцы, белорусы или литовцы не хотят хорошенько выучить русский язык и превратиться в настоящих русских. <...>

Может быть, это происходит от вывернутого, ложно понимаемого чувства равенства – ведь мы считаем всех этих людей равными себе, сразу (хотя и без их спроса) записываем их в русские. Но легко понять, какой ужас и негодование это вызывает у других, особенно маленьких народов, видящих надвигающуюся на них необозримую массу, готовую растворить их в себе без остатка.

<...> Мы можем рассчитывать на симпатию или хотя бы невраждебное отношение наших соседей, только если будем видеть, например, в эстонцах не просто людей во всех отношениях нам равных, но почувствуем, насколько богаче наша жизнь от того, что рядом с нами живет этот маленький мужественный народ, готовый нести любые жертвы, но не отказаться от своей национальной индивидуальности.

Возможна ли та картина, которую я пытался здесь изобразить? Я очень хочу надеяться, что возможна, но честно должен сказать – в том, что она осуществится, я не уверен. Слишком многое здесь наболело, и слишком мало времени, может быть, осталось...»¹.

Возникал парадокс: официально декларируя национальное равноправие как важную составляющую социалистического интернационализма, политическая система разделяла народы на титульные и нетитульные, усугубляла существовавшие в течение десятилетий, если не веков, противоречия и закладывала новые. Многие страницы сравнительно недавнего прошлого – депортация народов, преследование национальной интеллигенции, игнорирование истории собственной государственности народов вне СССР, «голодомор» на Украине и не менее страшные события в ходе коллективизации в Средней Азии, гонения на православное духовенство в Советской России, обстоятельства заключения пакта Риббентропа–Молотова, участие многих представителей Северного Кавказа и крымских татар в войне на стороне Германии – служили превосходным питательным бульоном для национализма и национального экстремизма. Этому способствовало также замалчивание фактов формирования реального республиканского и союзного бюджетов: когда анализ статей бюджета показывал суще-

¹ Шафаревич И.Р. Путь из-под глыб. – М., 1991. С. 90–91.

ствование «ножниц» между относительно незначительным поступлением денег из республик в Центр и большими бюджетными ассигнованиями из Центра.

За непрерывным барабанным боем партийной пропаганды, прославлявшей «величайшее завоевание социализма – разрешение национального вопроса», трудно было расслышать практически непрерывные сообщения КГБ СССР о конфликтах на национальной почве.

Вот выдержки из некоторых сводок.

Комитет госбезопасности информировал ЦК КПСС, что в ночь с 6 на 7 ноября 1965 г. (накануне главного государственного праздника СССР!) были разбиты вывески с текстом на русском языке на зданиях Алма-Атинского обкома КП Казахстана, горисполкома, приемной Президиума Верховного Совета Казахской ССР, Комиссии партийно-государственного контроля ЦК КП Казахстана и Совета Министров Казахской ССР и некоторых учреждений и вузов г. Алма-Аты. Далее говорилось: «Около общежития Казахского педагогического института был порезан лозунг, исполненный на русском языке. За последнее время на территории Казахской ССР отмечены случаи распространения рукописей и анонимных писем националистического характера. В частности, автор двух анонимных писем Аменов Тукен, 1939 года рождения, электрик управления “Павлодарстройпуть”, в мае 1965 года, излагая свои взгляды, писал о необходимости образования самостоятельного казахского государства в связи с тем, что якобы “русские презирают казахов”. <...> Недавно заместитель начальника Главного управления по делам колхозов Министерства сельского хозяйства Казахской ССР Бектасов А.Ж., 1910 года рождения, казах, член КПСС с 1935 года, направил письмо в ЦК компартии Казахстана и правительство республики с изложением своих взглядов о положении в сельском хозяйстве и по другим вопросам, а также о будто бы существующем в Казахстане скрытом великодержавном шовинизме и оборонительном характере местного национализма. <...> Выражают недовольство представители интеллигенции, студенчества, что делопроизводство и обучение в высших учебных заведениях идет на русском языке, что многие руководящие партийно-государственные посты занимают русские».

В той же справке приводились другие факты: «В Алма-Ате разыскан и профилактирован автор многочисленных анонимных писем Скобельский И.М., 1937 года рождения, украинец, шофер автобазы Академии наук Казахской ССР, который, обращаясь в различные редакции газет, допускал шовинистические суждения в адрес казахского народа»¹.

¹ Письмо КГБ СССР в ЦК КПСС от 24 февраля 1966 г.

В листовках, распространенных на Западной Украине, в городе Луцке, содержался призыв: «Люди, возьмите в руки оружие и начинайте сокрушать голову красного дракона, который вот уже полвека душит чуть не всю Европу».

В распространенных в июле 1965 г. в Ташкенте листовках на узбекском языке указывается: «Народная партия Средней Азии обращается с боевым призывом к своему народу на борьбу против русских захватчиков и за освобождение своей родины от столетнего ига, водущевившись в этой борьбе примером народов Алжира, Кубы, Мали... Мы являемся рабами России... Не жалейте жизни для спасения своей нации, гибнущей от русских. Боритесь за освобождение своего народа. Гоните со своей земли русских захватчиков».

Управлением КГБ Ивано-Франковской области был разыскан Угринов, 1924 г. рождения, украинец, беспартийный, рабочий, «который изготовил и распространил в селах Спас и Погорелец, Рожнятовского района, листовки, в которых от имени якобы существующего “Украинского национально-демократического объединения – УНДО” призывал местное население к борьбе против Советской власти путем совершения диверсий на предприятиях, в колхозах, а также террористических актов в отношении партийно-советских работников. Один из братьев Угринова был судим за участие в ОУН, а сам он ранее принадлежал к молодежной националистической организации».

Новый председатель КГБ Ю.В. Андропов сообщил в ЦК, что «противник в своих расчетах расшатать социализм изнутри делает большую ставку на пропаганду национализма, что органы КГБ осуществили ряд мероприятий по пресечению попыток проводить организованную националистическую деятельность в ряде районов страны (Украина, Прибалтика, Азербайджан, Молдавия, Армения, Кабардино-Балкарская, Чечено-Ингушская, Татарская и Абхазская АССР)».

С июня 1967 г., после «семидневной войны» на Ближнем Востоке, был резко ограничен, а точнее, практически прекращен выезд евреев из страны. Спустя год, в июне 1968 г. выезд был разрешен, однако право на выезд получали не более 1500 человек в год¹. Эти ограничения породили широкое движение протеста, получившее международную поддержку.

Вновь подчеркнем: официально национальный вопрос в СССР был решен. То была последовательная, четкая идеологическая установка, объявлявшая несуществующей проблему, ключи к решению которой у КПСС отсутствовали; это косвенно подготавливало распад СССР,

---

¹ Письмо Ю.В. Андропова и А.А. Громыко в ЦК КПСС от 10 июля 1968 г.

насколько бы невероятным не казалось тогда подобное предположение.

Вьетнамская война и СССР. 1965–1968. Отставка Хрущева создавала предпосылки для перемен во внешней политике СССР. Прежде всего, это касалось отношений между двумя крупнейшими социалистическими странами – Советским Союзом и Китайской Народной Республикой. Антисталинская риторика Хрущева превратила его в личного противника Председателя КПК Мао Цзедуня, объявившего себя единственным наследником дела Ленина – Сталина. Свержение Хрущева облегчало возобновление контактов между политическим руководством двух стран.

Сближению способствовало и неблагоприятное развитие событий вокруг Северного Вьетнама. В августе 1964 г. в ответ на усиливавшееся проникновение Северного Вьетнама на юг Соединенные Штаты, выступавшие стратегическим союзником Южного Вьетнама, приняли в конгрессе «Тонкинскую резолюцию», санкционировавшую прямые военные действия США во Вьетнаме.

Сверхдержавы получили новый полигон для традиционного соперничества. Укрепление позиций США в Индокитае означало ухудшение позиций Китая. Вследствие этого руководство СССР было уверено, что Китай станет его союзником в деле оказания помощи Демократической Республике Вьетнам.

Еще в июне 1964 г. советское руководство сдержанно отнеслось к просьбам делегации Национального фронта освобождения Южного Вьетнама во главе с членом ЦК Фронта Ле Ван Тхином о расширении помощи Фронту оружием, зенитной артиллерией, противотанковыми средствами, боеприпасами, медикаментами, деньгами в американских долларах¹, однако в новых условиях оказание военной помощи стало рассматриваться как фактор укрепления позиций СССР в этом регионе.

9 февраля 1965 г. советское правительство опубликовало заявление о том, что СССР вместе со своими союзниками будет вынужден принять все необходимые меры по ограждению безопасности и укреплению боеспособности ДРВ. «Советский народ выполнит свой интернациональный долг в отношении братской социалистической страны»² – говорилось в заявлении. В те же дни председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин посетил Ханой, Пекин и Пхеньян. Состоявшиеся в Ханое переговоры с президентом Хо Ши Мином под-

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 631. Л. 163–164.

² Правда. 1965. 9 февраля.

твердили заинтересованность Северного Вьетнама в получении советской военной помощи. Правительство СССР заявило, что окажет ДВР необходимую помощь и поддержку¹.

На обратном пути Косыгина из Ханоя 11 февраля 1965 г. состоялась его встреча с Мао Цзедунем, ставшая своего рода дипломатической сенсацией. На встрече присутствовали и другие китайские лидеры – Цжоу Эньлай, Лю Шаоци, Дэн Сяопин, Пэн Чжэнь, Хэ Лун, Лю Жуйцин, Лю Сяо, Ян Ченью.

Встреча началась взаимной пикировкой:

«Мао. Я рад видеть вас на Востоке.

Косыгин. Это правильно, но вам тоже следует бывать на Западе.

Мао. Меня туда никто не приглашает.

Косыгин. Мы вас приглашаем.

Мао. Тогда приедем. Я стар, не всегда принимаю участие в заседаниях Политбюро и, видимо, скоро умру...

...Мы сдерживаем самый сильный 7-й американский флот. Когда в 1958 г. мы начали обстрел занятых американцами островов, то они послали туда несколько авианосцев, а затем и часть своего 6-го флота.

Косыгин. СССР сдерживает силы США в Германии.

Мао. Так вот вы и занимаетесь на Западе главным образом тем фронтом, а мы будем бороться здесь в Азии. Американцы вынуждают нас координировать действия».

Мао Цзедун высказался против участия КПК в Консультативной встрече представителей коммунистических и рабочих партий в Москве в марте 1965 г., так как он «догматик», и его сторонники немногочисленны. Мао высказался за продолжение полемики между КПСС и КПК, которая приобрела особенно острые формы к февралю 1964 г.

Косыгин возражал Председателю КПК: «Совещание собираем не мы, а коммунисты всего мира... Вы должны учитывать новые условия и обстановку в Москве после октябрьского пленума, вы же не хотите этого делать».

«Мао. Мы кое-что видим.

Косыгин. Мы делаем сейчас шаги вам навстречу, по-товарищески, с уважением...».

Однако уступки советского гостя не были беспредельны. Косыгин твердо отказался принять предложение Мао о дезавуировании острой критики в адрес руководства КПК, содержавшейся в решениях февральского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС и закрытом письме ЦК от 14 июля 1964 г.

---

¹ Правда, 1965. 11 февраля.

Косыгин настаивал на совместных действиях по поддержке Северного Вьетнама, на использовании советской авиации для транспортировки вооружений. Он напомнил Мао, что «в Конго использовались наши самолеты, которые пилотировались нашими советскими летчиками. На них перевозят в Конго оружие из Алжира и ОАР».

После визита в Пекин Косыгин полагал, что Китай разрешит использовать свое воздушное пространство для перевозки советской военной техники и военнослужащих. 23 февраля 1965 г. было принято постановление Совета Министров СССР об усилении противовоздушной обороны Демократической Республики Вьетнам. Для этой цели предполагалось использовать одну зенитно-ракетную бригаду системы «Волхов» и до 4 тысяч военнослужащих. В конце февраля 1965 г. планировалось перебросить на 45 самолетах АН-12 военную технику по воздушному коридору через территорию Китая.

Однако осуществление этого плана с самого начала встретилось с серьезными трудностями. В усилении позиций СССР в Индокитае не были заинтересованы ни Китай, воспрепятствовавший намерениям Советского Союза использовать свое воздушное пространство, ни, как это ни удивительно, Северный Вьетнам.

23 марта 1965 г. Брежнев на митинге в честь космонавтов на Красной площади заявил: «В наши центральные органы поступает немало обращений от советских граждан, выражающих готовность принять участие в борьбе вьетнамского народа за свободу и независимость. Нам хорошо понятны чувства братской солидарности, социалистического интернационализма, которые находят свое выражение в этих обращениях советских людей»¹. Эта тема нашла отражение в коммюнике по итогам переговоров в Москве Л.И. Брежнева с северовьетнамской делегацией во главе с первым секретарем ЦК Партии трудящихся Вьетнама Ле Зуаном 17 апреля 1965 г. В коммюнике говорилось, что «если агрессия США против Демократической Республики Вьетнам будет усиливаться, Советское правительство в необходимом случае, при обращении Правительства ДРВ, даст согласие на выезд во Вьетнам советских граждан, которые... выразили желание сражаться за справедливое дело вьетнамского народа...»².

Это были заявления-декларации, заявления, рассчитанные на внешний эффект и не отражавшие реально складывавшиеся отношения между Северным Вьетнамом и СССР. Уже в марте 1965 г. министр обороны ДРВ Во Нгуен Зианп дал ясно понять, что Вьетнам ну-

¹ Брежнев Л.И. Ленинским курсом: речи и статьи. — М., 1970. Т. 1. С. 60.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 262. Л. 83.

ждается только в военной технике, и выразил заинтересованность в подготовке вьетнамских военно-технических специалистов. И позднее в закрытом порядке тема отправки добровольцев обсуждалась неоднократно. Точка зрения вьетнамского руководства оставалась неизменной: прежде всего нужна помощь военной техникой и военно-техническим имуществом, а людских ресурсов во Вьетнаме достаточно¹.

В позиции северовьетнамской стороны ясно просматривался прагматический расчет: руководствуясь соображениями «социалистического интернационализма», своими политическими обязательствами, СССР будет вынужден оказывать помощь практически на любых условиях. Так и получилось. По подсчетам советской стороны, с 1953 г. по март 1965 г. (накануне нового этапа массовых поставок вооружений) СССР поставил во Вьетнам вооружений: безвозмездно на 191,5 млн руб., по клирингу – на 2,3 млн руб., в кредит – на 6,95 млн руб.

Политическое доктринерство советского руководства завело их в дипломатическую ловушку: у партнеров появилась возможность игнорировать собственные интересы СССР.

В апреле 1965 г. по итогам поездки А.Н. Косыгина и в соответствии с постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР было решено поставить Вьетнаму вооружений на сумму 140 млн руб. Во второй половине 1965 г. и первой половине 1966 г. планировалось поставить во Вьетнам береговой ракетный дивизион «Сопка». На 2 июля 1965 г. во Вьетнаме находилось 332 советских военных специалиста. (Заметим, что численность военных советников из СССР в течение всего военного конфликта не превышала 500 человек, то есть оставалась почти в десять раз меньше намеченной первоначально). К июлю 1965 г. советские специалисты фактически обслуживали пусковые установки зенитных ракет. Усиление американских бомбардировок Северного Вьетнама вынудило вьетнамское руководство просить СССР прислать военных летчиков, что, как считала советская сторона, представлялось нецелесообразным, ведь «с первых минут боя станет ясно, что их (самолеты. – *Лет.*) пилотируют русские».

Драматическая ситуация складывалась вокруг советских ракет ПВО, размещенных в Северном Вьетнаме. Об этом сообщил в ЦК КПСС в телеграмме от 31 июня 1965 г. посол СССР во Вьетнаме И.С. Щербаков². Он писал, что первые боевые действия ракетного полка пришлось на 24 и 26 июля. Вьетнамская сторона не слишком верила в эффективность советской техники. «Накануне боя, – докладывал Щер-

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 262. Л. 83.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 541. Л. 18–21.

баков, – китайские специалисты внушали, что техника старая и ненадежная». Ракеты, действительно, были произведены в 1956–1958 гг. «Поставив боевую задачу, – продолжал посол, – вьетнамцы по существу уклонились от боя. Бой вели советские специалисты, при наличии 25 % комплекта личного состава дивизиона». Идея «смешанных расчетов», состоявших из советских и вьетнамских специалистов, была преднамеренно не осуществлена. В случае неудачи вьетнамцы «умыли бы руки».

Однако первый опыт применения советских ракет ПВО спутал многие расчеты. 7 советскими ракетами было сбито 5 самолетов. Итоги первого боя обсуждались высшим вьетнамским руководством на уровне премьер-министра Фам Ван Донга и министра Во Нгуен Зиана. «Хо Ши Мин обещал прислать поздравление, – писал посол, – но до 31 июля не прислал».

26 июля во втором бою уже участвовали смешанные расчеты (командир стреляющего дивизиона – майор Ильиных). Посол жаловался на скверное отношение вьетнамцев к советским специалистам. 26 июля их даже не накормили. Вьетнамские офицеры и солдаты «на ходу спят». В полной мере советскую технику оценило американское командование. Американские самолеты немедленно покинули воздушное пространство и в этот день больше не появлялись.

К 1 октября 1965 г. в ДРВ находилось 413 советских ракетчиков и 44 авиационных специалиста, 18 специалистов по другим видам техники.

Наряду с военной помощью СССР организовывал дипломатическую и общественную поддержку Северному Вьетнаму. 6 апреля 1966 г. было принято постановление Секретариата ЦК КПСС «О всемирной кампании за полное и окончательное прекращение бомбардировок ДРВ», где содержались указания советским представителям в международных организациях по данному вопросу¹.

В свою очередь, действия руководства Северного Вьетнама вели к всемерному обострению советско-американских отношений. 18 июля 1966 г. Министерство морского флота СССР направило в ЦК КПСС письмо, в котором сообщало о сложностях, связанных с доставкой грузов во Вьетнам, и непростых отношениях, складывавшихся между советской и вьетнамской сторонами.

В письме говорилось, что в пути советские суда подвергаются облетам американских самолетов, при входе в Тонкинский залив преодолевают зону, где постоянно дежурят 2–3 авианосца, вокруг кото-

---

¹ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 20. Д. 349. Л. 104–108.

рых непрерывно курсирует крейсер. Каждый авианосец сопровождают 6–8 эсминцев. Советские суда вынуждены проходить фактически через блокируемую авианосцами, эсминцами и самолетами морскую зону.

Однако советскую сторону тревожило другое: «Анализируя условия работы советских судов в районе Хайфона за последнее время, Министерство считает необходимым доложить о следующем:

1. Вьетнамские морские власти искусственно задерживают разгрузку советских судов, считая, что чем больше советских судов находится в порту и в районе порта Хайфон, тем безопаснее положение в порту (приводились многочисленные примеры, когда суда неделями и месяцами стояли в ожидании разгрузки, даже если на борту находились опасные грузы, например бензин. — *Авт.*).

2. Советские суда ставились у наиболее опасных мест, например у зенитных береговых батарей, по-видимому, имея в виду, что американцы воздержатся от бомбежки таких батарей ввиду наличия около них советских судов, а может быть для создания вынужденного положения, по желанию некоторых лиц, чтобы советское судно было разбомблено.

3. Во время налетов к борту советских судов подходят военные катера и открывают стрельбу из-под бортов советских судов, вызывая тем самым огонь с американских самолетов на советские суда, были случаи, когда китайские суда, находившиеся рядом, открывали огонь из автоматов.

4. Во время одного из налетов на район Хайфона с американских самолетов были сброшены неизвестные предметы... Можно было предполагать, что это были донные мины. Мы обратились с просьбой к вьетнамским друзьям проверить. Вьетнамские друзья очень хладнокровно отнеслись к нашей просьбе и фактически как следует не проверили. Между тем 10 июля китайское судно вьетнамские лоцманы направили в обход опасной зоны, а 11 июля советский пароход “Челябинск” сознательно направили прямо через опасный район, по-видимому, желая этим проверить, действительно ли есть донные мины или нет? Этим явно ставился под угрозу советский корабль. Вьетнамские лоцманы не сообщили советскому капитану о возможной опасности».

В пределах своей компетенции Министерство морского флота СССР делало следующие выводы: сообщить вьетнамским друзьям, что советская сторона не прекратит направлять суда с грузами во вьетнамские порты, обратить внимание вьетнамской стороны на необходимость не допускать задержки советских судов морскими и портовыми властями Вьетнама, что подвергает суда угрозе нападения,

и одновременно принять соответствующие меры по максимальному ускорению разгрузки и погрузки судов¹.

Сложно складывались отношения между советскими и вьетнамскими военными. Советский военный атташе в Ханое жаловался на то, что «вьетнамская сторона в более или менее резкой форме продолжала проводить курс на отгораживание советских представителей в ДРВ от всякой возможности оказывать влияние на развитие событий в стране. Удалены многочисленные военные советники по родам войск, а сохранились только военные и гражданские советники, имеющие узкие задачи технической консультации. Это результат взятого руководством ДРВ прокитайского курса в проведении своей политики»².

Советская сторона, естественно, стремилась ознакомиться с образцами американской военной техники. Должны были тщательно изучаться обломки сбитых самолетов, трофейные образцы. СССР, поставляя вооружение во Вьетнам, явно демонстрировал свою заинтересованность в сотрудничестве с северовьетнамцами в этой области. Однако, судя по «Справке о работе спецгруппы советских специалистов по изучению американской военной техники», датированной 14 марта 1967 г., при выполнении имевшихся договоренностей советские специалисты сталкивались с серьезными трудностями. Процитируем «Справку»: «Приходится работать в ДРВ в трудной обстановке, которая нередко искусственно осложняется вьетнамскими товарищами. Известно, что основным методом отбора образцов советскими специалистами, по установленному вьетнамской стороной порядку, являются их поездки к местам падения сбитых американских самолетов. Однако вьетнамские товарищи, используя различные предлоги, скрывают от нас места падения самолетов и оттягивают поездки к ним даже при положительном решении вопроса о поездке... Имеется немало примеров, когда до прибытия наших специалистов сбитые самолеты осматриваются квалифицированными специалистами, и, как теперь выяснилось, китайскими. Так, в январе с. г. был сбит ракетой разведывательный самолет усовершенствованного образца. наших специалистов пригласили осмотреть этот самолет, но когда они явились на место, то там оказались китайцы, которые уже сняли все ценное оборудование и подготовили остатки самолета к взрыву.

Нередки случаи, когда советским специалистам отказывали в осмотре сбитых самолетов и в передаче уже отобранных образцов под различными необоснованными предложениями...

¹ Там же. Ф. 5. Оп. 58. Д. 263. Л. 38–41.

² Письмо в Минобороны военного, военно-воздушного и военно-морского атташе при посольстве СССР в ДРВ от 11 ноября 1966 г.

...Аналогичным образом обстоит дело и с обменом военной информацией. Как правило, наших военных информируют в самом общем виде, упрощенно, а иногда и просто скрывают истинное положение, что по существу ведет к дезинформации. Фактически слабо выполняется достигнутая договоренность о том, что наших специалистов будут ежемесячно информировать об обстановке и действиях противника, о воздушных боях, регулярно будут передаваться допросы пленных американских летчиков, читаться обобщенные доклады о применении помех, по использованию американских ракет и тактике авиации ВВС и ВМС США»¹.

В этой справке в косвенном виде сформулирован ответ на вопрос: имели ли советские военные доступ к американским летчикам, сбитым над Вьетнамом. Советских специалистов не только не допускали к пленным, но зачастую не знакомили с материалами допросов, в которых для советской стороны особую важность представляли сведения об эффективности применения советской военной техники.

Необходимо также отметить, что с 5 августа 1964 г. до 1 ноября 1968 г., по ориентировочным данным, действиями сил ПВО Вьетнама против авиации ВВС и ВМС США было сбито 3 243 самолета.

Говоря о развитии СССР в период с октября 1964 по 1968 г., следует отметить, что шел внутренне противоречивый процесс, когда попытки экономической модернизации сочетались со стремлением укрепить консервативные тенденции в политической жизни. В эти годы была предпринята, пожалуй, первая попытка затронуть монополию власти КПСС, в стране происходило зарождение и формирование диссидентского движения. Все это происходило на фоне довольно успешного противостояния СССР США по всему миру. В этой связи особое значение имели события в Чехословакии в 1968 г., которые поставили перед руководством СССР много сложных задач.

Чехословакия-1968. Взгляд из Москвы. Чехословацкие события наложили неизгладимый отпечаток на все стороны жизни Советского Союза – и на расстановку сил в Политбюро ЦК КПСС, и на внешнюю политику страны, и на развитие экономики, культуры, общественного движения. После Хрущева перед высшим политическим руководством страны вновь встал вопрос: насколько далеко могут пойти реформы, не затронув при этом основы социализма? Постановка вопроса для коммунистического руководства была по-своему закономерна: убежденность в существовании враждебного империалисти-

¹ АП РФ. Р-9636. Ф. 5. Оп. 59. Д. 320. Л. 43–46.

ческого окружения, постоянные военные конфликты (война во Вьетнаме, «семидневная война» и разгром союзников СССР на Ближнем Востоке), идеологическая борьба (в частности, теория конвергенции У. Ростоу о неизбежности сближения и взаимопроникновения социализма и капитализма) создавали у них ощущение постоянной внешней угрозы, узнаваемое и понятное для поколения политиков, принимавшего непосредственное участие во Второй мировой войне.

Отсутствовала уверенность в прочности лагеря социализма, социалистической системы. Не были забыты ни берлинское восстание 1953 г., ни венгерские события 1956 г., ни волнения в Польше, ни попытки Югославии, Албании, Румынии, Китая уйти более или менее далеко от союза с КПСС.

Значение «пражской весны» для СССР нельзя понять вне социально-политического контекста событий. То, что происходило в Чехословакии, находило отклик в различных кругах советского общества.

Политбюро и Секретариат ЦК КПСС были в курсе многих событий, происходивших в то время в Чехословакии. Систематическое информирование Кремля и Старой площади было налажено по каналам посольства СССР в Праге и очень активно работавшего генерального консульства в Братиславе. Большое значение имели личные встречи с чехословацкими деятелями, учившимися в Москве или приезжавшими по делам службы, и представителями компартий других социалистических стран. Информация поступала из источников практически во всех слоях чехословацкого общества и давала представление о многообразии политических течений в рамках КПЧ. Создается впечатление, что этот колоссальный поток сведений стал следствием стремления различных групп политической элиты Чехословакии доказать правильность именно своей точки зрения и в своих действиях заручиться поддержкой Москвы. Поступавшая информация анализировалась. Но было бы упрощением считать, что результаты такого анализа влияли только на внешнеполитическую стратегию. «Братский лагерь социалистических стран» неизбежно проецировал происходящее в Чехословакии на свои внутренние дела. Шел опасный эксперимент по выявлению возможности реформирования «реального социализма». Итоги этого эксперимента были важны не только для Чехословакии.

Уже в 1967 г. советское посольство в Праге отмечало развитие идеологически неблагоприятных тенденций в Чехословакии. Не остались незамеченными выступления пражских студентов в ноябре 1967 г., критика политического курса страны, раздававшаяся на собрании чехословацких писателей. К происходящему в соседней стране с тревогой присматривалось партийное руководство Польши. Так, 19 декабря

1967 г. из Польши поступила подробная информация, содержащая сведения об угрозе идеологического перерождения Чехословакии¹.

Смена руководства в ЧССР. В самой Чехословакии вспыхнула борьба за власть внутри высшего партийного руководства. С различных сторон велась резкая критика деятельности А. Новотного, занимавшего одновременно посты первого секретаря ЦК КПЧ и президента Чехословакии. В этих условиях отнюдь не случайно в декабре 1967 г. в Прагу с визитом прибыл генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев. Формальным поводом для визита стало приглашение Новотного отдохнуть и поохотиться. Однако Брежнев потратил время не на охотничьи развлечения, а на многочисленные консультации с чехословацкими лидерами. По итогам визита Брежнев фактически дал согласие на замену Новотного. «Это ваше дело»,² – с такими словами генеральный секретарь ЦК КПСС вручил судьбу А. Новотного в руки его соперников в Президиуме ЦК КПЧ. Полагаем, что для Кремля А. Новотный слишком ассоциировался со своим недавним покровителем Н.С. Хрущевым, которого также критиковали за совмещение партийных и государственных должностей, волюнтаризм, отсутствие «коллективного руководства». Не была, конечно, забыта и попытка А. Новотного иметь собственное мнение об отставке Хрущева, отличавшееся от мнения Москвы.

На пленуме ЦК КПЧ (декабрь 1967 г. – январь 1968 г.) разгорелась схватка, в которой проявилось противоборство трех группировок. Впрочем, следует иметь в виду, что сколько-нибудь сформировавшихся групп в руководстве КПЧ не было, по крайней мере, до августа 1968 г., поэтому все попытки структурировать высшее политическое руководство Чехословакии более или менее условны. Первая группировка – «коммунистические фундаменталисты» – оказалась на пленуме в абсолютном меньшинстве. Наиболее четко ее позицию выразил председатель Словацкого национального совета М. Худик. Худик, по словам В. Биляка (ставшего впоследствии первым секретарем компартии Словакии и относившегося к своему коллеге с явной иронией), «спасал третьего рабочего президента. Он буквально кричал, что есть люди, которые хотят видеть партию иной, чем она есть сейчас, не заботятся о ее единстве, что они хотят принести т. Новотного в жертву студентам и распоясавшимся профессорам»³. Любопытен вывод Биляка: Худик противопоставил себя руководству Президиума ЦК КПЧ.

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 299. Л. 1–5.

² Млынарж: З. Мороз ударил из Кремля. – М., 1992. С. 77.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 299. Л. 11–15.

Вторую группировку можно условно назвать «реформаторским крылом». По информации Худика, поступившей в Москву по каналам консульства в Братиславе, лидером этого направления был экономист О. Шик. План демократизации КПЧ, предложенный О. Шиком на декабрьском пленуме ЦК, Худик оценивал как курс на раскол партии. «Шиковцами», по его мнению, были О. Черник, Д. Кольдер и И. Гендих¹.

И, наконец, на этом пленуме ЦК КПЧ в полной мере проявила себя словацкая группировка. Словаки были раздражены сокращением полномочий местных властей, проведенным А. Новотным в начале 60-х гг. Словацкие учреждения оказались в прямой зависимости от пражских центральных министерств и ведомств². Позиция словацких делегатов определялась не в последнюю очередь и воздействием местной интеллигенции. Словацкие писатели жаловались, что в составе Верховного суда не было ни одного словака, что из 318 врачей было только 14 словаков. Больно задевал братиславских писателей и такой факт: возглавляемая сыном Новотного фирма «Аргия», специализировавшаяся на торговле произведениями искусства и изделиями художественных промыслов, по словам братиславских писателей, на 99 % закупала изделия художников-чехов, и только на 1 % – словаков³. Сам А. Новотный считал лидером словацкой группировки, словацким националистом А. Дубчека.

Позиции А. Новотного в Президиуме ЦК КПЧ были относительно прочными, но этого было недостаточно, чтобы сохранить пост первого секретаря ЦК. Президиум раскололся, по словам Д. Кольдера, пополам: пять-на-пять. На пленуме же большинство принадлежало противникам А. Новотного: за его отставку выступали Д. Кольдер, И. Гендих, О. Черник, Я. Доланский и В. Коуцкий. Эту позицию активно поддерживал В. Биляк. Они также настаивали на разделении постов секретаря ЦК и президента ЧССР.

За Новотного выступили только два члена Президиума ЦК – О. Шимунек и М. Худик. У Новотного была поддержка и вне стен зала, где проходил пленум. В его защиту решительно высказался партком Министерства национальной обороны. В резолюции своего расширенного заседания, направленной на пленум, партком выразил «глубокое беспокойство в связи с проникновением в парторганизацию министерства часто противоречивых взглядов на реализацию тезисов, принятых на Пленуме ЦК КПЧ в октябре 1967 г. Эти взгляды ведут к из-

---

¹ Там же. Л. 7–8.

² Там же. Л. 1–5.

³ Там же. Л. 8.

менениям в руководстве КПЧ, и в частности, к разделению функций первого секретаря и президента республики. Они ведут к подрыву идейного и организационного единства не только нашего министерства, но и всей партии». В резолюции содержалось требование, чтобы пленум учел это мнение¹.

Однако для большинства участников пленума ответ на вопрос о разделении высших государственных и партийных должностей был уже преопределен. В кулуарах пленума обсуждался вопрос о том, кто станет первым секретарем ЦК КПЧ. Члены ЦК А. Дубчек, Ф. Барбирек, Я. Яник, Ш. Садовский видели в Олдржихе Чернике «кандидатуру № 1». Они допускали возможность выдвижения «чешскими товарищами» А. Дубчека, но полагали, что это нежелательно, так как он словак. Это мнение разделяли Ф. Дворский и К. Бодя. Кроме О. Черника и А. Дубчека, в качестве возможных претендентов на высший партийный пост рассматривались председатель Национального собрания Й. Смирковский и секретарь ЦК КПЧ А. Индра – «несколько догматики», однако «весьма фундаментальные и положительные деятели, преданные делу партии и СССР».

В результате на пленуме было принято решение о разделении постов. 5 января 1968 г. первым секретарем ЦК КПЧ был провозглашен А. Дубчек. На посту президента ЧССР остался (впрочем, ненадолго) А. Новотный.

Нового первого секретаря по телефону поздравил Л.И. Брежнев и пригласил совершить официальный визит в Москву. Дубчек принял это предложение, однако попросил о возможности предварить официальный визит личной встречей для того, чтобы «посоветоваться по некоторым вопросам». Визит вскоре состоялся. С этого времени контакты Брежнева и Дубчека стали постоянными. Полагаем, что Брежнев создавал персональную ответственность за избрание Дубчека, что придавало их отношениям в какой-то мере личный характер и в известной степени оказывало влияние на развитие событий в течение всего 1968 г.

Вопросы, связанные с Чехословакией, Политбюро ЦК КПСС в первый раз рассматривало на заседании 18 января 1968 г. Эта тема была вскользь затронута в информации о беседах Л.И. Брежнева с руководителями СЕПГ и ПОРП: «Тов. Гомулка... в связи с пленумом в Чехословакии... выражал некоторое опасение в том смысле, как бы не произошло какого-то иного поворота, чтобы сейчас помочь тов. Дубчеку проводить твердую линию, которую занимала до сих пор Чехо-

---

¹ Там же. Л. 1–2.

словацкая коммунистическая партия как во внутренних вопросах, так и в международном коммунистическом движении»¹. Брежнев также сообщил о своем телефонном разговоре с Дубчеком².

Однако обстоятельное обсуждение вопроса о положении в Чехословакии еще предстояло. Докладчиком выступил посол СССР в Чехословакии С.В. Червоненко. Свое сообщение он начал так: «Мы подробно информировали обо всей ситуации, которая сложилась в Чехословакии. До последних пленумов мы это делали в записках, а затем в телеграммах. Эта обстановка назревала давно, как видно из нашей информации.

А информация наша была основана с начала и до конца на вполне проверенных и надежных источниках»³.

Оценивая обстановку в ЧССР, посол заявил, что «процесс идет. И этот процесс остается сложным». Положительным результатом пленума КПЧ Червоненко считал единство, проявленное при избрании первого секретаря. Посол указал, что на пленуме речь шла о слабости централизованного руководства, об обстановке на идеологическом фронте, о том, что в Чехословакии обострились национальные проблемы. Червоненко отметил, что «правильно критикуя Новотного за негибкость в решении многих вопросов, обвиняя его в догматизме, кое-кто попытался расшатать основы партии, ревизовать основные позиции партии, основные направления в политике и практике партийной линии в Чехословакии... Кадровые вопросы... Конечно, сейчас Запад работает над тем, чтобы Ленарта (председатель Совета Министров Чехословакии. — *Авт.*) освободить. Кто может прийти вместо Ленарта? Очевидно, Черник».

Основной итог пленума, по мнению Червоненко, заключался в том, что «пленум предупредил раскол, который мог быть в партии. Это заслуга... своевременного вмешательства в эти вопросы КПСС, ЦК на-

А. Дубчек

¹ АП РФ. Рабочая запись заседаний Политбюро ЦК КПСС. 1968 г. С. 19.

² Там же. С. 29.

³ Там же. С. 37.

шей партии и, в частности, приезд т. Брежнева перед пленумом»¹. «Надо сказать, – продолжал далее Червоненко, – что Дубчек чувствует себя сейчас пока неуверенно... Т. Дубчек – безусловно, честный, преданный человек, очень преданный друг Советского Союза»².

Червоненко внес ряд предложений, направленных на укрепление связей с новым партийным руководством КПЧ. С этой целью он считал целесообразным пригласить Дубчека посетить Москву с неофициальным визитом, направить в Чехословакию делегацию «высокого уровня» на празднование 20-летия прихода коммунистов к власти в феврале 1968 г., рассмотреть некоторые вопросы экономического сотрудничества.

На этом заседании Политбюро поднималась еще одна тема – о подготовке проекта советско-румынского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Румынское правительство настояло на изменении статьи 7 в проекте Договора, включив положение, согласно которому совместные военные действия становились возможны лишь при «нападении империалистических государств или группы империалистических стран». Это исключало возможность использования румынской армии против одной из социалистических стран. Брежнев так прокомментировал сложившуюся ситуацию: «Суть этого замечания, очевидно, состоит в том, что они подразумевают Китай и возможность возникновения конфликта с Китаем». Докладчик, заместитель министра иностранных дел Л.Ф. Ильичев подтвердил, что румыны именно этого и опасались. Однако внесенная поправка, как вскоре выяснилось, позволила Румынии отмежеваться от участия в акции Варшавского Договора против ЧССР.

В Чехословакии же происходившие в партии перемены, отставка Новотного в известной мере ассоциировались с отстранением от власти Хрущева. В феврале 1968 г. в ЦК КПСС поступило любопытное письмо от делегатов городской конференции КПЧ в Бошковице. В нем содержалась «благодарность за вашу принципиальную позицию на пленуме ЦК КПСС в октябре 1964 г. Эта позиция вдохновила нас на решительные действия, направленные на преодоление субъективизма в собственных рядах и методах партийной работы»³.

Намеченные на заседании Политбюро ЦК КПСС действия были осуществлены – личные контакты Брежнева и Дубчека (в том числе и беседы по телефону) продолжались, советская партийно-правитель-

---

¹ АП РФ. Рабочая запись заседаний Политбюро ЦК КПСС. 1968 г. С. 37–38.

² Там же. С. 39.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 308.

ственная делегация на высшем уровне посетила Прагу в феврале 1968 г. В начале марта в Софии, где проходило совещание Подготовительного консультативного комитета международного совещания коммунистических и рабочих партий, состоялись неоднократные встречи А. Дубчека с Л.И. Брежневым и председателем Совета Министров СССР А.Н. Косыгиным.

Методы, которыми ведется сейчас работа в Чехословакии, «**М**очень напоминают венгерские». В феврале – начале марта 1968 г. политическая ситуация в «социалистическом лагере» продолжала осложняться. Первым чрезвычайно тревожным сигналом стали волнения польских студентов, в ходе которых выдвигались лозунги в поддержку событий в Чехословакии. Снятие А. Новотного ассоциировалось в Польше с победой над остатками сталинизма. Важнейшее значение для внутренней жизни ЧССР имела фактическая отмена цензуры в чехословацкой прессе, повлиявшая на отношения между КПЧ и компартиями других социалистических стран.

Осложнились отношения СССР с Румынией. Реальной стала угроза выхода Румынии из Варшавского Договора. На заседании Политбюро 3 марта 1968 г. министр обороны СССР маршал А.А. Гречко докладывал: «Теперь ясно, что они (румыны. – *Авт.*) за пересмотр всего Варшавского Договора в целом... Мы создадим штаб (объединенного командования Варшавского Договора. – *Авт.*) вполне боеспособный, и Варшавский Договор не пострадает, если уйдут румыны»¹.

Критика, раздававшаяся в чехословацкой прессе в адрес Варшавского Договора, свидетельствовала об опасности, что примеру Румынии может последовать Чехословакия. В свою очередь, это привело бы к фактической ликвидации Варшавского Договора, или, по крайней мере, значительному ослаблению его западных границ.

Претерпевала изменения идеологическая ситуация в самом СССР. Классическое коммунистическое единомыслие под воздействием разновекторных сил начинало разрушаться. Старый смутьян, самый знаменитый военачальник Великой Отечественной войны маршал Жуков пришелся не ко двору не только Сталину и Хрущеву, но и Брежневу. Леонид Ильич с негодованием говорил своим соратникам на заседании Политбюро 3 марта 1968 г. о том, что «у нас появилось за последнее время много мемуарной литературы... Освещают, например, Отечественную войну вкривь и вкось, где-то берут документы в архивах, искажают, перевирают эти документы... Где эти люди берут документы? Почему у нас стало так свободно с этим вопросом?

¹ АП РФ. Рабочая запись заседаний Политбюро ЦК КПСС. 1968 г. С. 92.

Гречко... С архивами мы разберемся и наведем порядок. О мемуарах Жукова мы сейчас пишем свое заключение. Там много ненужного и вредного».

Доставлял проблемы и другой сановный мемуарист – Никита Сергеевич Хрушев. На заседании Политбюро по поводу его мемуаров делал доклад Андропов, выступали Косыгин и Брежнев. Было принято такое решение: «Андропову усилить наблюдение за этой работой и принять меры к изъятию материалов. А через некоторое время, может быть, следует вызвать т. Хрущева в ЦК КПСС и предложить ему прекратить эту работу»¹.

Набирало силу диссидентское движение. «Разного рода писатели, – говорил на заседании Политбюро 3 марта Брежнев, – например, Якир, Есенин и другие пишут письма, передергивают факты, письма идут за границу и передаются по Би-би-си...». Ему вторил Подгорный: «Надо посмотреть Союз писателей. Что это за организация, в которую вступают совершенно непонятные люди, написавшие две заметки в газету». Андропов сообщал о готовившейся демонстрации, «связанной с Литвиновым». В отличие от Подгорного, предлагавшего «продумать серию мер, в том числе выселения из Москвы этих типов, послать туда, откуда они приехали»², Брежнев, активно участвовавший в развернувшейся дискуссии, сформулировал широкий спектр мер воздействия на творческую интеллигенцию – от рекомендации «подумать над тем, чтобы в зародыше убить те бактерии, которые могут нанести нам серьезный вред», до глубокомысленного признания, что «вопросы работы с интеллигенцией – это серьезный вопрос, и просто так административными мерами эти вопросы не решишь. Всегда на всех этапах жизни и борьбы до советской власти и в первые годы советской власти этим вопросам придавалось особое значение, и определенную категорию интеллигенции, в частности, писателей всегда поощряли. Может быть, нам подумать и над этими мерами, в частности, может быть, создать академию литературы и искусства, сделать хороший отбор в эту академию, создать им условия для работы».

¹ АП РФ. Рабочая запись заседаний Политбюро ЦК КПСС. 1968 г. С. 93–95.

² С этим заявлением Подгорного связана, на наш взгляд, записка, которую направили в ЦК КПСС 3 апреля 1968 г. МГК КПСС, КГБ СССР, Министерство охраны общественного порядка СССР и Прокуратура СССР, и внесенный ими проект постановления Совмина СССР «Об укреплении паспортного режима в городе Москве и Московской области», по которому предполагалось предоставить исполкомам Московского городского и Московского областного Советов «право без предварительного наложения административного взыскания аннулировать прописку лиц, занимающихся антиобщественной деятельностью, допускающих клеветнические измышления, подстрекающих антиобщественные элементы к политически вредной деятельности, провокационно ведущих себя по отношению к органам власти...».

До создания академии дело не дошло, но комиссию Политбюро по первоочередным вопросам идеологической работы в составе А.П. Кирилленко, А.Н. Шелепина, А.Я. Пельше, П.Н. Демичева и Ю.В. Андропова образовали...¹

На протяжении февраля – начала марта 1968 г. политическая ситуация в Чехословакии значительно осложнилась. Напомним, в стране практически перестала действовать цензура. В своих воспоминаниях идеолог «пражской весны» З. Млынарж отмечал, что «началась открытая критика... методов работы КПЧ, профсоюзов, органов госбезопасности и юстиции и, как следствие, сняли с постов ряд секретарей ЦК, руководителей центрального совета профсоюзов, министра внутренних дел и генерального прокурора»². Обострились противоречия в руководстве КПЧ. Многочисленные противники А. Новотного добивались его отставки с поста президента ЧССР. Против Новотного объединялись разнородные политические силы. Его отставки уже требовали на митингах.

Усиление напряженности в Чехословакии заставило вновь рассмотреть вопрос о положении в этой стране на заседании Политбюро 15 марта 1968 г. Из хода обсуждения очевидно, что в Москве не одобряли готовящуюся отставку А. Новотного. Шли интенсивные консультации руководства КПСС с В. Гомулкой и Я. Кадаром. Ситуация в Чехословакии рассматривалась наряду с волнениями студентов в Польше. Политбюро считало целесообразным обратиться с письмом в адрес Президиума ЦК КПЧ, в котором, как предлагал Б.Н. Пономарев, следовало бы «сказать, что у них начался разгул в печати, по радио и телевидению, сказать, что все это направлено на отрыв Чехословакии от социалистического лагеря, от СССР, сказать яснее и подробнее об этом... Сказать в письме и о том, что они находятся рядом с ФРГ...». «Положение действительно очень серьезное. Методы и формы, которыми ведется сейчас работа в Чехословакии, очень напоминают венгерские. В этом внешнем хаосе... есть свой порядок. В Венгрии тоже с этого начиналось, а потом пришел первый, второй эшелон и, наконец, социал-демократы», – заявил председатель КГБ Ю.В. Андропов, осуществлявший непосредственное руководство мерами по подавлению венгерского восстания в 1956 г. Сам Брежнев считал, что «надежды на Дубчека не оправдываются, он может вылететь, так как события, которые происходят, им мало управляются... Ведь может случиться так, что они снимут Новотного. Они сняли прокурора, начальника

¹ АП РФ. Рабочая запись заседаний Политбюро ЦК КПСС. 1968 г. С. 93–95.

² Млынарж З. Мороз ударил из Кремля. – М., 1992. С. 126–127.

КГБ, на очереди Ломский (министр национальной обороны ЧССР. – *Авт.*), а потом и за Дубчеком дело».

Во время заседания Политбюро Брежнев вышел, чтобы позвонить в Прагу Дубчеку, и, вернувшись, пересказал только что состоявшийся разговор. Дубчек уверял, что «у нас ни в Праге, ни в стране не будет никаких событий, что вот плоховато в Польше, им бы нужно помочь... Мы справимся с событиями, которые у нас происходят».

Брежнев проинформировал Дубчека о решении подготовить письмо в ЦК КПЧ. Они договорились о встрече Я. Кадара и А. Дубчека (в течение всего 1968 г. Кадару отводилась роль постоянного связного между ЦК КПСС и ЦК КПЧ, что, как нам кажется, не отражено в научной литературе); была также достигнута договоренность о встрече лидеров КПСС и КПЧ.

Между тем ситуация в Чехословакии продолжала ухудшаться. А. Новотный подал в отставку вскоре после массового митинга, участники которого требовали его ухода с поста президента. Новотный хотел выступить по телевидению. Он собирался публично заявить об отказе от активной политической деятельности. Вместе с тем он выражал обеспокоенность по поводу радикализации политических взглядов в обществе. Новотный полемизировал со Смирковским и резко отметал обвинения последнего в том, что в декабре 1967 г. или январе 1968 г. на защиту президента ЧССР должны были выступить органы безопасности¹. Выступление А. Новотного было подготовлено, но в эфир его не пустили.

20 марта в Москву передали содержание разговора с Биляком, который утверждал, что «центральное руководство положением в партии и стране не владеет,.. группа Новотного тянет влево, группа Смирковского – вправо, и тов. Дубчеку приходится буквально “драться” за каждый пункт того или иного решения. Словацкие коммунисты, как и все трудящиеся, требуют создания федеративной ЧССР». Биляк уведомил, что в качестве кандидатов на пост президента предлагались А. Свобода, Й. Смирковский и «окруженный ореолом героя и мученика» Г. Гусак².

Уход А. Новотного с поста президента, отставка политических деятелей, которых считали сторонниками просоветской ориентации, вызвали в Москве раздражение и новые опасения. Выступления участников заседания Политбюро 21 марта 1968 г. отличались несвойственной прежде резкостью. Брежнев, открыв заседание, подробно рас-

¹ Млынарж Ж. Мороз ударил из Кремля. – М., 1992. Л. 114–131.

² РГИАИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 323. Л. 108–111.

сказал об отношениях между Политбюро ЦК КПСС и ЦК КПЧ в течение зимы и весны 1968 г. Этот своеобразный исторический экскурс должен был служить свидетельством быстрого ухудшения положения в Чехословакии, утраты ЦК КПЧ контроля за положением в стране. Брежнев напомнил о многочисленных контактах с Дубчеком, его постоянных заверениях, что «у них все спокойно, что события не выйдут на улицу», однако, по мнению Брежнева, «митинги, собрания, активы и т. д. — многие из них носят направленность антисоветскую. Все больше проглядывается, что направляет эти события не ЦК КПЧ, а Смерковские, Шики и другие обиженные люди. Видно, они твердо решили, или во всяком случае предрешили, окончательно об освобождении гг. Новотного, Ленарта, Ломского и некоторых хороших и искренних друзей Советского Союза». Брежнев сообщил о просьбе Дубчека, которую тот излагал ему лично, а также через посла Червошенко. Дубчек просил не направлять письмо, подготовленное на предыдущем заседании Политбюро ЦК КПСС, в ЦК КПЧ, так как это могло ухудшить положение самого Дубчека. Брежнев согласился и задержал отправку письма.

Этот своеобразный самоотчет Брежнева о действиях в отношении Чехословакии вызывает ощущение, что генеральный секретарь пытался оправдаться перед Политбюро за нежелательное развитие событий.

Брежнев отметил, что ситуация в Чехословакии вызывает сильную тревогу у лидеров ряда социалистических стран: «В Софии и уже после к нам обращались гг. Живков, Гомулка, Кадар с просьбой о том, чтобы КПСС приняла какие-то меры к урегулированию положения в Чехословакии, но они не высказали, какие именно меры. За последние дни мы вели ежедневные переговоры». В ходе переговоров была достигнута договоренность о встрече в Дрездене с чешским руководством. Во встрече, помимо делегаций ЦК КПСС и ЦК КПЧ, должны были участвовать представители ГДР, Польши и Венгрии. По настоянию Живкова и советского руководства, в Дрезден должна была прибыть и болгарская делегация.

Положение в Чехословакии, по мнению Брежнева, было настолько сложным, что его необходимо было обсудить на специальном пленуме ЦК. Для этого Брежнев предложил отказаться от проведения очередного пленума по сельскому хозяйству и провести его позднее, а в апреле 1968 г. подробно проанализировать ситуацию в Чехословакии и те ее аспекты, которые касались КПСС и Советского Союза. «После октябрьского Пленума ЦК КПСС мы провели большую работу, как в области политики, так и в области экономики. Но есть у нас, как во всех больших делах, факты и явления, которые нас не могут не беспо-

коить и не могут не настораживать. Есть у нас еще разного рода брюзжащие люди, особенно среди интеллигенции, студенчества, причем это, как правило, относится не ко всему студенчеству, не ко всей интеллигенции, а к небольшой группе людей и к некоторым районам. Таких явлений нет, скажем, в Сибири, на Урале, в Донбассе, но они есть во Львове, есть в Москве и Ленинграде», – заявил Брежнев. Он потребовал улучшить идеологическую работу, организовать пропагандистскую кампанию о событиях в Чехословакии и Польше.

В ходе обсуждения участники заседания Политбюро не скрывали своего раздражения.

Косыгин сказал напрямик: «... Он [Дубчек] очень разбросан, неуравновешен, на некоторые вещи он смотрит просто наивно. Например, ему задается вопрос, как у вас дела в армии? “В армии у нас все в порядке,.. так как большинство командиров дивизий мои личные знакомые”».

О КГБ вопрос – также полный порядок, отвечает он, а через несколько дней снимают председателя КГБ.

Задаешь ему вопрос: “А на кого Вы опираетесь в Президиуме сейчас?”. Отвечает: “Откровенно говоря, не знаю, на кого можно опереться”. Отношение к т. Новотному, по-моему, просто озлобленное. Для нас понятно сейчас, что нет, конечно, силы спасти Новотного... На мой взгляд, в Чехословакии готовится венгерский вариант, но они пока еще боятся осуществлять этот вариант». Косыгин был убежден, что «события в Польше выросли из чехословацких событий».

Первый секретарь Компартии Украины П.Е. Шелест сетовал на отрицательное воздействие событий в Чехословакии на положение на Украине: «Несмотря на плохую информацию в нашей печати... все-таки разными путями расползаются среди народа, партии факты о событиях в Чехословакии...». Шелест приводил конкретные примеры вредного, с его точки зрения, влияния КПЧ на партийные организации Украины. Его вывод: «Речь идет о судьбе социализма в одной из социалистических стран, о судьбе социалистического лагеря. Необходимо более активно использовать и изыскивать здоровые силы в Чехословакии. При этом должны побеспокоиться наши органы, и надо эту работу вести активнее. И по линии военной тоже надо принять меры».

Открыто поддержал деятельность Брежнева Полянский: «Мне кажется, все, что сделано до сих пор, сделано правильно... При встрече надо иметь в виду, что есть вопросы прямые и ясные, есть вопросы деликатные. Например, вопрос кадровый... В Польше тоже у нас неспокойные дела. Мы неправильно поступаем, что не информируем

народ и партию об этих событиях. Надо идти на прямой разговор и давать больше информации».

Шелепин в ходе обсуждения высказался за оказание давления на чехословацкую сторону различными способами. Этим целям, по его мнению, могла служить адресованная чехам информация Я. Кадара о венгерских событиях 1956 г. «Надо исходить из того, что Чехословакию мы никому не отдадим, – говорил Шелепин. – Дубчек, очевидно, временная фигура. Правильно, что нужно проявить твердость, но нужно подумать: что будет дальше?». Шелепин предлагал активнее устанавливать прямые контакты между советскими и чешскими партнерами (заводами, партийными организациями, городами) для оказания влияния на широкие слои чехословацкого общества. «Надо быть готовым и к крайним мерам, – продолжал Шелепин. – Верно, что Новотного не спасешь, но надо, пока есть Новотный, Ленарт, Ломский, чтобы до пленума обратились к нам за помощью, чтобы у нас эта просьба была. А что им помочь надо – это ясно. Эта помощь отрезвит всех, прежде всего наших врагов».

Вслед за Брежневым и Шелестом Шелепин указал на идеологическое воздействие чехословацких событий на СССР, призвав обратить особое внимание на студенчество: «Слушают “Голос Америки”, пьют, наблюдается пренебрежение к общественным наукам...» Он внес предложение, как можно скорее принять решение по вопросам идеологии.

Демичев попытался проанализировать расстановку сил внутри чехословацкого руководства. Он выделил три линии: любители модных слов, модных реформ (А. Дубчек, О. Черник, Д. Кольдер); отставники, чья карьера подошла к завершению, они, по существу, разбиты (Й. Ленарт, В. Давид, А. Новотный); реставраторы, самые отъявленные враги (Й. Смирковский, О. Шик и другие). «Нам не надо бояться, что нас обвинят во вмешательстве. Это время уже прошло. События в Польше разворачиваются по чехословацкому сценарию», – сказал он в заключении.

Секретарь ЦК КПСС М.С. Соломенцев обратил внимание на события внутри СССР, развивавшиеся по чехословацкому варианту: неблагоприятно среди интеллигенции, часть технической интеллигенции объединяется в оппозиционных настроениях с писателями, недостаточное освещение прессой «судов над Гинзбургом и другими. Надо в зародыше ликвидировать гнойники». Он поддержал предложение Шелепина о необходимости специального постановления по идеологии.

По мнению Андропова, «по линии военной нам нужно также принять конкретные меры, во всяком случае разрабатывать их хотя бы».

Ход дискуссии на заседании Политбюро 21 марта 1968 г. свидетельствует об усилении сомнений руководства КПСС в способности Дубчека сдерживать рост антипартийных и антисоветских настроений в Чехословакии, об осознании неразрывной связи чехословацких событий и положения в других странах «лагеря социализма» и, прежде всего, – Польше и Советском Союзе. Такие подходы и определили позицию делегации КПСС на встрече в Дрездене. По итогам этого заседания Политбюро была подготовлена информация ЦК КПСС для партийного актива страны, в которой содержался анализ ситуации в Чехословакии и указывалось, что «в КПЧ в настоящее время происходят сложные, порой противоречивые процессы»¹.

Совещание в Дрездене состоялось 23 марта. На этой встрече советская партийная делегация заявила, что КПСС непонятна концепция деятельности руководства КПЧ. Острой критике подверглось создавшееся в Чехословакии положение, когда «печать, радио и телевидение... вышли из подчинения», когда «хорошо проверенные, закаленные в борьбе кадры партии и государства» в результате нападков средств массовой информации лишаются занимаемых постов (80 % уволенных составляли люди, которые учились в Москве), когда отставка секретарей райкомов и обкомов приняла массовый характер. Отмечалось, что в чехословацкой армии, втянутой в митинги вместо службы, началось разложение, что подорваны основы проводимого прежде внешнеполитического курса ЧССР.

По сути, с этих же позиций выступили и представители других компартий. Встреча в Дрездене стала первой совместной акцией большинства европейских участников Варшавского Договора против тех политических процессов, которые происходили в Чехословакии.

В свою очередь, позиция Политбюро ЦК КПСС была одобрена и утверждена спешно подготовленным и проведенным 9–10 апреля 1968 г. Пленумом. Основным его рефреном было: «Социалистическую Чехословакию мы не отдадим».

Определение позиций. В апреле 1968 г. определились позиции сторон. 4 апреля ЦК КПЧ утвердил «Программу действий»; наивно полагать, что это была программа только так называемых реформаторских сил. Она отвечала интересам гораздо более широких

---

¹ «...От раскрытия архивов по “пражской весне” никуда не уйти...» // Отечество. Архивы. 1993. № 3. С. 86–89.

слоев чехословацкой партийно-государственной элиты. Не случайно первый секретарь Компартии Словакии В. Биляк, не стеснявшийся в своих оценках, говорил одному из представителей советской стороны: «Кто за программу действий – тот с нами, а кто не согласен с ней – тот против нас»¹.

Поначалу отношение социалистического лагеря к «Программе действий» было противоречивым. Проект «Программы» критиковал на Дрезденской встрече польский лидер В. Гомулка, однако 12 апреля 1968 г. «Правда» публикует на своих страницах выдержки из нее. 18 апреля венгерский лидер Я. Кадар публично высказывает свое одобрение некоторым действиям ЦК КПЧ.

Избрание на пост президента ЧССР генерала Людвиг Свободы также обнадеживало. Для Москвы эта кандидатура была, безусловно, более приемлема, чем Йозеф Смирковский, у которого тоже были шансы стать президентом. После Дрезденской встречи, которая, по замыслу ее организаторов, должна была повлиять на ситуацию в Чехословакии, 3 апреля 1968 г. ТАСС перепечатывает (без комментариев!) фрагменты выступления А. Дубчека на заседании ЦК КПЧ. Невольно напрашивается вывод, что стороны искали возможности для сближения позиций. Однако эти попытки предпринимались «сверху». Развитие общественно-политических процессов в стране шло в другом направлении.

В апреле 1968 г. пресса Чехословакии продолжала наносить мощные удары по компартии. «Реформаторское крыло» КПЧ по-прежнему противопоставлялось «консервативному». Набирало силу антикоммунистическое движение. Во второй половине апреля в прессе появилось требование провести чистку КПЧ от тех, кто был причастен к репрессиям прошлого. Такой тезис, конечно, не мог не встретить поддержку значительной части общественности и, прежде всего, молодежи. Однако его реализация в государстве с тоталитарным прошлым была чревата непредсказуемыми последствиями. Сотрудничество с советским подпольем в годы войны, содействие «победе социализма» в ЧССР, политическое наследие февраля 1948 г., запутанные дела о репрессиях конца 40-х – начала 50-х годов с более чем неоднозначной ролью Р. Сланского и его сподвижников, политический экстремизм, порожденный обстановкой непримиримой классовой борьбы, – все это могло стать обвинением в участии в репрессиях. Наивная (и удобная) схема о «советских приспешниках Берии», на которых возлагалась основная ответственность за проведение репрессий, конечно, не

---

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 323. Л. 181.

выдерживала критики. Осведомленные люди в Чехословакии об этом хорошо знали. Реализация подобных призывов грозила взорвать всю политическую систему Чехословакии, представляла непосредственную опасность практически для всей партийно-государственной элиты страны.

В этом смысле показательным было выступление писателей Э. Гольдштюкера и Я. Прохазки в Доме чехословацкой армии в Праге 26 апреля 1968 г. На этом митинге говорили вовсе не о литературных делах. Ораторы пытались дать свое обоснование происходившим в стране изменениям. Они подвергли резкой критике развитие ЧССР после февраля 1948 г., указав, что целью разворачивающихся в стране весной 1968 г. процессов является создание демократического социализма. Советский Союз, как сказал Гольдштюкер, «классическая страна диктатуры». Требование свободы – вот что, по его мнению, объединяло волнения в Польше и события в Чехословакии.

Прохазка отметил, что выбор кандидатуры генерала Й. Павела на пост министра иностранных дел неудачен, так как Павел «связан с минувшими неблагоприятными делами». Комментируя самоубийство генерала Янко, одного из многих, кто был причастен к политическим процессам начала 50-х годов, писатель заявил, что тот «поступил как честный человек», и неудачно пошутил: «Но я не рекомендую, чтобы перестрелялся весь Генеральный штаб»¹.

Майские маневры. 4 мая 1968 г. Москву прибыли А. Дубчек, О. Черник, Й. Смрковский и В. Биляк. С советской стороны во встрече принимали участие Л.И. Брежнев, А.Н. Косыгин, Н.В. Подгорный, К.Ф. Катушев и К.В. Русаков. В ходе встречи чехословацкие руководители говорили Брежневу, что «внутриполитическое развитие Чехословакии выходит за пределы наших чисто внутренних дел и затрагивает братские страны, например СССР»². Беседа продолжалась долго – более девяти часов. Эта встреча также вызвала в Москве нескрываемое раздражение.

6 мая на заседании Политбюро Брежнев подводил итоги встречи: «Когда вспоминаешь все этапы наших отношений после первой беседы с т. Дубчеком, в частности, моей беседы в Праге и последующие беседы, то создается такое впечатление, что он намеренно говорит одно, а делает абсолютно другое, хотя и говорит он, вихляя, неконкретно». Генеральный секретарь ЦК КПСС привел такой пример. Дубчек заве-

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 309. Л. 4–7.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 91. Д. 100. Л. 11.

рял о необходимости сохранить кадры, тем не менее сменил все кадры снизу доверху, по мнению Брежнева, «обезглавил партию». Исключительно резко Брежнев высказался и в адрес «Программы действий»: «Мне кажется, мы едины в том, что это плохая программа, открывающая возможности для реставрации капитализма в Чехословакии, правда, завуалированная разной фразеологией... Это выражение мелкобуржуазной стихии». Период колебаний в оценке этого документа завершился.

Смрковский на этой встрече, продолжал далее Брежнев, говорил немного. Основное место в его выступлении занимало осуждение репрессий. В ходе развернувшейся дискуссии Смрковский произвел на Брежнева, который видел его впервые, впечатление сильного, фундаментального человека. Вместе с тем никакой заботы и тревоги, никаких позитивных предложений в выступлении Смрковского Брежнев не разглядел. Генсек ЦК КПСС дал невысокую оценку выступлению Черника – по его словам, путанно, содержит неподкрепленные обещания.

Наиболее высоко Брежнев оценил позицию Биляка, в котором «чувствовалась действительно тревога за состояние дел, за развитие событий. Он, например, говорил, что события развиваются в таком направлении, что это угрожает Коммунистической партии Чехословакии и социалистическим завоеваниям, что подняли голову все некоммунистические партии...».

Любопытен вывод Брежнева: «Сегодня на Военном совете мы рассмотрели вопросы, у нас обсуждались уже конкретные планы о наших практических мерах в связи со сложившейся обстановкой. Первым нашим шагом было: мы сообщили им предложение послать 20–25 наших маршалов и генералов во главе с маршалами Коневым и Москаленко на празднование Дня Победы... Мы также обсудили целый ряд других мер, о которых я скажу несколько позже».

Косыгин, занимавший жесткую позицию, обратил внимание на новые детали. Он сказал, что, готовя реабилитацию (это слово в протоколе заседания Политбюро поставлено в кавычки), «они (руководство КПЧ. – *Авт.*)... думают обыграть это, считая, что руки у Готвальда и Запотоцкого в крови и что они действовали вместе с Советским Союзом. На этом фоне они и думают организовать новую партию, собственно, буржуазную партию и буржуазные порядки».

По мнению Косыгина, просьбы чехословацкой стороны о займе 500 млн рублей золотом носят, по сути, провокационный характер: «Они знают, что мы откажем в этом, что мы на таких условиях, как они предлагают, не дадим этого займа, – и они на этом тоже хотят сыграть».

Еще один участник переговоров с советской стороны, Подгорный, сообщил о своих беседах со Смирковским. Подгорный, в частности, спросил его: «Как же вы можете терпеть, ведь вы же знали, что возникают партии, эти “клубы”?»). Смирковский ответил: «О “клубах” узнал неделю назад, а об оживлении партий узнал месяц назад». Подгорный также рассказал о заверениях Смирковского, что будет наведен порядок и Президиум возьмет в руки прессу. Вместе с тем Смирковский постоянно подчеркивал, что в Чехословакии имеется большая специфика, что существует много особенностей.

После обсуждения Брежнев внес свои предложения – ввести войска на территорию Чехословакии под прикрытием военных учений. Он отдавал себе отчет в том, что эта акция вызовет протесты в буржуазной и чехословацкой прессе и будет рассматриваться как способ оказания давления на чехословацкое руководство. «Ну что ж, не впервой, – говорил Брежнев. – Зато мы сохраним социалистическую Чехословакию, зато каждый подумает после этого, что шутить с нами нельзя».

Брежнев обозначил тех, на кого, как он считал, можно было положиться (так называемые «здоровые силы»): «Первый – Индра, второй – Кольдер, третий – Биляк, четвертый – Садовский, пятый – Черник».

Предложение Брежнева получило полную поддержку на Политбюро. Министр иностранных дел А.А. Громыко, комментируя решение о сборе руководителей компартий в Москве, заявил, что «разгулялась контрреволюция, что в лучшем случае это вторая Румыния. А это уже – полный развал Варшавского пакта». В ходе дальнейшего обсуждения уточнялись детали. Было решено командировать Шелеста на связь с Биляком. Мазуров призывал действовать без оглядки. Полянский предупреждал, что в случае отстранения Дубчека на Пленуме ЦК КПЧ положение только ухудшится. Он считал, что необходимо также вводить войска других стран Варшавского Договора. Шелепин соглашался с тем, что надо вводить войска Варшавского Договора; в связи с этим нужно вызвать в Москву первых секретарей ЦК компартий и глав правительств соцстран; учения, по его мнению, необходимо начинать как можно быстрее¹.

8 мая 1968 г. в Москве прошла встреча руководящих работников БКП, ВСРП, КПСС, ПОРП, СЕПГ. 13 мая в ЦК была подана записка министра обороны СССР маршала А.А. Гречко и главнокомандующего Объединенными Вооруженными Силами стран Варшавского Договора И.И. Якубовского о подготовке пребывания советской военной делегации в ЧССР. Мероприятия, намеченные на заседании Политбюро, начинали реализовываться.

¹ АП РФ. Рабочая запись заседаний Политбюро ЦК КПСС 1968 г. Л. 200–220.

16 мая на заседании Политбюро вновь рассматривался вопрос о Чехословакии – на этот раз в связи с предстоящим визитом в Прагу председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина. В центре внимания оказались, на первый взгляд, протокольные вопросы: должен ли Косыгин встречаться с Дубчеком. По сути, спор шел о том, стоит ли вообще встречаться с первым секретарем ЦК КПЧ, можно ли оказывать ему впредь политическое доверие.

Одновременно обсуждался вопрос – а кто же входит в так называемое «здоровое ядро» в КПЧ и существует ли оно вообще? Брежнев по-прежнему считал, что это Биляк, Кольдер, Индра, Ленарт и в «какой-то степени» Смирковский. Подгорный сомневался: «Мы здесь говорим о здоровых силах, здоровом ядре, предполагая тт. Биляка, Индру, Кольдера. Но посмотрите на них, как они оценивают выступление Дубчека на последнем совещании. Они говорят, что выступление хорошее. Я не берусь сказать, что они не правы. Может быть, в их обстановке это и нужно делать».

Ему вторили Демичев и Косыгин. Демичеву не нравилось, что представители «здорового ядра» «вдолбили себе голову, что они за свою “модель социализма”. Вот почему, мне кажется, все они ведут против нас линию, и добиться решения вопроса в этих условиях можно только силой».

Косыгин, подводя черту под дискуссией, согласился с негативной оценкой Дубчека, но одновременно указал: «Есть ли у них единство между Биляком, Кольдером, Индрой и другими, есть ли у них какие-то конкретные планы действий? Наверное, это можно выяснить только в беседах».

Касаясь ввода войск на территорию Чехословакии в ходе предстоящих маневров, Косыгин задал вопрос: «Вот введем мы войска, а дальше что делать? Нам тоже не все ясно. И решать этот вопрос здесь не так просто, его надо решать, скорее всего, там, вместе с ними, этими здоровыми силами. Надо использовать все, чтобы припугнуть Дубчека... Главное – надо предвидеть чем закончить. Если действи-

К.Т. Мазуров

М.А. Суслов

тельно эти здоровые силы скажут, что у них есть силы,... тогда можно с ними вести работу и, может быть, вести дело к тому, чтобы во время пленума или перед пленумом вывести рабочие вооруженные отряды, которые у них есть, на улицы Праги. Вот это будет сила. А если они еще будут чувствовать нашу поддержку, это может произвести внушительное впечатление».

Брежнев закончил обсуждение словами, что встречаться с Дубчеком, (а такие планы были), по всей вероятности, не следует. Надо добиваться согласия чехословацкой стороны на ввод войск для учений, однако если это не удастся, то «нам нужно принимать другое решение о вводе войск».

Разрешение на проведение маневров было получено. Делегация высшего генералитета СССР прибыла в Чехословакию. У советских маршалов состоялись многочисленные встречи с высшим политическим руководством ЧССР. Посол СССР в Чехословакии С.В. Червоненко направил в ЦК КПСС информацию об итогах пребывания советской военной делегации в ЧССР. По мнению Червоненко, «визит нашей военной делегации способствовал убеждению чехословацких друзей в искренних намерениях СССР оказать необходимую помощь... не вмешиваясь во внутренние дела страны».

Однако и в СССР, и в Чехословакии были сторонники прямого вмешательства во внутренние дела ЧССР. Так, например, на приеме в честь советской военной делегации в частных разговорах Д. Кольдер уговаривал: «Не медлите, вводите скорее свои войска». Содержание этих бесед передавали в Москву, где они рассматривались как проявление определенной политической тенденции.

23 мая 1968 г. А.А. Гречко отчитывался на Политбюро об итогах визита делегации Вооруженных Сил СССР в Чехословакию. По его мнению, в чехословацкой армии царит развал. Приказы не выполняются, армия митингует, пресса Министерства национальной обороны Чехословацкой народной армии объявила себя независимой от собственного начальства, стоящие на границе с ФРГ дивизии укомплектованы всего на 40–50 %. В ходе обсуждения было принято решение о

создании специальной комиссии, оперативной группы по ситуации в Чехословакии. В нее вошли Н.В. Подгорный, М.А. Суслов, А.Я. Пельше, А.Н. Шелепин, К.Т. Мазуров, К.В. Русаков, Ю.В. Андропов, А.А. Громыко и А.А. Епишев¹.

26 мая Брежнев направил письмо Дубчеку, информирующее о предстоящей встрече руководителей КПСС, БКП, ВСРП, СЕПГ и ПОРП в Москве.

27 мая на заседании Политбюро ЦК КПСС отчитывался об итогах своей поездки в Чехословакию А.Н. Косыгин. Ситуация на месте оказалась существенно иной, чем виделось из Москвы. В ходе поездки Косыгин пересмотрел свою позицию по чехословацким проблемам, которую он совсем недавно отстаивал на заседании Политбюро.

Косыгин пришел к важнейшему выводу: «Сейчас в стране нет другой силы, которая могла бы взять в свои руки все события, кроме существующего Президиума ЦК». По иному представилась и расстановка сил в Президиуме ЦК КПЧ и в руководстве ЧССР. Он выделил три группы в Президиуме: во-первых – Дубчек, Черник, Смирковский, Свобода; во-вторых – Кольдер, Биляк, Штроугал; в-третьих – Кригель, Цисарж, Славик и некоторые другие. По мнению Косыгина, «большой разницы между первой и второй группами нет. Они одинаково понимают обстановку, одинаково ставят вопросы. Но вторая группа в несколько иной форме понимает их решения, выступает за более решительные действия. Но суть у них одинаковая. По всем принципиальным вопросам они едины».

Косыгин открыл для себя еще одну политическую реальность и ознакомил с этим открытием членов Политбюро: «Анализ всех бесед, встреч и материалов... говорит о том, что сейчас в данной обстановке более авторитетных людей в партии, в стране, чем Дубчек, Черник и Свобода, нет. И поэтому, очевидно, мы тоже должны строить свою работу соответствующим образом».

Нетрудно заметить, что эта информация подрывала все прежние рассуждения о «здоровом ядре». Обращает на себя внимание и объек-

А.Я. Пельше

¹ АП РФ. Рабочая запись заседаний Политбюро ЦК КПСС 1968 г. Л. 262.

тивное сближение оценок Косыгина и Брежнева по чехословацкому вопросу.

Косыгин также упомянул об атмосфере всеобщей ненависти, царившей в стране и партии вокруг Новотного, обвиняемого в интриганстве и высокомерии.

Давая оценки отдельным чехословацким лидерам, Косыгин положительно характеризовал Смирковского, который после московской поездки стоит «очень твердо на принципиальных позициях». Председатель Совета Министров СССР убедился в отсутствии каких-либо противоречий между Дубчеком и Черником, слухи о которых ходили в Москве. В беседе с Косыгиным первый секретарь ЦК КПЧ Дубчек выразил надежду на то, что решения очередного пленума в случае успеха, развяжут ему руки. Однако «если остро развернутся события, а этого нельзя исключить, то они (чехословацкое руководство. — *Авт.*) видят выход в рабочей милиции, в обращении к рабочему классу». Косыгин сказал, что имела место также надежда на помощь «наших войск».

Отмечая остроту классовой борьбы в стране, Косыгин считал, что с чехословацкими руководителями «говорить значительно легче, даже в этой обстановке, чем с Чаушеску, чем с Тито, чем с Фиделем Кастро».

Однако значение этого заседания Политбюро заключалось в другом. Косыгину в определенной мере удалось наметить иные, отличавшиеся от уже сложившихся, подходы к анализу событий в Чехословакии. Он показал, что в создании сложной социально-политической ситуации в стране вина лежит не на руководителях Чехословакии. К возникновению этих проблем привела обстановка классового противоречия. Ни Дубчек, ни Смирковский не являются противниками СССР. Слухи о «здоровых силах» слишком преувеличены. Нынешнее руководство ЧССР само готово предпринять шаги, которые ожидают от «здоровых сил». Словом, на заседании Политбюро стала складываться обстановка понимания проблем чехословацкого руководства. Неожиданно ход заседания был прерван: Брежнева пригласили к телефону.

Звонил Шелест. Он сообщал о своих беседах с Биляком, которые состоялись у него в Словакии.

То, о чем сообщал Биляк, могло вызвать только одно чувство — панику. По его мнению, «если в течение месяца не будет наведен порядок в стране, то мы все полетим. Полетит и наш «апостол» (Дубчек. — *Авт.*),.. нам вместе, словакам и русским, очевидно, придется еще раз освободать Чехословакию». Биляк просил разрешения в случае осложнения обстановки (он этого не исключал) перевезти членов семьи

в Ужгород. Он заявил, что «нужно бороться за социалистическую Чехословакию», что советское руководство не должно упускать развигные ситуации, «а мы, словаки, всеми силами поддержим это». Биляк говорил о «втором центре» в руководстве КПЧ.

Брежневу оставалось только сказать, что Биляк, наверное, более реалистично смотрит на вещи.

На этом, по существу, и закончилось обсуждение доклада Косыгина.

На перепутье между политическими и военными методами. 4 июня 1968 г. по дипломатическим каналам состоялась еще одна беседа с Биляком. На этот раз он подробно охарактеризовал положение в руководстве КПЧ, уделив особое внимание так называемому «пражскому центру», куда, по его словам, входили Шик, Шпачек, Цисарж, Кригель, Павел. К ним присоединились зав. организационно-политическим отделом ЦК Коларж и зав. отделом административно-государственных органов Прхлик. Эти партийные функционеры проводят заседания в здании ЦК КПЧ, в кабинете Цисаржа. Они пытаются действовать в пражских районах, дискредитируют Дубчека, сообщал Биляк.

Биляк предложил обсудить ситуацию – сначала в узком составе, вдвоем или втроем: А. Дубчек, В. Биляк и, может быть, О. Черник, «которому... оба полностью доверяют», а затем более широким составом – с Ф. Барбиреком, Ш. Садовским, Й. Ленартом, А. Индрой и некоторыми другими. Министр обороны М. Дзур и милиция, по словам Биляка, «при определенных обстоятельствах в предсъездовский период, во время съезда или после него... могут быть приведены в действие в интересах сохранения партии и страны от раскола». Он также отметил, что наряду с этим у тов. Дубчека в качестве оперативной силы имеется до 10 тысяч наиболее преданных солдат и офицеров, которые «при нажатии им кнопки» будут немедленно приведены в готовность¹.

Между тем в развитии внутривполитической ситуации в Чехословакии усиливалась еще одна сильно тревожившая советские власти тенденция. В руководстве чехословацкой армии все громче раздавались голоса тех, кто выступал за пересмотр военно-политической концепции и вопроса о членстве страны в Организации Варшавского Договора. С такой инициативой выступили Военный институт социальных исследований, Военно-политическая академия имени К. Готвальда и отдел военно-административных органов ЦК КПЧ, возглавляемый генералом В. Прхликом.

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 323. Л. 38–41.

В конце мая 1968 г. на рассмотрение высшего политического руководства Чехословакии были представлены два меморандума, разработанные в этих учреждениях. В первом документе предлагалось «сформулировать и зафиксировать государственные интересы в военной области»¹, во втором – обсудить «Программу действий чехословацкой народной армии»². Эти документы были объединены критикой состояния обороноспособности страны, ее следования в фарватере советской внешней политики, неоправданных, с точки зрения авторов, затрат на поддержание армии как составной части противостоящих НАТО сил Варшавского Договора, неравноправности существовавших в этом военном блоке отношений. «Сами извращения в военном строительстве, – говорилось в “Программе действий чехословацкой народной армии”, – можно коротко характеризовать следующим образом. Полностью принята советская модель, что вытекало из общего курса на создание социалистического общества по единому образцу»³.

Определяя альтернативу концепции защиты Чехословакии, авторы документа предлагали следующее:

- оборона государства в рамках Организации Варшавского Договора, в перспективе – расторжение договора о членстве в ОВД в одностороннем порядке или с согласия союзников;
- обеспечение безопасности государства путем принятия статуса нейтрального государства;
- участие страны в европейских региональных органах коллективной безопасности;
- самооборона государства⁴.

Нетрудно увидеть, что все варианты будущей военной политики были ориентированы на радикальный пересмотр прежних связей ЧССР с Варшавским Договором и, в конечном счете, с СССР. Прогнозы Громыко об угрозе развала Варшавского Договора начинали сбываться.

В течение июня 1968 г. шли интенсивные контакты советского и чехословацкого руководства. 6 июня состоялась встреча посла СССР в ЧССР С.В. Червоненко с А. Дубчеком; 8 июня – беседа Л.И. Брежнева с министром культуры ЧССР, кандидатом в члены ЦК КПЧ Б. Хноупеком; 11 июня на заседании Политбюро ЦК КПСС было утверждено устное послание Брежнева Дубчеку по вопросу проведения конфиденциальной встречи; 13 июня Брежнев информировал Политбю-

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 309. Л. 58–72.

² Там же. Л. 73–78.

³ Там же. Л. 75.

⁴ Там же. Л. 78.

ро о содержании своей беседы с Я. Кадаром о положении в Чехословакии.

Тем временем обстановка в Праге обострялась. 20 июня было принято письмо общего собрания актива народной милиции. Информацию о нем уже на следующий день опубликовала «Правда»¹, 22 июня там же письмо было опубликовано полностью. Этому документу в Москве придавали особое значение. С ним были связаны надежды противопоставить «правым» вооруженных рабочих, повторить в 1968 г. февраль 1948-го. В Прагу полетели телеграммы поддержки от парторганизаций страны на имя первого секретаря ЦК КПЧ, командующего народной милицией ЧССР А. Дубчека². Понятно, что эта кампания направлялась из ЦК КПСС и являлась, по сути, способом давления на Дубчека.

В ЦК КПСС была подготовлена информация «О положении в Чехословакии и некоторых внешнеполитических шагах румынского руководства», направленная во все парторганизации страны. С особым тщанием этот документ обсуждался на Украине и в Москве, так как считалось, что именно там влияние чехословацких идей сильнее всего. Повсеместно проводилось обсуждение этого документа в производственных коллективах. Как было заведено, в ЦК КПСС направлялись отчеты о подобных мероприятиях. В.В. Гришин, первый секретарь МГК КПСС, сообщал, что участники собраний при обсуждении информации ЦК чаще всего задавали вопросы о причинах студенческих волнений в Югославии, об экономическом и политическом положении в Польше и Югославии.³

В июле развернулись споры о целесообразности непосредственно военного вмешательства в чехословацкие дела, спровоцированные публикацией документа «Две тысячи слов»⁴. 2 июля 1968 г. на заседание Политбюро был вызван посол СССР в ЧССР Червоненко. Оценивая этот документ, он заявил, что это «новый открытый этап борьбы за ликвидацию КПЧ, это моральный “расстрел” всех основополагающих идей, за которые боролась КПЧ до сих пор, это разложение руководящих работников снизу доверху. Неблаговидную роль центристов играют Дубчек и Черник. Они своим поведением, своими действиями создают благоприятные условия для борьбы правых с КПЧ... Дубчек и Черник не имеют никаких планов борьбы с правыми и не противо-

¹ Журавский В. «Наша дружба и братство нерушимы»: письмо участников общегосударственного актива народной милиции ЧССР // Правда, 1968, 21 июня.

² См., например, ЦХСД. Ф. 5. Оп. 60. Д. 308. Л. 46–50.

³ Там же Л. 40–42.

⁴ АП РФ. Рабочая запись заседаний Политбюро. 1968 г. Л. 357–398.

поставляют этому ничего. Теперь уже ни для кого не секрет, что существует второй центр. В него, бесспорно, входят Кригель, Цисарж, Славик и другие. К ним примыкает Павел – министр КГБ (Так в тексте. – Авт.)... Решение Президиума ЦК КПЧ об отделении КГБ он по существу блокировал, и Президиум отступил от своего решения». Вместе с тем посол предлагал политические методы выхода из конфликта. Настаивая на выводе войск, расквартированных в Чехословакии под предлогом учения стран Варшавского договора (срок «учений» уже заканчивался), он говорил, обращаясь к членам Политбюро: «... Войска нужно сейчас выводить, так как в этой ситуации присутствие наших войск народ не поддержит. Сейчас отношение к нашей армии очень хорошее. Но если мы оставим сейчас войска, все обернется против нас».

Выводы Червоненко поддержал главный редактор «Правды» Зимянин, которого Политбюро специально направляло в Прагу для дополнительного изучения ситуации. Зимянин говорил о том, что Дубчек растерян, деморализован, не способен принимать решений. По мнению Зимянина, КПЧ расколота, идет разгром руководящих кадров, более двухсот секретарей обкомов и горкомов оказались безработными, решения Политбюро не выполняются даже его членами. Прямо в тот день, когда Политбюро приняло документ, осуждавший «Две тысячи слов», Кригель выступил по телевидению с критикой этого решения. «Сам Дубчек, – добавил Брежнев, – отказался подписать это решение, “подставив” других членов Президиума». Зимянин согласился с необходимостью быстро, но осмотрительно искать политические выходы из конфликта. Его поддержали Суслов и, с оговорками, Шелепин.

Но большинство участников заседания с выводами Червоненко не согласились. Подгорный, Пельше, Шелест, Мжаванадзе, Андропов настаивали на сохранении войск. Сторонником жестких и скорых действий был Громыко, доказывавший, что время работало против советских интересов. «Здесь т. Гречко говорит, что 80 % армии за нас. А завтра неизвестно, сколько будет за нас». Громыко заявил: «Теперь уже ясно, очевидно, что нам не обойтись без вооруженного вмешательства». Мнение министра иностранных дел разделял Косыгин.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Брежнев постарался занять осторожную позицию. «Важно нам уяснить четко сейчас, не ошибаемся ли мы в оценке событий в Чехословакии. От этого будут зависеть все наши меры». По сути, он поддержал политические методы давления на Чехословакию.

На следующий день, 3 июля, Политбюро продолжило заседание, что случалось только тогда, когда складывалась кризисная ситуация. Брежнев начал заседание с информации о своих консультациях с венгерским лидером Я. Кадаром. Судя по «рабочей записи» этого заседания, Кадар выступил как ярый сторонник военно-политического вмешательства в чехословацкие события. Будучи информирован Брежневым о том, что Политбюро ЦК КПСС готовит письмо Президиуму ЦК КПЧ, он заявил, что «Две тысячи слов» – «это контрреволюционная программа, направленная на свержение Советской власти в стране, на разложение партии, на передачу руководящей роли социал-демократии». Согласившись с предложением Брежнева направить в Прагу совместное письмо, он утверждал, что обстановка складывается таким образом, что «придется, очевидно, оккупировать Чехословакию. Если потребуется, мы пойдем на это без сомнения». Кадар сообщил далее, что эти вопросы они обсудят на Политбюро, но он заранее может сказать, что Политбюро поддержит его точку зрения. «На встрече, – продолжал Брежнев, – присутствовали с венгерской стороны Фок, Ацель, Эрдеи. Фок что-то пытался сказать, но инициативу взял Кадар, и он сидел бледный, ничего не говоря»¹.

В перерыве заседания Брежнев позвонил в Варшаву Гомулке и сообщил членам Политбюро, что «т. Гомулка согласен с мерами, которые мы предпринимаем, в частности с письмом, обещал обсудить это на Политбюро и подготовить соответствующее письмо от себя чехам». Гомулка согласился провести планируемое совещание руководства компартий в Польше, в Варшаве.

Резко враждебное отношение Я. Кадара к чехословацким событиям, очевидно, было вызвано публикациями в чешской прессе о венгерских событиях 1956 г., о судьбе Имре Надя, что могло представлять личную политическую угрозу для Кадара. 5 июля он направил Брежневу письмо, посвященное «опасному положению, сложившемуся в Чехословакии», пытался использовать советское влияние для оказания давления на чехословацкую прессу. В эти дни Кадар писал и Дубчеку.

Письмо Политбюро ЦК КПСС было получено, в Праге оно сразу же стало достоянием прессы и, по словам А. Дубчека, «о письме ЦК КПСС идет сейчас большой шум». В телефонном разговоре Брежнева с Дубчеком выяснилось, что чехи отказываются от совместной встречи, что они считают более целесообразными двухсторонние контакты, что на очереди у них, прежде всего, встречи с румынами и югославами.

¹ АП РФ. Рабочая запись заседаний Политбюро. 1968 г. Л. 399–400.

Брежнев обрушился на Дубчека с обвинениями, заявил, что отказ от встречи означает новый этап в отношениях между КПСС и КПЧ. Дубчек оправдывался, говорил о том, что действительно допущены ошибки в прессе, в частности, публикация статьи об Имре Наде, что допускались отдельные антисоветские выпады, «но сейчас этого нет, ... все в порядке»¹.

Такие ответы Брежнева не устроили. Он связался с Гомулкой, передав ему свой разговор с Дубчеком. Гомулка, по словам Брежнева, заявил, что от Дубчека другого ожидать и не следовало, и что встречу необходимо проводить, даже если там не будет чехов. Я. Кадар также согласился на встречу без чехов, но рекомендовал Брежневу провести с ними двухсторонние переговоры.

На заседании Политбюро 9 июля было уже известно, что Президиум ЦК КПЧ отказался от участия во встрече в Варшаве. Косыгин обратил внимание на то, что чехословацкое руководство стремится заручиться поддержкой. «Они сразу переориентировались, как мы видим, на Румынию и Югославию: теперь мы не одни, нас трое». Основное место на заседании занял вопрос о том, как оказать поддержку Биляку, Индре, Кольдеру, Швестке. Биляк предлагал целую программу действий, которую Андропов прокомментировал так: «Дело-то уж очень серьезное. Нам надо хорошо обсудить его».

«Письмо пяти», как его называли в Праге, приглашение чехословацких лидеров в Варшаву было расценено в Чехословакии, и не без оснований, как вмешательство во внутренние дела. Конфликт обострялся. За день до начала Варшавской встречи, 13 июля 1968 г., в Москву поступил ответ из ЦК КПЧ. «Президиум ЦК КПЧ, – сообщалось в нем, – принял единогласное решение попросить вас (то есть руководство КПСС. – *Авт.*) о встрече на уровне Президиумов ЦК обеих наших партий в возможно ближайшее время в Праге»². Таким образом, руководство КПЧ отказывалось от переговоров с компартиями стран Варшавского пакта и пыталось найти согласованное решение с советским руководством.

Параллельно с этим в июле шли интенсивные консультации и по межпартийной, и по военной линиям. Интенсивнее стали контакты с представителями так называемого «здорового ядра» в руководстве ЧССР. 10 июля Червоненко сообщал о встрече с Ленартом. 11 июля в Москву поступила очередная информация о расстановке сил в Праге. В ней сообщалось, что за поездку в Варшаву были Биляк, Риго, Коль-

¹ АП РФ. Рабочая запись заседаний Политбюро. 1968 г. Л. 402–403.

² ЦХСД. Ф. 5. Оп. 60. Д. 308. Л. 63–64.

дер, против – Кригель, Цисарж, Шпачек, Млынарж. Смирковский чуть-чуть поддерживает группу Кригеля. Дубчек занимал в этом споре привычную для него центристскую позицию. Здесь же отмечалось, что в Словакии быстро растет авторитет Г. Гусака, в особенности среди интеллигенции и студенчества, а также то, что Гусак практически не имеет контактов ни с советским посольством, ни с консульством в Братиславе, игнорирует все встречи¹. 16 июля поступила записка Пономарева о беседе с Биляком.

Из Праги в Москву шли плохие новости. Член ЦК КПЧ, заведующий отделом ЦК сообщал, что установлена слежка за советским посольством, за вилами, где жили советские дипломаты, контролировались все их встречи вплоть до протокольных церемоний в аэропорту. Он же предупреждал, что правое крыло ЦК КПЧ готовится накануне XIV съезда партии уволить большую группу партийных работников.

В Советском Союзе активизировалась деятельность КГБ. Госбезопасность регулярно информировало ЦК КПСС о реакции населения на события в Чехословакии. Так, 16 июля КГБ сообщал, что среди населения распространено убеждение в необходимости ввода советских войск «для наведения там порядка»². Однако с сочувствием к событиям в ЧССР относятся в Закарпатье, их поддерживают студенты МГУ, требующие свободы слова. Эти документы влияли на принятие решений в Кремле и на Старой площади, так как в них, кроме информации, содержались рекомендации КГБ по поводу дальнейшего развития событий.

17 июля состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором вновь рассматривался вопрос о Чехословакии. Не внося ничего принципиально нового в оценку ситуации в ЧССР, пленум давал своего рода «политическую легитимацию» будущим действиям советских лидеров.

19 июля на заседании Политбюро обсуждался вопрос о целесообразности двухсторонней встречи с руководством Чехословакии. Брежнев заявил, что в отношениях с этой страной наступил новый этап и время, по его словам, «работает не в нашу пользу, против нас. Сейчас в Праге ждут приезда Чаушеску и Тито, идет разговор о каком-то дунайском стоворе, дунайской встрече». Отметив поддержку, которую чехословацкая компартия получила в европейском коммунистическом движении, обращения итальянской и французской компартий о созыве европейского совещания, где действия ЦК КПЧ могут получить одобрение, Брежнев сделал ряд важных замечаний. Прежде всего, он

¹ ЦХСД. Ф. 5. Оп. 60. Д. 324. Л. 143.

² Там же. Д. 308. Л. 59–62.

высказал предположение, что «здоровые силы сейчас не обратятся к нам за помощью». Отсюда следовал другой вывод: «возник не только новый момент, но и новые требования к нашим действиям... Возникает один вопрос: все ли мы исчерпали из арсенала политического воздействия, все ли мы сделали до того, как принять крайние меры? Мы и на Пленуме заявили о том, что примем все зависящие от нас меры политического воздействия. Если это не даст соответствующего эффекта, только тогда предпримем крайние меры».

Брежнев ясно показал, что он – сторонник политического давления на ЦК КПЧ и с большой настороженностью относится к перспективе применения «крайних мер». С ним согласился Косыгин, который считал, что двухсторонняя встреча может стать такой формой оказания политического давления.

Однако позиция генерального секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР не разделялись рядом участников заседания Политбюро, полагавших, что пора переходить к крайним мерам. Так как напрямую критиковать генерального секретаря не полагалось, то объектом критики стал Косыгин. Председатель КГБ СССР Андропов: «Я считаю, что в практическом плане эта встреча мало что даст, и в связи с этим Вы зря, Алексей Николаевич, наступате на меня. Они сейчас борются за свою шкуру, и борются с остервенением... Правые во главе с Дубчеком стоят твердо на своей платформе. И готовимся не только мы, а готовятся и они, и готовятся очень тщательно. Они сейчас готовят рабочий класс, рабочую милицию. Все идет против нас»¹.

«Я хотел бы также ответить т. Андропову, – возразил Косыгин, – я на Вас не наступаю, наоборот, наступаеете Вы. На мой взгляд, они борются не за свою собственную шкуру, они борются за социал-демократическую программу. Вот суть их борьбы. Они борются с остервенением, но за ясные для них цели, за то, чтобы превратить на первых порах Чехословакию в Югославию, а затем во что-то похожее на Австрию». Андропова поддержали Устинов, Мазуров, Капитонов.

Большинство членов Политбюро считало, что встречу следует провести как последнюю меру оказания давления на руководство КПЧ. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживала позиция министра иностранных дел Громыко. «Апрельский и июльский Пленумы ЦК, – говорил он, – подтвердили, что мы не отдадим Чехословакию... Двухсторонняя встреча, я считаю, в данной обстановке необходима. На этой встрече нам нужно выложить им все. Очевидно, они не поймут на наши предложения. Но тогда уже мы осознанно будем подхо-

---

¹ АП РФ. Рабочая запись заседаний Политбюро. 1968 г. Л. 419.

дять к решению вопроса о применении крайних мер. Они сейчас очень много болтают о дружбе с СССР... Мы знаем цену этих разговоров. О такой дружбе, как они сейчас говорят, говорит и Джонсон, и все другие кандидаты на пост президента Соединенных Штатов, которые рвутся к нам на прием... Надо подумать о том, что же вызовут крайние меры? Я думаю, что сейчас международная обстановка такова, что крайние меры не могут вызвать обострения, большой войны не будет... Но если мы действительно упустим Чехословакию, то соблазн великий для других. Если сохраним Чехословакию – это укрепит нас»¹.

Спустя неделю, 24 июля, Андропов вновь передает в Политбюро ЦК КПСС информацию, подготовленную КГБ, о реакции населения на решения июльского пленума в связи с событиями в ЧССР. Согласно информации, большинство населения поддерживало решения Политбюро. При этом Андропов воспользовался возможностью изложить свой взгляд на развитие событий. «Существующее положение в Чехословакии, – сказал он, – требует немедленного вовлечения рабочего класса и народной милиции в борьбу с антисоциалистическими силами, а при необходимости – и создания рабочих революционных отрядов». КГБ зафиксировало и другую точку зрения, принадлежавшую ветерану советской дипломатии, академику И. Майскому. Майский критиковал письмо «братских партий», считая, что оно способно вызвать конфликт с Англией и США².

Однако вскоре выяснилось: прав был Громыко, а не Майский. Встреча с госсекретарем Д. Раском, прошедшая 22 июля 1968 г., показала: американцы не хотят вмешиваться в конфликт. Д. Раск заявил: «Правительство США стремится быть весьма сдержанным в своих комментариях в связи с событиями в Чехословакии. Мы определенно не хотим быть как-то замешаны или вовлечены в эти события. Поэтому мы особенно удивлены тем обстоятельством, что Советский Союз пытается втянуть нас в эти события... США с самого начала не были намерены вмешиваться в дела Чехословакии. Это – дело прежде всего самих чехов. Кроме того – это дело чехов и других стран Варшавского договора». В свою очередь американцы добивались встречи на высшем уровне по проблемам разоружения³.

Политическое руководство СССР убедилось: реализация «крайних мер» не приведет к активному противодействию со стороны США.

¹ Там же. Л. 425.

² ЦХСД. Ф.5. Оп.60. Д. 308. Л. 165–169.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 91. Д. 98. Л. 25–26.

Согласно решениям Политбюро от 19 и 22 июля началась спешная разработка «крайних мер». Работа велась по двум направлениям. Первое предполагало необходимость ввода войск Варшавского договора в Чехословакию и смену политического руководства. 20 июля были подготовлены первая, а 26 июля – вторая редакция Декларации Политбюро ЦК КПЧ и революционного правительства ЧССР о внутренней и внешней политике, Обращения к гражданам Чехословакии, к чехословацкой армии¹.

Эти документы находились в прямой связи с проектом заявления ЦК КПСС «К советскому народу». В нем утверждалось, что социалистическая Чехословакия оказалась на пороге смертельной опасности, и, «сознавая всю глубину опасности, нависшей над страной, лучшие представители чехословацких коммунистов, члены президиума ЦК партии, представители партийных организаций на местах образовали Президиум ЦК коммунистической партии Чехословакии и Революционного правительства ЧССР, принявшего на себя всю полноту ответственности за руководство делами Чехословацкого государства... В этих условиях Советское правительство приняло единственно необходимое решение и дало приказ частям Советской Армии оказать помощь революционному правительству Чехословакии... Такие же решения приняли правительства Польской Народной Республики, Венгерской Народной Республики, Народной Республики Болгарии, которые вместе с нами выполняют свой интернациональный долг»².

26–27 июля на заседании Политбюро все документы были полностью подготовлены.

Однако сохранялся и второй путь – путь политических решений. Шла интенсивная подготовка к встрече с Президиумом ЦК КПЧ.

22 июля 1968 г. решением Политбюро оба эти направления были закреплены формально. Так, советскому послу в Праге было дано указание: передать согласие Политбюро ЦК КПСС на встречу с членами Президиума ЦК КПЧ и предложить провести эту встречу в Черне-над-Тиссой. Одновременно другим пунктом «К положению в Чехословакии» было записано: «Утвердить предложения, изложенные... А.А. Гречко. Разрешить т. Гречко принимать меры, вытекающие из предложений по срокам в соответствии с обменом мнениями на заседании Политбюро».

Окончательно позиция советского руководства, предусматривавшая возможность развития ситуации по двум вариантам, была утверждена Политбюро ЦК КПСС 26–27 июля 1968 г.

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 91. Д. 98. Л. 58–89.

² Там же. Л. 55–57.

При обсуждении позиции ЦК КПСС на будущей встрече в Чиерне-над-Тиссой разгорелась примечательная дискуссия. Тон ее задал П.Е. Шелест. «Мне кажется, – говорил первый секретарь ЦК Компартии Украины, – что некоторые вопросы не надо поднимать: субъективизм, культ личности и т. д. Зачем их вытаскивать, зачем им давать возможность уцепиться?...». Ему вторил Н.В. Подгорный: «Я думаю, что в таком плане, в таком виде, как представлен материал, он не подходит. Этот материал для другого мероприятия... Надо сказать о главных вопросах... Надо обязательно сказать, над чем работает наша партия после XXIII съезда КПСС, какие мы имеем успехи, что мы не такие слабаки, не такая уж деревня, не консерваторы!»¹. Критиковался не только подготовленный проект, критиковались люди, его создавшие, в данном случае – секретарь ЦК КПСС К.Ф. Катушев и заведующий отделом ЦК К.В. Русаков, отвечавшие за работу с социалистическими странами. Выработывалась позиция Политбюро в области идеологии, исключавшая возможность критического анализа истории советского общества. В борьбе с инакомыслием в Чехословакии укреплялось официальное единomyслие в СССР.

Встрече в Чиерне-над-Тиссой придавалось особое значение. Был подготовлен многостраничный доклад-обвинение Брежнева, участники переговоров получили «Памятку для конфиденциальных бесед». В ней были сжато сформулированы основные требования: запрещение деятельности всех политических организаций, партий и клубов, выступающих против социализма; обеспечение контроля партии за средствами массовой информации; восстановление руководящей роли компартии в чехословацком обществе; отставка Кригеля, Шпачека, Цисаржа, Славика, Шика, Павела, Прхлика². В Памятке для делегации КПСС на совещании братских партий содержалось требование к чехословацкой стороне: «Только проведение этих мероприятий не на словах, а на деле позволит нам – социалистическим странам – не прибегать к крайним мерам. В противоположном случае, и мы говорим Вам со всей прямотой, у нас не остается другого выхода как прибегнуть к крайним мерам»³. Как видим, эти требования носили откровенно ультимативный характер.

Первоначально рассчитывали, что переговоры в Чиерне-над-Тиссой будут короткими – всего один день, 29 июля. Уже на 30–31 июля была запланирована встреча в Москве руководителей КПСС, БКП,

¹ Рабочая запись заседаний Политбюро. 1968 г. 438–439.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 91. Д. 99. Л. 12–13.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 91. Д. 98. Л. 13.

ВСРП, СЕПГ и ПОРП. Планируемый провал переговоров открывал путь к «крайним мерам».

Однако переговоры пошли не так, как ожидалось. 30 июля Политбюро дало указание послам посетить Ульбрихта, Гомулку, Кадара и Живкова и сообщить, что «во время переговоров между Политбюро ЦК КПСС и Президиумом КПЧ по нашему предложению достигнута договоренность обеих делегаций». Переговоры продолжились. Курс сторонников политических решений на этом этапе явно брал верх. Намеченная встреча лидеров компартий была перенесена на 3 августа в Братиславу.

В ходе советско-чехословацких переговоров возник компромисс. Угроза военного вмешательства отодвинулась. КПСС прекращал полемику с КПЧ. Это почти автоматически означало ослабление конфликта руководства КПЧ с лидерами других компартий, прежде всего венгерской, польской и СЕПГ. Однако чехословацкое руководство должно было заплатить за компромисс. Цена компромисса состояла прежде всего в гарантии управляемости партии, а следовательно, и страны с позиций «пролетарского интернационализма», сохранении места Чехословакии в Варшавском договоре. Для этого следовало восстановить контроль над средствами массовой информации и прежде всего над телевидением. Были даны обещания вывести из секретарей ЦК КПЧ Цисаржа, считавшегося руководителем так называемого «пражского центра» в партии¹, исключить возможность того, что процесс подготовки XIV съезда окажется в руках «правых», вывести из-под контроля министра внутренних дел ЧССР Павла часть милиции путем разделения МВД на министерство охраны общественного порядка и госбезопасность.

Результатом переговоров в Чиерне-над-Тиссой стали краткое коммюнике и взаимные обязательства, принятые руководством двух компартий, носившие устный, недоговорной характер. На совещании в Братиславе Брежнев и Черник информировали руководителей компартий об итогах договоренностей, продемонстрировав до известной степени единство подходов. На время публичная полемика утихла, появилась надежда на политическое решение проблем. Однако для каждой из партий, для их партийного руководства оставался болезненным вопрос: не слишком ли далеко они зашли на пути взаимных уступок. Для одних существовала опасность ограничения националь-

---

¹ В состав «пражского центра» КПЧ, по советским данным, входили Шяк, Шпачек, Цисарж, Кригель, Павел. К ним присоединились Коларж, зав. организационно-политическим отделом ЦК, и Прхлик, зав. отделом административно-государственных органов. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 60. Д. 323. Л. 39–41.

ного суверенитета и достоинства, окончательного превращения правящей партии в марионетку другого государства; для других – угроза уступок ревизионизму, пересмотр послевоенного соотношения сил в Европе, соблазнительность чехословацкого своеволия для стран Восточной Европы и населения в самом СССР.

Компромисс, рожденный в Чиерне-над-Тиссой, был хрупок. Договаривавшиеся стороны не слишком доверяли друг другу. Примечательно, что во время Братиславской встречи руководству КПСС было передано так называемое «пригласительное письмо», призывавшее в ЧССР войска Советского Союза и подписанное В. Биляком, А. Индрой, Д. Кольдером, А. Капеком, О. Швесткой¹.

Диалог Брежнев – Дубчек. 13 августа. События следующей недели после совещания в Чиерне-над-Тиссой до сих пор остаются мало известными. Причина тому рутинная: начинался сезон отпусков партийного руководства КПСС. Заседания Политбюро при отсутствии большинства его членов вел Кириленко. «Штаб» партийного руководства временно переместился на южные дачи членов Политбюро, где беседы, обсуждения, дискуссии документировались много хуже, чем в столице.

8 августа Политбюро ЦК КПСС утвердило «Информацию ЦК КПСС для партийного актива о переговорах между членами Политбюро ЦК КПСС и Президиума ЦК КПЧ в Чиерне-над-Тиссой и результатах совещания руководителей партий социалистических стран в Братиславе». Информация была подготовлена секретарями ЦК КПСС К.Ф. Катушевым, Б.Н. Пономаревым, М.А. Сусловым и заведующим Отделом ЦК К.В. Русаковым. В ней сообщалось, как о наличии серьезных противоречий между КПСС и руководством КПЧ, так и о внутренних конфликтах в самой КПЧ. В документе содержалось краткое изложение советской позиции, заявленной в Чиерне-над-Тиссой. «Политбюро ЦК КПСС считало, – сообщалось партактиву, – что в сложившейся обстановке целесообразно ставить вопрос в наиболее резкой, откровенной форме». Выступления Дубчека, Черника, Смирковского на прошедшей встрече определялись как «некритические», недооценивавшие опасность контрреволюции. Вывод из этой информации не вызывал особого оптимизма: «Как позиция ЦК КПЧ, так и наблюдения за развитием событий после встреч в Чиерне-над-Тиссой и в Братиславе, не дают пока достаточной уверенности в том, что положения, зафиксированные в совместном Заявлении шести братских партий,

---

¹ Известия, 1992. 18 июля.

заверения, сделанные Президиумом ЦК КПЧ на двусторонней встрече, будут выполнены на деле»¹.

В телефонном разговоре с Дубчеком 9 августа Брежнев уже высказывал свои претензии по поводу публичных выступлений секретаря ЦК КПЧ Цисаржа, в которых тот критиковал недавнее соглашение. Советский лидер требовал провести кадровые перестановки в руководстве КПЧ. Дубчек, соглашаясь, говорил, что произвести их станет возможным на ближайшем пленуме ЦК КПЧ. «Соберем пленум дней через десять», – заверял он Брежнева. Брежнев напомнил, что в Чьерне-над-Тиссой сам Дубчек вместе со Смирковским и Черником обещали в течение нескольких дней провести реорганизацию и разделение МВД. «Черник и Ленарт, – заверил Дубчек, – разрабатывают меры по запрету стихийных митингов». «Эти митинги... не такие уж стихийные, – возразил Брежнев. – Они созываются Цисаржем и другими антипартийными элементами».

Об итогах этого разговора Политбюро ЦК КПСС информировало В. Ульбрихта, указав, что главной темой стала реализация договоренностей в Чьерне-над-Тиссой, в частности:

- о мерах по овладению средствами массовой информации;
- о мерах по прекращению деятельности социал-демократической партии и клубов. «Товарищ Брежнев надеется, – сообщалось в послании Политбюро, – что и Вы, товарищ Ульбрихт, во время двухсторонней встречи с чехословацкими товарищами также обратите главное внимание на необходимость точного выполнения Заявления братских партий, на выполнение договоренности, которая была достигнута на встрече в Чьерне-над-Тиссой, о которой тов. Брежнев информировал братские партии в Братиславе в присутствии тов. Дубчека и тов. Черника».

Следующий телефонный разговор состоялся 13 августа. День был выбран не случайно: это был вторник – день заседания президиума ЦК КПЧ. Брежнев, звоня Дубчеку, несомненно, рассчитывал на его немедленные действия или, как минимум, на возможность информировать высшее партийное руководство в Праге о советской позиции.

Брежнев начал разговор с того, что обвинил чехословацкие средства массовой информации в критике недавних соглашений, в антисоветской, антисоциалистической пропаганде. Следовал вывод: «Мы обменялись у себя на Политбюро мнениями² и единодушно пришли

¹ «От раскрытия архивов по «пражской весне» нискода не уйти» // Отечественные архивы, 1993, № 3. С. 92–95.

² В протоколах Политбюро ЦК КПСС не сохранилось сведений об обсуждении хода выполнения соглашения в Чьерне-над-Тиссой. Отсюда можно сделать, по крайней мере, три вывода: во-первых, протокол заседания не велся по техническим причинам (такая практика

к выводу, что есть все основания расценивать складывающееся положение как нарушение договоренностей, достигнутых в Черне-над-Тиссой. Я имею в виду ту договоренность, которая была с тобой при разговорах один-на-один, я имею в виду ту договоренность, которую мы имели при встречах наших четверок, я имею в виду ту договоренность, которая имела место между Политбюро нашей партии и Президиумом Центрального комитета вашей партии».

Попытка Дубчека возразить: «насколько мне известно, за последнее время – не было никаких выпадов против КПСС, Советского Союза, против социалистических стран», Брежнев не убедила. «За последние два-три дня... газеты упорно продолжают заниматься публикацией клеветнических измышлений в адрес Советского Союза и других братских стран. Мои товарищи по Политбюро, – продолжал Брежнев, – настаивают на том, чтобы мы сделали вам срочное представление по этому вопросу, дали соответствующую ноту, и я не могу удержать своих товарищей от этой ноты...». На слова Дубчека: «у нас было совещание работников печати. Оно осудило как неправильные действия репортеров этих газет...» – последовало брежневское: «Саша, не в этом дело... Мы договаривались не о совещании... Тут нужны конкретные меры. Ведь мы конкретно договорились в отношении роли Пеликана в этом деле и о том, что Пеликана необходимо убрать. Это – первый шаг для наведения порядка в органах массовой информации».

Две другие темы – обещанные изменения в МВД и в партийном руководстве – постоянно поднимались Брежневым во время его телефонных переговоров с Дубчеком. Ситуация в МВД не могла не беспокоить советское руководство. Еще в июне 1968 г. сотрудники посольства СССР получили данные о начале слежки за ними; были предприняты меры, затруднившие контакты между советскими дипломатами и чехословацкими функционерами¹. Позже, в записке, направленной 29 сентября 1970 г. в Президиум ЦК КПЧ, бывший председатель правительства Чехословакии О. Черник сообщал о том, что руководству КПЧ было известно о плане чрезвычайных мер, разработанных министром внутренних дел Павелом, входившим в «пражский центр». В той же записке указывается, что А. Дубчек и О. Черник считали необходимым подготовиться к открытому выступлению правых².

встречается), во-вторых, было не формальное заседание, а непосредственный обмен мнениями между членами Политбюро, и, в-третьих, Брежнев просто использовал ссылки на мнение Политбюро, чтобы придать дополнительный вес своим обвинениям.

¹ ЦХСД. Ф. 5. Оп. 60. Д. 300. Л. 1–4.

² Там же. Оп. 63. Д. 368. Л. 24.

Дубчек сообщил Брежневу, что 13 августа в повестку заседания Президиума КПЧ включен вопрос о разделении МВД, «так, как условились в Чиерне-над-Тиссой».

Брежнев. А как этот вопрос будет решен?.. Я хочу тебе напомнить, ты помнишь, когда тебе этот вопрос был задан, ты обратился к Чернику. Черник тебе сказал, что этот вопрос уже решен, что уже подготовлена кандидатура на второй пост и что в течение пяти дней они передадут это дело Смирковскому. Тогда ты обратился к Смирковскому, а он сказал: как только придет Черник этот документ, наш Совет решит его в течение пяти дней.

Дубчек. Да, тогда в Чиерне так говорили, но сейчас сильно изменилась ситуация. У нас сейчас происходит процесс федерирования. Будет Федерация Словакии, Федерация Чехии... Поэтому мы сегодня на Президиуме можем решить этот вопрос только как поручение правительству и министру подготовить соответствующие соображения... несколько позже.

Брежнев. Когда?

Дубчек. В октябре месяце, в конце октября.

Брежнев. Но что тебе сказать на это, Саша, разве это не проявление нового обмана?..».

Провалились и все обещания кадровых перемен. Брежнев напоминал, что в Чиерне «сложность решения этих вопросов и тогда была ясна и Вам, и Чернику, и Смирковскому, и Свободе, когда мы встречались четверками. Но вы тогда очень легко и очень самостоятельно, без нашего принуждения какого-то, сами выдвинули эти вопросы и сами обещали их решить в ближайшее время». Он настаивал на отстранении от руководства Цисаржа, Кригеля и Пеликана. Дубчек же повторял, что все кадровые вопросы можно будет решить только на пленуме, что обстановка изменилась. Брежнев вновь напоминал об обещаниях Дубчека, данных 9 августа, что пленум будет собран в ближайшие десять дней. В ответ его чехословацкий собеседник обещал провести пленум в конце августа, а скорее всего, в начале сентября...

В этой вязкой беседе, с частыми повторами, взаимными упреками и обидами, были тем не менее сформулированы позиции сторон. Для Брежнева – это обвинения в обмане, в отказе от принятых обязательств. Он постоянно подчеркивал: «мне Политбюро поручило переговорить...», «мои товарищи интересуются... и я просил бы тебя сообщить для того, чтобы я передал членам нашего Политбюро»... Анализ текста позволяет утверждать, что сам Брежнев пытался несколько дистанцироваться от мнения «коллективного руководства», стремился выступить в роли сторонника компромиссов, «уговаривавшего».

Стоит отметить: заседания Политбюро, на котором Брежневу было бы поручено провести этот разговор, как формальной процедуры не было. Суть дела, на наш взгляд, проясняют брежневские слова «мои товарищи интересуются...». Действительно, ход выполнения недавно подписанных договоренностей интересовал многих: в это время на южных дачах Политбюро находились, кроме Брежнева, Воронов, Косыгин, Пельше, Подгорный, Сулов, Шелепин, Шелест – члены Политбюро, а также кандидаты в члены Политбюро: Гришин, Кунаев, Мазуров, Машеров, Рашидов. Вместе с ними отдыхал и венгерский партийный лидер Кадар.

Дубчек постоянно ссылался на изменившиеся обстоятельства, на невозможность решать поставленные вопросы на Президиуме. «Мы твердо стоим на том, что это мероприятие (раздел МВД. – *Авт.*) нужно провести. Изменилась только ситуация. И этот вопрос нужно уже рассматривать по-другому. И это его решение от нас уже не зависит.

Брежнев. Саша, разреши задать тебе вопрос, что же тогда зависит от вашего Президиума?

Я только констатирую, – продолжал Брежнев, – что у вас Президиум ЦК ничем не руководит и что нам очень жаль, что мы этого не знали на совещании в Чиерне-над-Тиссой...».

Брежнев уговаривал Дубчека принять решения по кадровым вопросам немедленно, на заседании Президиума 13 августа. «Если ты эти вопросы поставишь на Президиуме, еще возможно, это последний шанс спасти дело без больших издержек, без больших потерь. Хуже будет, когда потери могут быть крупными». В ответ Дубчек снова настаивал на том, что «эти вопросы будут решаться пленумом».

«Но ты пойми, – обращался Брежнев к Дубчеку, – что... такое отношение к выполнению обязательств, принятых в Чиерне-над-Тиссой, создает совершенно новую ситуацию,... очевидно, она вынуждает нас по-новому оценивать обстановку и принимать новые самостоятельные меры».

Дубчек. Товарищ Брежнев, принимайте все меры, которые ваше Политбюро ЦК считает правильным.

Брежнев. Но если ты мне так отвечаешь, то я должен тебе сказать, Саша, что это заявление несерьезное...».

Для Брежнева было очевидно, что такими мерами станет вторжение войск Варшавского договора в Чехословакию. Но ведь это прекрасно понимал и Дубчек, по крайней мере, должен был понять в ходе переговоров в Чиерне-над Тиссой!

Попытки Дубчека добиться отсрочки выполнения обязательств без каких-то гарантий с его стороны (а если точнее, при невозможности

дать такие гарантии) встретили твердые возражения Брежнева: «Я не могу за спиной членов Политбюро решать новые вопросы. Я не могу согласиться ни с какими твоими доводами... Получается, что у тебя появились новые условия, и когда теперь ты исполнишь нашу договоренность о разделе МВД, неясно и непонятно. Ты пойми, что мы договаривались на самом высоком уровне... А теперь оказывается, что эти люди ничего не могут решить. И теперь ты мне говоришь, принимайте такие меры, которые считает нужным Политбюро ЦК КПСС. Конечно, придется, очевидно, с тобой согласиться принимать такие меры, которые мы сочтем необходимыми...».

К середине разговора Дубчек, измученный собственными невразумительными ответами, взорвался: «На очередном пленуме будет избран другой первый секретарь!» – «Саша, не впадай в крайность это совсем ненужный разговор», – возразил ему Брежнев. Однако Дубчек снова и снова возвращался к этой теме: «Я пошел бы куда угодно работать. Я этой должностью не дорожу. Пускай кто угодно этим занимается, пускай кто угодно будет первым секретарем ЦК КПЧ, я не могу работать больше без отсутствия поддержки, в обстановке постоянных нападок». «Иссякли силы, – продолжал Дубчек, – я не случайно вам сказал, что новый пленум изберет нового секретаря. Я думаю уходить с этой работы. Дорогой Леонид Ильич, я прошу меня извинить за то, что, может быть, сегодня я несколько раздраженно говорил».

Брежнев пытался успокоить Дубчека, но вновь и вновь задавал один и тот же вопрос: намерен ли Президиум ЦК КПЧ выполнять решения, принятые в Чиерне-над-Тиссой? Ответы Дубчека свидетельствовали, что Президиум ЦК не способен их выполнить, хотя сам он не переставал подтверждать верность прежним договоренностям.

Оба собеседника хитрили, недоговаривали. Брежнев надеялся, что в момент разговора рядом с Дубчеком будет В. Биляк. Эта просьба была заранее передана в Прагу. Но рядом с Дубчеком находился Смирковский. Брежнев рассчитывал, что содержание разговора сразу же будет сообщено членам Президиума и секретарям ЦК КПЧ. Но и этого не произошло. Для Москвы становилось ясно, что Дубчек не контролирует деятельность Президиума ЦК КПЧ, Президиум ЦК – ситуацию в стране.

Однако анализ телефонной записи ставит перед исследователями ряд вопросов, ответы на которые не содержатся в московских архивах. Что значит десятки раз повторенная Дубчеком фраза об изменившихся обстоятельствах? Конечно, это не только и не столько процесс федерализации Чехословакии. Контекст свидетельствует: изменилась расстановка сил в руководстве партии. Трудно не задать вопрос: что

привело к ослаблению позиций той группировки в партии, которая летом 1968 г. пользовалась абсолютной поддержкой населения¹? Какие решения принимались в высшем руководстве Чехословакии между окончанием переговоров в Чьерне и 21 августа 1968 г.?

Что изменилось в ситуации вокруг МВД? Для понимания событий 1968 г. важнейшее значение имеет дополнительная информация о том, что представляли собой и как планировались чрезвычайные меры генерала Й. Павела, и о судьбе планов подавления возможного переворота, которые разрабатывались при участии Дубчека и Черника.

Крайние меры. Выводы, сделанные Москвой из спора Брежнева и Дубчека 13 августа, имели исключительно важный характер. 16 августа под председательством А.П. Кириленко состоялось заседание Политбюро. В его работе приняли участие Мазуров, Полянский, Андропов, Демичев, Капитонов, Катушев, Кулаков и Соломенцев. Кириленко сообщил последнюю информацию, подготовленную комиссией Политбюро о ситуации в Чехословакии. По его словам, «в ней дан анализ событий в Чехословакии *по ситуации на 13 августа*. (Курсив наш. — Авт.) На основе этого анализа в Политбюро ЦК КПСС были внесены предложения Президиуму ЦК КПЧ с учетом замечаний, сделанных по первому варианту Леонидом Ильичем. Он мне передал их по телефону. Новый вариант мы сегодня ночью передали на юг. Как мне известно, товарищи сейчас над ним работают».

Кириленко сообщил также, что в процессе выработки решений учитывалась позиция Кадара, «который высказал свое мнение т. Брежневу на юге», а также итоги консультации с Живковым, Ульбрихтом и Гомулкой.

16 августа Политбюро ЦК КПСС утвердило текст послания Брежнева Дубчеку, которое должен был передать чехословацкому лидеру посол СССР в ЧССР Червоненко. В послании, на двух страницах машинописного текста, содержался перечень обязательств, не выпол-

---

¹ По данным социологических опросов общественного мнения, проведенных в Словакии Кабинетом опроса общественного мнения в Братиславе, доверяли:

Дубчеку — 90,3 %

Свободе — 75,8;

Гусаку — 64,0;

Смрковскому — 42,2;

Чернику — 25,8;

Биляку — 25,2;

Цисаржу — 15,1;

Ленарту — 14,4;

Новомескому — 10,3;

Дзуру 10,1 %. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 60. Д. 324. Л. 226.

ненных чехословацким руководством. Поводом для послания стал все тот же разговор, состоявшийся 13 августа. «В целом, — заявлялось от имени Брежнева, — у меня сложилось такое впечатление, что Президиум ЦК КПЧ не проявляет должной инициативы и решимости в выполнении договоренностей между нами, тогда как все это является весьма важным для отпора правым антисоциалистическим и контрреволюционным элементам, для защиты КПЧ и завоеваний социализма в Чехословакии. Возможно, Вы были возбуждены какими-то обстоятельствами, что бывает в нашей жизни. В конце беседы Вы извинились. Тем не менее интересующие вопросы не были выяснены до конца. Я не хочу давать преждевременно оценку тому, на что это промедление рассчитано, и поэтому решил просить Вас ответить мне через т. Червоненко»¹.

Послу были даны инструкции: «При первой возможности ознакомьте с содержанием письма тт. Биляка, Кольдера, Индру, Риго, Барбирека, Пиллера, Капека, Швестку. Сделайте так, чтобы во время вашего визита к т. Дубчеку Вы, как бы случайно, встретились в здании ЦК с тт. Кольдером и Индрой или с кем-нибудь другим из этой группы, и скажите им, что прибыли для вручения т. Дубчеку письма от т. Брежнева. Объясните товарищам, что это дает основание попросить т. Дубчека огласить содержание письма т. Брежнева на Президиуме ЦК КПЧ»².

На следующий день, 17 августа, в Москву прибыли все члены Политбюро. Заседание вел Брежнев. Он информировал участников заседания о своих консультациях с Кадаром. Венгерский лидер выразил полную готовность участвовать во всех акциях «помощи чехословацкому народу». Кадар сообщил, что «единодушно» принято соответствующее решение Политбюро и пленума ЦК ВСРП, объявлена мобилизационная готовность в армии. Вместе с тем он пытался отыскать последние шансы найти политический выход из конфликта. «Может быть, — обращался Кадар к членам Политбюро, — следовало принять еще один шаг для того, чтобы положительно повлиять на Дубчека, оторвать его от правых сил». Брежнев просил Кадара встретиться с Дубчеком. Встреча была запланирована на 17 августа — день заседания Политбюро ЦК КПСС. Было подготовлено очередное письмо Политбюро ЦК КПСС в Президиум ЦК КПЧ.

Серьезные опасения, по мнению Брежнева, таил в себе приближавшийся XIV съезд КПЧ, который должен был привести к победе правого крыла в партии.

---

¹ АП РФ. Выписка из протокола № 94 заседания Политбюро от 16 августа 1968 г. Л.1–2.

² Там же. Л. 3.

С этого времени началась непосредственная подготовка к вторжению. В решении Политбюро «К вопросу о положении в Чехословакии» сообщалось: «Всесторонне проанализировав обстановку и события последних дней в Чехословакии, а также обсудив просьбу членов Президиума ЦК КПЧ и правительства ЧССР к СССР, ПНР, НРБ, ВНР и ГДР об оказании им военной помощи в борьбе против контрреволюционных сил, Политбюро ЦК КПСС единодушно считает, что развитие событий в Чехословакии за последние дни приобрело самый опасный характер. Правые элементы, опираясь на явную и тайную поддержку империалистической реакции, осуществили подготовку контрреволюционного переворота... Учитывая, что со стороны КПСС и других братских партий уже исчерпаны все политические средства воздействия на руководство КПЧ, чтобы побудить его к отпору правым антисоциалистическим силам, Политбюро ЦК КПСС считает, что наступил момент для применения активных мер по защите социализма в ЧССР, и единодушно решает оказать коммунистической партии и народу Чехословакии помощь и поддержку вооруженными силами. Считать целесообразным обратиться к братским партиям социалистических стран – НРБ, ВНР, ГДР, ПНР с предложением созвать в Москве 18 августа 1968 г. совещание партийных и государственных руководителей, на котором обсудить данный вопрос»¹.

При принятии решения в Москве учитывалось и мнение «здорового ядра в КПЧ». «Здоровые силы, – сообщил Брежнев, – высказали целый ряд соображений о синхронности действий и своем плане. Я думаю, что в целом этот план приемлемый. Приемлемы и сроки, какие указывают они для действий, то есть 20–21 августа. Поэтому нам надо сегодня обсудить и определиться по этому вопросу. Вопрос очень серьезный и очень ответственный»².

В ходе заседания споров вокруг решения о вводе войск Варшавского договора в Чехословакию не было. Было принято постановление Политбюро «К вопросу о положении в Чехословакии», содержащее перечень тех «крайних мер», которые готовились уже три месяца, текст письма Политбюро ЦК КПСС в Президиум ЦК КПЧ, утверждены Обращения к гражданам Чехословацкой Социалистической Республики, к чехословацкой армии, предусмотрены мероприятия по работе с так называемой «пятеркой» – чехословацкими деятелями, настаивавшими на вводе войск.

Был утвержден проект «Декларации Президиума ЦК КПЧ и Правительства Чехословацкой Социалистической Республики», с которым

¹ Там же. Выписка из Протокола № 95 Политбюро ЦК от 17 августа 1968 г.

² АП РФ. Рабочие записи заседаний Политбюро. 1968. Л. 477.

должны были обратиться «здоровые силы» в руководстве страны. В ней, в частности, говорилось, что «пробравшиеся в руководство партии и государства правые, ревизионистские элементы, которые навывадали народу различные обещания, на деле показали себя политическими банкротами... Президиум ЦК КПЧ и правительство страны берут на себя инициативу сплочения всех патриотических сил во имя социалистического будущего нашей Родины. Угроза братоубийственной войны, которую готовила реакция, поставила нас перед неизбежностью обращения за помощью к Советскому Союзу и другим братским социалистическим странам. Наши союзники откликнулись на эту просьбу. Они направили к нам свои войска для оказания нашей стране помощи в этот трудный час испытаний. Президиум ЦК КПЧ и Революционное правительство призывают всех граждан оказывать содействие воинским частям наших союзников». В документе последовательно осуждались внутренняя политика, проводимая руководством ЧССР, содержались перечисления льгот, которые должно предоставить гражданам страны новое Революционное правительство. Во внешнеполитическом разделе проекта Декларации содержалось подтверждение верности курса на дружбу с Советским Союзом, другими социалистическими странами.

Послу Червоненко было поручено передать Биляку и Индре написанный в Москве текст «Декларации Президиума ЦК КПЧ и Правительства Чехословацкой Социалистической Республики», указав, что «этот документ является материалом, который может послужить друзьям как помощь при разработке ими Обращения к народу».

На следующий день, 18 августа, в Москву прилетели руководители стран Варшавского договора, чьи войска должны были вступить в Чехословакию. Перед участниками совещания выступил Брежнев. После него положение в Чехословакии охарактеризовали Ульбрихт, Живков, Гомулка и Кадар. Они «выразили полное и единодушное согласие с оценкой и выводами Политбюро ЦК КПСС».

19 августа на Старой площади собрались члены и кандидаты в члены ЦК КПСС, секретари республиканских компартий, крайкомов и обкомов КПСС, которых проинформировали со ссылкой на необходимость выполнения решений апрельского и июльского пленумов о готовящейся военной акции в Чехословакии. В тот же день о предстоящей совместной акции пяти стран было сообщено в ООН, советский посол в ЧССР в связи с предстоявшими событиями получил подробные инструкции. Был утвержден текст заявления ТАСС о том, что по просьбе Президиума ЦК КПЧ и чехословацкого правительства Советский Союз вместе с другими социалистическими странами ока-

зал неотложную помощь Чехословакии в связи с угрозой социалистическому строю.

На следующий день, 20 августа, были даны указания послам в других социалистических странах, летели новые инструкции Червоненко. В ночь с 20 на 21 августа, в 23 часа 20 минут, за час до начала операции, он должен был посетить президента Чехословакии Л. Свободу и сообщить ему, что ЦК КПСС и другие «братские партии» получили просьбу большинства членов Президиума ЦК КПЧ и многих членов Правительства ЧССР об оказании военной помощи против угрозы контрреволюции в стране. «Если президент положительно отнесется к просьбе братских стран, – сообщалось в инструкции, – то вы, с соблюдением необходимого такта, можете передать ему в качестве проекта прилагаемый текст его обращения к армии и народу». Предполагалось, что Свобода немедленно сообщит об этом Дубчеку или кому-то другому из руководства ЧССР.

21 августа 1968 года в Чехословакию были введены войска.

Однако хорошо организованная военная акция обернулась политическим поражением. Против войск выступило гражданское население страны. Трудно было найти более мощный фактор антисоветской, антикоммунистической агитации, чем тот, что так тщательно спланировали Политбюро ЦК КПСС и «братские социалистические страны». В данной книге мы не будем останавливаться на этом очевидном факте. Литература, посвященная политическому протесту народов Чехословакии против ввода войск, обширна.

Вторым фактором поражения стал провал планов опереться на «здоровые силы». Все надежды сформировать Революционное правительство рухнули в первый день вторжения. Еще 19 августа руководство КПСС было уверено, что планируемая акция встретит поддержку большинства членов Президиума ЦК КПЧ. Однако эта иллюзия рассеялась в первые часы вторжения. Жизнь доказала справедливость мнения А.Н. Косыгина об отсутствии сколько-нибудь влиятельного «здорового», по советским меркам, ядра в руководстве КПЧ.

Арестованные 21 августа советскими войсками Дубчек, Черник, Смрковский, Кригель, Шпачек, Шимон спустя два дня, 23 августа, были отправлены в Москву на переговоры.

23 августа в Москве состоялись переговоры Брежнева, Косыгина и Подгорного с Л. Свободой, в тот же день Брежнев, Косыгин, Подгорный и Воронов провели долгие переговоры с Дубчком и Черником. 26 августа был подписан протокол об итогах переговоров между Президиумом ЦК КПСС и Президиумом ЦК КПЧ (23–26 августа 1968 г.)¹.

¹ Млынарж З. Мороз ударил из Кремля. С. 161–274.

Командующий ВДВ генерал армии В.Ф. Маргелов беседует с офицерами. Прага, 1968 г.

25 августа, в те часы, когда еще продолжались переговоры, состоялось заседание Политбюро ЦК КПСС, на котором, по сути, признавался провал «крайних мер». Главным на этом заседании стало выступление А.Н. Косыгина. Косыгин начал с оценки ввода войск в Чехословакию устами руководителей «братских партий».

Косыгин разделил высказанные ими мнения на три группы. Первая — мнение Кадара, совпадавшее с советским. Вторая позиция была выражена Живковым. Он, по словам Косыгина, «несколько вспльхиво высказался так, что война неизбежна, что нужно все душить, нужно сажать контрреволюцию, и так далее в этом духе». Живков высказывался за создание Революционного правительства.

Третья точка зрения — Ульбрихта и Гомулки — была близка к той, которую высказал Живков, они лишь аккуратнее выражали те же мысли. Лидеры СЕПГ и ПОРП заявляли, что КПЧ полностью разложена, что в Чехословакии нет компартии, поэтому необходимо Революционное правительство. Попытки найти компромисс с прежним руководством КПЧ, предпринимавшиеся Брежневым на переговорах в Москве, вызвали у них протест: «Ульбрихт заявил, если Дубчек и Черник будут у руководства, тогда зачем же вводили войска?» (Курсив наш. — Авт.). Ему вторил Гомулка: «никто нас не поймет, зачем мы ввели войска...».

На Политбюро обсуждалось три варианта развития событий в Чехословакии. Первый вариант — создание Революционного правитель-

ства во главе с президентом. Его заместителем мог бы быть, по словам Косыгина, Черник. «Между прочим, – заметил Косыгин, – очень хорошо и спокойно ведет себя Гусак».

Второй вариант – правительство во главе с Черником или Черник – первый секретарь ЦК, а Гусак – председатель Совета Министров, то есть устранение Дубчека с политической сцены.

И третий вариант, который уже был предложен в проекте протокола переговоров между Политбюро ЦК КПСС и Президиумом ЦК КПЧ, – сохранение прежнего политического руководства, возвращение, по сути, к тем обязательствам, которые Президиум ЦК КПЧ дал на встрече в Чи-

ерне-над-Тиссой, предполагавший устранение Кригеля, Цисаржа и Шика. Вместе с ними должен был уйти и Биляк, влияние которого почти полностью было утрачено провалом планов «крайних мер».

Это обсуждение вызвало размежевание членов Политбюро. Стронниками третьего плана были Брежнев и Косыгин. Позиция Брежнева, ориентированная на поиск политических решений, его опасение «крайних мер» оказались оправданными. Косыгин, не доверявший Дубчеку, аттестовавший его как «подлеца номер один», считал вместе с тем, что нет людей, которые могли бы возглавить Революционное правительство. С мнением Косыгина согласился Шелепин. Эту линию решительно поддержал Демичев. «Я считаю, что единственно подходящий вариант – это последний вариант, третий. Эти документы, которые подготовлены группой т. Косыгина. Если не этот вариант, то значит война, никакого иного выхода не будет, тогда надо воевать. Надо ли это? Надо подумать».

Ему возражал Андропов. «Мне кажется, что не надо шарахаться из стороны в сторону, а то получается непонятно: кто же ввел войска – мы к ним, или они к нам. Я считаю правильным то, что надо использовать все три варианта». В дальнейшем из выступления председателя КГБ стало ясно, что ближе ему первый вариант: «Надо предусмотреть сумму мер, которые бы разрешили ужесточить порядок в стране, в которой введены войска союзников...». Он предложил разогнать мини-

Г. Гусак

стров Чехословакии, укрывшихся в резиденции президента Свободы, арестовать министра внутренних дел Павела. На создании Революционного правительства, на том, что «надо дать большую свободу нашим войскам», настаивал Устинов.

Второй, промежуточный, вариант защищал Подгорный. Его более всего устраивало устранение из руководства Дубчека. Полянский предложил организовать устранение Дубчека руками чехов – «разрешить им провести пленум, как мы предполагаем, и пусть они сами на пленуме Дубчека разделают». «Этого не будет, – возразил Косыгин, – никто его разделять не будет, этого не получится». Подгорному были близки предложения Андропова по «изоляции явной контрреволюции», но, наученный своим личным провалом отношений с Бияком, он возражал сторонникам Революционного правительства: «Нет же у нас кандидатуры»¹.

В конце концов победила линия Брежнева на компромисс. Процесс «нормализации» затянулся на годы. Экстремистский курс Андропова, Устинова, Подгорного, Шелеста оказался неосуществимым. Провалились все надежды и планы поддержки войск союзников «здоровыми силами». Как выяснилось, планы применить «методы февраля 1948 г.» не имели под собой реальной почвы.

Своего рода символом краха всех этих проектов стала многотысячная толпа разгневанных словаков, окружившая 21 августа советское консульство в Братиславе, то самое консульство, куда еще недавно приходили запросто, где работали люди, считавшиеся друзьями. Теперь советские танки пушечными выстрелами вверх разгоняли людей. Рушилась идея социализма, возможности его реформирования. Рушилась традиционная дружба русского народа и народов Чехословакии. Советский Союз укрепил репутацию агрессора.

Драматические события августа 1968 г. вызревали не как межгосударственный, а как межпартийный конфликт, заложниками которого оказались народы наших стран. Правительства социалистических стран Восточной Европы своим существованием были обязаны, прежде всего, поддержке КПСС и СССР. Они развивали свои отношения с СССР, как и СССР по отношению к этим странам, не на основе нормальной дипломатической практики, а путем межпартийных выяснений отношений, аргументами в которых могли быть и статьи в газетах, и перевыборы на пленумах, и танки на улицах. Межпартийные конфликты становились межгосударственными.

После разгрома «пражской весны» власть стала более репрессивной по отношению к любому инакомыслию. Укреплял позиции нео-

¹ АП РФ. Рабочие записи заседаний Политбюро. 1968. Л. 484-491.

сталинизм – верность старым идеологическим ценностям, «идеологической дисциплине», помноженной на неведомую при Сталине «стабильность в руководстве».

Для советского общественного мнения вторжение в Чехословакию окончательно разрушило иллюзии революционного гуманизма, коммунистической идеи. Режим стал циничнее, проще, понятнее.

* * *

Короткий период: осень 1964 – осень 1968 гг. любопытен тем, что СССР в это время столкнулся с рядом альтернатив. Прежде всего, определялся внутривластный курс руководства страны. Те принципы, которые наметились в управлении страной во второй половине 50-х гг., были подтверждены после отрешения от власти Хрущева. «Принцип стабильности» предопределил, в конце концов, не только отставку Хрущева, но и политическое крушение его главного врага – Шелепина. Партийно-государственному руководству, номенклатуре стало опасно суперминистерство, пыгавшееся все контролировать и вмешиваться в работу партийных и государственных органов. Поэтому Комитет партийно-государственного контроля был ликвидирован и тем самым еще раз подтвержден принцип «партийного руководства».

Предпринималась, и не без успеха, попытка решить экономические проблемы, наметившиеся к концу 50-х – началу 60-х гг. Ликвидация совнархозов и восстановление министерств, централизованного управления создали определенный положительный эффект для развития промышленности. Некоторое время действовали региональные связи, доставшиеся в наследство от совнархозов, они были обеспечены централизованными инвестициями, отраслевой наукой и технической политикой. Восьмая пятилетка, 1965–1970 гг., – стала одной из самых успешных для экономики страны. Важным фактором, все более значительно влиявшим на экономическое положение СССР, стало стремительное расширение добычи нефти и газа в Западной Сибири.

Начавшаяся в те годы экономическая реформа предполагала расширение материальных стимулов производства, повышение заинтересованности работников в количественных и качественных результатах труда.

На некоторое время удалось ослабить зависимость страны от закупок продовольствия за рубежом. После тяжелых 1963–1965 гг. СССР резко сократил импорт хлеба. Так, в 1966 г. хлеб практически не импортировался, в 1967 г. закупки хлеба оказались незначительными.

Однако действовали и иные факторы. «Полевение» общественно-политической ситуации в Европе и мире во второй половине 60-х гг.

породило критику советского социализма «слева». Идеи реформирования социализма, «социализма с человеческим лицом», «новых левых» получили практическое воплощение в политическом брожении в Польше, в реформах, начавшихся в Чехословакии.

Вторжение войск Варшавского договора во главе с Советской Армией в Чехословакию стало рубежом политической истории не только для народов Восточной Европы, но и для СССР. «Социалистический лагерь» и его коммунистические элиты были вынуждены определиться в своем отношении к реформам, справедливо разглядев в них угрозу утраты власти. Экономическая реформа в самом СССР была свернута. Власть и общество убеждались в практической неререформируемости социализма советского образца. Последующие десятилетия лишь подтвердили справедливость этого вывода.

Очерк 8

От стабильности к застою (1969-й – начало 80-х гг.)

«Идеологическая дисциплина» в науке. Разгром «нового направления». Ситуация вокруг «Нового мира» и Твардовского. А. Солженицын и власть. Нео сталинизм. Спор о Сталине на Политбюро. Правозащитное движение и КГБ. Конституция 1977 г. Законодательная власть. Исполнительная власть. Аппарат ЦК КПСС в системе управления. Конец экономической реформы. Пролетарский интернационализм и внешняя политика СССР. Вьетнам. СССР и коммунистические партии стран «третьего мира». Афганистан. Две солидарности: социалистическая и польская

Идеологическая дисциплина» в науке. Идеологическая погода «Именялась быстро. Ледяной ветерок, потянувший в 1968–1969 гг., в начале 70-х гг. перерастал в метель. Становилась реальной угрозой переоценки того, что в 60-е гг. ассоциировалось с достижениями в науке, литературе, искусстве. Шло наступление на позиции той части интеллигенции, которая считала идеи социализма исторически прогрессивными, но деформированными «в период культа личности». Эти люди были искренне заинтересованы в исправлении социализма – путем обращения к отечественному прошлому и культуре, национальным традициям, достижениям мировой цивилизации. Идеологический пресс на время сплотил вечных соперников в истории отечественной общественной мысли: «западников» и «славянофилов».

Своего рода «застрельщиком» контрреформ стал заведующий отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС, фронтовой друг Брежнев, С. Трапезников. Его нетерпимость, догматизм стали «притчей во языцех». Трапезников олицетворял в ЦК те силы, которые укрепились вместе с Брежневым и боролись против идеологических вольностей предшествующего периода. В результате в опале оказался ряд деятелей Академии наук СССР.

Нельзя сказать, что этот курс – «курс Трапезникова» – не встречал сопротивления. Так, академик А.М. Румянцев¹ в июле 1970 г. напра-

---

¹ Академик Румянцев в 1964–1965 гг. был главным редактором «Правды». Краткую характеристику А.М. Румянцеву дал в своем дневнике В. Лакшин, писатель и критик, член ред-

вил в ЦК КПСС письмо, ставшее своеобразным мартирологом общественным наукам «эпохи оттепели». Академик сообщал, что обычными в руководстве наукой стали «... грубые, неквалифицированные разносы, ... факты прямого произвола, особенно в организации научных дискуссий и определении судьбы ряда научных направлений».

Примеров тому было множество, и А.М. Румянцев привел их. Это – разностная критика в газете «Социалистическая индустрия» книги сотрудника Института экономики АН СССР Б.В. Ракитского «Формы хозяйственного руководства предприятиями», работ покойного академика Е.С. Варги. По словам А.М. Румянцева, подобная критика велась с прямыми ссылками на указания, полученные из отдела науки ЦК и при участии сотрудников этого отдела. Румянцев упоминает, что резкой и, по его мнению, безосновательной критике были подвернуты философские работы А.П. Бутенко.

Особое место в письме академика занял анализ ситуации, сложившейся в исторической науке. По его мнению, многочисленные реорганизации, происходившие в 1968–1970 гг. (разделение Института истории на два – Истории СССР и Всеобщей истории, упразднение сектора методологии исторической науки), запелляционная критика в прессе¹ заведующего сектором М.Я. Гефтера, увольнение ряда ведущих сотрудников вели к падению теоретического уровня этой науки.

«...Хотя бы или не хотят люди, зараженные негативизмом, – делал вывод академик Румянцев, – их позиция и действия наносят прямой практический и политический ущерб. Страх – плохой советчик. Научные работники, которые боятся того, что их неправильно поймут, и потому стараются подогнать свои взгляды и предложения под привычные формулировки, не смогут оказать своевременную помощь партии в решении новых и сложных проблем общественного развития. Развитие социальных наук, как подчеркивали Маркс и Ленин, должно носить опережающий характер по отношению к текущим событиям, иначе наука и не нужна.

Опережение, в свою очередь, возможно лишь при условии свободного обмена мнениями в научной среде. Разнообразие точек зрения среди ученых, стоящих на почве единого мировоззрения, – естествен-

---

коллегия журнала «Новый мир» в 60-е гг.: «9 ноября 1964 г. Некоторые либеральные вояжи. А.М. Румянцев пришел в “Правду” главным редактором взамен Сатюкова. Карякин, работавший с ним в Праге, отзывался о нем хорошо. “Октябристы” (сторонники фундаменталистско-коммунистического литературного журнала. – *Авт.*) вряд ли за шампанским посылают», – прокомментировал Твардовский это назначение». Лакшин В. «Новый мир» во времена Хрущева. Дневник и попутное. – М., 1991. С. 255.

¹ См. например, Советская Россия, 28 февраля 1970 г.

но и даже необходимо. Вредна лишь претензия какой-либо группы ученых на обладание истиной. Когда же монополистами пытаются стать люди, которым партия доверила руководство научной жизнью, и когда эти люди применяют для этого командные приемы, возникает угроза разрыва между наукой и политикой, блокирования выходов из науки в политику...».

Однако у партии, привычно отождествляемой с ЦК КПСС, было иное мнение по поводу связи науки с политикой. Это мнение заведующий отделом науки ЦК КПСС С. Трапезников изложил в записке, датированной 24 июля 1970 г. и обсужденной позже на секретариате ЦК.

Трапезников заявлял: «К большому огорчению, среди изданных работ имеются отдельные слабые и даже незрелые работы, в которых допущены крупные идейно-теоретические ошибки». Отсюда вполне логичный для автора вывод: усилить партийное руководство! Трапезников сообщал: «В связи с этим Отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС рекомендовал отделениям АН СССР и институтам силами ученых разобраться и помочь ошибающимся товарищам в исправлении их ошибок. Именно таким образом было организовано обсуждение ряда работ. Так в отделении философии и права АН СССР под председательством академика Константинова Ф.В. проходило обсуждение книги “Ленинизм и диалектика общественного развития”, в котором приняло участие около 30 человек и выступило 28 научных работников. Книга содержит ряд ценных разделов, но вместе с тем в ней имеются крупные ошибки принципиального характера, о чем нами уже докладывалось ЦК КПСС».

«По отзыву большинства ученых, — заявлял зав. отделом науки, — это обсуждение прошло на высоком уровне, в деловой, принципиальной обстановке и помогло определить правильные позиции в ряде крупных теоретических вопросов философской науки. Аналогично проходило обсуждение книги “Историческая наука и некоторые проблемы современности” на бюро отделения исторических наук АН СССР под председательством академика Жукова Е.М. Книга имеет ряд полезных научных статей. Но в ней оказались и такие статьи, которые являются в корне ошибочными. Не удивительно поэтому, что подобного рода статьи вызвали не только негодование, но и озабоченность ученых. В этой книге содержится призыв к “новому прочтению” трудов Маркса, Энгельса, Ленина. Что же это за “новое прочтение”?.. Оказывается, под этим “новым прочтением” имеется в виду пересмотреть ленинское учение о партии, о социалистической революции, о государстве, об общественно-экономических формациях. Выступавшие крупные ученые — академики Минц И.И., Поспелов П.Н.,

Жуков Е.М., Рыбаков Б.А., Гафуров Б.Г., Ким М.И. и другие ...дали принципиальную, глубоко научную, аргументированную критику серьезным ошибкам и извращениям, имеющимся в названной книге».

Далее, «доказав» ссылками на ученые авторитеты несостоятельность научной аргументации академика Румянцева, Трапезников обрушивается на своего оппонента уже с персональными обвинениями, перераставшими в политический донос, в известный жанр «письма в инстанцию». «И, право говоря, мы никак не думали и совершенно не предполагали, — пишет Трапезников, — чтобы т. Румянцев взял под защиту эти явно ошибочные труды, подверг сомнению вполне демократический характер обсуждения. Более того, он устранился от участия в действительно научном и объективном обсуждении этих работ».

«Автор записки требует открытых “свободных” дискуссий, — продолжал Трапезников. — Позвоительно спросить его, о какой это “свободе” идет речь? Все дело, видимо, в том, что т. Румянцев, будучи вице-президентом АН СССР, отвечающим за общественные науки, ослабил связь с отделениями, институтами Академии наук и оказался плохо информированным о подлинном состоянии дел вверенного ему участка работы».

Под конец последовали конкретные обвинения Румянцева в отсутствии необходимой политической бдительности, в ошибочной кадровой политике и прямом пособничестве «политически незрелым» людям. Трапезников перечислял: академик Румянцев принял к себе в институт некоего Левита, уволенного с работы Калужским обкомом партии; когда в Калуге стало об этом известно и обком начал преследовать Левита на новом месте службы, Румянцев перевел Левита в Институт информации по общественным наукам; так же он помог устроиться на работу Е. Амбарцумову, уволенному с должности заместителя директора Института истории международного движения, и даже экономисту Г. Лисичкину, прославившемуся своей открытой полемикой с первым секретарем Ставропольского обкома партии Л. Ефремовым¹, за что был подвергнут критике на Пленуме ЦК КПСС. Более того, Румянцев демонстративно отказывался не только согласовывать свои выступления с отделом науки, но даже и представлять их в отдел (чем отличался, например, от президента Академии наук).

Естественным выводом из всего изложенного следовала плохо скрытая рекомендация Трапезникова освободить Румянцева от поста вице-президента Академии наук, отвечающего за развитие гуманитарных и общественных наук.

---

¹ Лисичкин Г. Спустя два года // Новый мир. См. также: Горбачев М.С. Жизнь и реформы. — М., 1995. С. 117–118.

Письмо Трапезникова обсуждалось на секретариате ЦК и получило поддержку.

На первой линии партийной критики оказались процессы, происходившие и в экономической науке.

Фактический отказ от проведения экономических реформ повлек за собой критику тех экономистов, которые продолжали обосновывать необходимость применения рыночных механизмов в условиях советской экономики. Показательной в этом смысле стала судьба упоминавшейся в письме академика Румянцева книги Б.В. Ракитского «Формы хозяйственного руководства предприятиями». Книга получила многочисленные положительные отзывы – Л. Пекарского и Л. Бондаренко, Э. Дунаева, Ю. Субоцкого, Е. Ясина.

Однако рецензенты, заказанные отделом науки ЦК, придерживались иного мнения. Нельзя не отдать им должное: они последовательно выявили в книге все, что служило обоснованием необходимости отказа от социалистической уравниловки, любые попытки доказать необходимость рыночных методов управления экономикой. Не осталось без внимания положение о том, что «общественный материальный интерес» не служит стимулом для деятельности конкретного человека (то есть рассуждения о всенародном благе остаются пустым звуком, пока не превратятся в личную материальную заинтересованность). Ракитский позволял себе крамольные рассуждения о «нецелесообразности вмешательства партийных и государственных вышестоящих органов в определение экономического содержания договора». Рецензенты отдела науки справедливо замечали: «Такая постановка вопроса ошибочна, т. к. она умаляет роль руководства (партийного! – *Авт.*) хозяйственно-производственной деятельностью государственных предприятий».

Рецензентов раздражало понятие «децентрализация управления», попытки автора обосновать необходимость ответственности руководителя производства перед коллективом, признание необходимости конкуренции внутри отраслей.

Наибольшее недовольство вызывали предложения Ракитского о «свободном» выборе партнера при заключении хозяйственного договора в условиях «гибкости цен». Выводы рецензентов строго укладывались в рамки защиты директивной экономики: необходимо строго соблюдать принципы планового ценообразования, контроля за денежным оборотом.

Разгром «нового направления». В мае 1969 г. в моем родном Уральском государственном университете состоялась научная конференция. Обычное для университета событие, скажите вы. Да, верно,

но на этот раз конференция проводилась с необычной для подобных событий рекламой. Кроме университета, ее устроителями явились Институт истории АН СССР и Научный совет по проблеме «История Великой Октябрьской революции». Конференция объединила виднейших историков, исследовавших отечественную историю XIX – начала XX в., а также специалистов по истории Западной Европы, Латинской Америки, ученых-востоковедов, юристов.

Уральский университет не случайно стал местом проведения этой встречи. В нем, на кафедре российской истории много лет работала группа историков во главе с В.В. Адамовым, доказывавшая, что Урал, крупнейший промышленный регион дореволюционной России, накануне революции 1917 г. не был однородным в экономическом отношении и что наряду с капиталистическими отношениями там сохранялись докапиталистические отношения. Ссылки на ранние работы Ленина не меняли сути: промышленный капиталистический Урал, традиционно оценивавшийся как форпост будущей пролетарской революции, в интерпретации В.В. Адамова и его учеников оказывался оплотом феодальных пережитков, а рабочие Урала – особой группой, во многом сохранявшей докапиталистический уклад.

Эти исследования, на первый взгляд частные, затрагивали несравненно более важную и общую проблему, которая вызывала бесчисленные споры в среде историков: типичен или нетипичен путь России в истории, закономерна ли сама Октябрьская революция, является ли она результатом «пролетарской революции», политическим итогом деятельности рабочих эпохи капитализма, или революция – специфична, и ее появление на исторической арене XX века – результат стечения многих факторов, отнюдь не укладывавшихся в прокрустово ложе «империализма как высшей и последней стадии капитализма» и «Октябрьской революции как первой пролетарской революции эпохи империализма».

Спор об уровне капиталистических отношений в России XVII – начала XX в., о многоукладности ее экономики, предпосылках и движущих силах Октябрьской революции стал, пожалуй, самым заметным и политически заостренным среди многих дискуссий, которые велись в советской историографии с конца 50-х гг. и получили название «Новое направление»¹. «Новое направление» являлось движением

---

¹ См., например: Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. – М., 1970; *Тарновский К.Н.* Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии (дискуссия начала 60-х гг.) / В сб.: Проблемы социально-экономической истории России. – М., 1971; *Волобуев П.В.* Об общиисторическом и национально-особенном в опыте Октябрьской революции / Международная научная конференция «Пятидесятилетие Октяб-

в исторической науке, объединившим историков разных специализаций, часто значительно отличавшихся друг от друга своими взглядами, но с общим стремлением пересмотреть накопившиеся историографические штампы 30–40 гг., сложившиеся в условиях жесточайшего идеологического давления. Лидерами «нового направления» были П.В. Волобуев – директор Института истории Академии наук СССР, К.Н. Тарновский, И.Ф. Гиндин, М.Я. Гефтер.

Однако свердловская конференция проходила в ту пору, когда идеологическая погода уже определенно портилась: в 1969 году рассуждения о «специфическом пути России» не могли не восприниматься вне контекста оценки последствий «пражской весны».

С начала 70-х гг. критику «нового направления» пытались, хотя бы внешне, сдерживать в рамках научных дискуссий. Но собственно научных дискуссии не получалось. Автору этих строк пришлось быть свидетелем того, как в начале 1972 г. на длившемся несколько дней заседании ученого совета Института истории СССР, где сторонники «нового направления» пользовались очевидной поддержкой, обсуждение было пресечено самым бесцеремонным образом: на трибуну поднялся мало кому известный человек средних лет, представился сотрудником Отдела науки ЦК КПСС, и в лучших большевистских традициях, коротко и ясно, объявил, что и «новое направление», и его сторонники, включая директора института, члена-корреспондента АН СССР Волобуева, не правы, и приказал прекратить обсуждение.

Идеологическое вольничанье не прошло даром. Преподавателей университета и других высших учебных заведений Свердловска собрали в роскошном зале Дома политического просвещения Свердловского обкома КПСС¹. Там перед нами выступил заведующий отделом науки обкома и зачитал стенограмму совещания в ЦК КПСС историков, философов, экономистов и специалистов по научному коммунизму, организованного Отделом науки ЦК КПСС.

Тон обсуждению в ЦК задал старый партийный идеолог П.Н. Поспелов, кстати, тоже академик, незадолго до описываемых событий награжденный Академией наук СССР золотой медалью Карла Маркса за вклад в изучение общественных наук. Из стенограммы следовало, что академик Поспелов вначале отметил важный вклад в теорию социализма генерального секретаря Л.И. Брежнева, затем указал, что буржуазная историография пытается доказывать, что Россия перед Вели-

---

ря и международный рабочий класс». Доклады и сообщения. – М., 1967; Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. – Свердловск, 1972.

¹ Запись совещания в Доме политического просвещения Свердловского обкома КПСС сделана мною / Р.Г. Пихоя. Личный архив.

кой Октябрьской революцией была отсталой страной, а отдельные историки – говорить о союзе рабочего класса и крестьянства в революции: это вопиющее, удивительное отсутствие идеологической дисциплины. Тезис о союзе рабочих и всего крестьянства в Октябрьской революции был одним из основных в исследованиях П.В. Волобуева, автора обстоятельных монографий по истории революции. На совещании в ЦК директора института истории СССР критиковали много и зло, не останавливаясь перед умозаключениями: не слишком ли часто новации историков похожи на буржуазное воздействие? Нашлось немало желающих заявить (вроде профессора Косульникова), что Волобуев объективно помогает буржуазной идеологии.

Досталось полной мерой и свердловской конференции, ее организаторам и сборнику научных статей, выпедшему на основе работы этой конференции, так как «сборник Уральского университета содержал все идеи “нового направления”». Попытки П.В. Волобуева защитить сборник, объяснить, что это была попытка разобраться в сложной проблеме многоукладности, похоже, только разъярила его оппонентов.

Закончив читать стенограмму совещания в ЦК, заведующий отделом науки Свердловского обкома, спросил: «Как такое могло случиться в Свердловске?». После дежурных обвинений в адрес парткома университета, райкома и горкома партии, он потребовал «предотвратить в нашем рабочем крае возможности идеологических рецидивов».

Придя на кафедру, я увидел, как уничтожается тираж еще нераспроданного сборника. С поста заведующего был снят В.В. Адамов, прекратилось обучение студентов по специализации «Социально-экономическая история России XIX – начала XX в.». Судьбы людей, десятилетиями работавших над этими проблемами, оказались сломанными.

Разгром «нового направления» произошел и в Москве, сменилось руководство Института истории СССР, перестали издаваться труды ученых, связанных с «новым направлением». Результатом гонений стало очевидное историографическое отставание российской науки в изучении проблематики конца XIX – начала XX в.

Волны каждого политически окрашенного дела – историков, экономистов, философов или социологов – расходились по всей стране. В научно-исследовательских учреждениях, университетах, на кафедрах общественных наук институтов силами партийных комитетов на местном материале организовывались аналогичные процессы, мелкие, часто незаметные, но от этого не менее страшные для тех, кто попадал под идеологический пресс¹. Слова «идеологическая дисциплина»

¹ Примером такой обкомовской «разборки» стало дело заведующего кафедрой Ставропольского сельскохозяйственного института Ф.Б. Садькова. См.: *Горбачев М.С. Жизнь и реформы.* – М., 1985. Кн. 1. С. 119–120.

стали ключевыми для определения состояния общественных наук. ЦК КПСС дал понять: разномыслие не допускается, роль общественных наук возвращается к комментированию «исторических решений партии и правительства».

Ситуация вокруг журнала «Новый мир» и его главного редактора А.Т. Твардовского. Если споры вокруг экономистов, историков, социологов и философов носили по преимуществу «цеховой» характер и были сравнительно неизвестными широким слоям населения, то ситуация вокруг журнала «Новый мир» затрагивала практически каждую интеллигентную советскую семью. Журнал имел устойчивую репутацию лидера «левой» интеллигенции, в том смысле как это понимали в 60–80-е гг. Его отличала не только хорошая литература, но и острая критика, отстаивавшая либеральные ценности. Журнал вошел в историю общественной мысли страны публикацией повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», ставшей по своему значению своего рода «секретным докладом на XX съезде» отечественной литературы; мемуаров И. Эренбурга, содержащих новое понимание истории страны.

Идеологические репрессии против журнала и его авторов стали неизбежными. Резкой критике были подвергнуты Л. Чуковская, Л. Копелев, Б. Окуджава и многие другие писатели и критики.

Поводом для разгрома редакции «Нового мира» послужила публикация за рубежом поэмы А.Т. Твардовского «По праву памяти». 3 февраля 1970 г. на заседании Секретариата Союза писателей было принято решение вывести из состава редколлегии журнала сторонников Твардовского: Лакшина, Кондратовича, Виноградова, на место первого заместителя редактора назначался человек, неизвестный главному редактору.

Твардовский пытался бороться. 7 февраля 1970 г. он обратился с письмом к Брежневу. В письме он пытался объяснить, что летом 1969 г. его поэма была подготовлена к изданию, но ее публикацию неожиданно остановил Главлит (цензура). Просьбы Твардовского, адресованные первому секретарю Союза писателей К.А. Федину, обсудить поэму в Союзе писателей и снять цензурные ограничения успеха не имели. Время шло и, по словам Твардовского, поэму без его согласия напечатали на Западе. Функционеры из Союза писателей потребовали, чтобы автор осудил эту публикацию. «Я был готов это сделать со всей решимостью, во всю меру моего негодования и протеста против опубликования в зарубежной печати выкраденного и изуродованного моего произведения, — писал Твардовский Брежневу, — но считал

и считаю, что наиболее действенной формой отповеди было бы опубликование (после соответствующего обсуждения) самой моей поэмы в подлинном ее виде, что свело бы на нет эффект провокационных попыток опорочить это мое произведение».

9 февраля 1970 г. к Брежневу обратились с письмом А. Бек, В. Каверин, Б. Можаяев, А. Рыбаков, Ю. Трифонов, А. Вознесенский, Е. Евтушенко, М. Алигер, Е. Воробьев, В. Тендряков, Ю. Нагибин, М. Исаковский.

Они писали:

«Дорогой и глубокоуважаемый Леонид Ильич!

Встревоженные положением, создавшимся в нашей литературе, мы считаем своим долгом обратиться к Вам. Против А.Т. Твардовского и руководимого им журнала "Новый мир" в последнее время ведется кампания, преследующая цель отстранить Твардовского от руководства журналом. Уже приняты решения об изменении редколлегии "Нового мира", по существу направленные к уходу Твардовского из журнала.

А.Т. Твардовского можно смело назвать национальным поэтом России и народным поэтом Советского Союза. Значение его творчества для нашей литературы неопределимо. У нас нет поэта, равного ему по таланту и значению. Руководимый им журнал является эталоном высокой художественности, чрезвычайно важной для коммунистического воспитания народа. Журнал проводит линию XX-XXIII съездов партии и с научной глубиной анализирует сложные проблемы современного общественного развития. Журнал собрал на своих страницах множество талантливейших современных советских писателей.

Не считаться с этим фактом было бы ошибкой с далеко идущими отрицательными последствиями. Мы совершенно убеждены, что для блага всей советской культуры необходимо, чтобы "Новый мир" продолжал свою работу под руководством А.Т. Твардовского и в том составе редколлегии, который он считает полезным для журнала».

Однако обращения и самого Твардовского, и его коллег не были услышаны. 11 февраля 1970 г. Твардовский был вынужден написать заявление об уходе по собственному желанию. История «Нового мира» 50-60-х гг. закончилась.

Потеря журнала стала для Твардовского трагедией.

КГБ продолжал слежку и прослушивание телефонных разговоров Твардовского. Он мучился из-за издевательств литературно-чиновничьей среды. КГБ, явно опираясь на сведения «литературоведов в штатском», передавал в ЦК высказывания поэта:

«Я прекрасно знаю, что на мой счет идут насмешливые пересуды: Твардовский-де сообразил, что ныне Сталин не в моде, а в свое время чуть не пятьсот строк ему персонально посвятил... Не надо стыдиться, что мы написали во время финской войны поздравления Сталину в стихах. Мы верили, что делаем высокое дело. Стыдно должно быть тем, кто сегодня пытается обелить Сталина, ибо в душе они знают, что творят. Да, ведают, что творят, но оправдывают себя высокими политическими соображениями: этого требует политическая обстановка, государственные соображения!.. Вот увидите, в конце года в “Литературной газете” появится обзор о “Новом мире”: какой содержательный и интересный теперь журнал!..»

А.Т. Твардовский.

Твардовский ошибся. Ожидаемый им обзор не появился. Как явление литературной и общественной жизни «Новый мир» на много лет перестал существовать. Но погиб и его главный редактор.

«Есть много способов убить поэта. Твардовского убили тем, что отняли “Новый мир”», – писал А. Солженицын.

А. Солженицын и власть. Жесткое противостояние писателя и власти, в котором писатель отказался играть по правилам различных идеологических отделов, в том числе и главных – ЦК КПСС и КГБ, нарастало. Серии демаршей Солженицына: его требования отмены цензуры, извинений за оскорбления, нанесенные ему партийными пропагандистами; его обращения к общественности Запада вначале вызывали замешательство «наверху». Но после событий в Чехословакии оглядываться на советское и западное общественное мнение власти не захотели. 22 января 1969 г. зав. отделом культуры ЦК КПСС В. Шауро информировал Политбюро, что «назрело время рассмотреть вопрос о пребывании А. Солженицына в рядах Союза (писателей. – *Авт.*)... Исключение его из Союза писателей следовало бы провести в Рязанском отделении Союза писателей РСФСР, где этот литератор состоит на учете с последующим утверждением принятого решения секретариатом Союза писателей РСФСР»¹.

¹ Кремлевский самосуд. С. 79.

4 ноября 1969 г. рязанская областная писательская организация исключила А. Солженицына из Союза писателей «за антиобщественное поведение, противоречащее целям и задачам Союза писателей СССР»¹.

Власть, однако, ждало неприятное испытание: в западной прессе было опубликовано «Открытое письмо» А. Солженицына секретариату Союза писателей РСФСР, что спровоцировало мощную кампанию протеста; в СССР некоторые писатели также были не согласны с действиями своего руководства. Против исключения Солженицына, с требованием рассмотреть этот вопрос на пленуме Союза писателей выступили С. Антонов, Г. Бакланов, Б. Окуджава, В. Тендряков, Б. Можяев, А. Арбузов, Е. Евтушенко, А. Штейн, Л. Копелев, Л. Чуковская².

А. Солженицын был выдвинут кандидатом на получение Нобелевской премии в области литературы, и 8 октября 1970 г. стал нобелевским лауреатом. Этот акт зафиксировал очевидное, хотя и старательно замалчиваемое советской пропагандой обстоятельство: можно было исключить Солженицына из Союза писателей, но исключить его из литературы, российской и мировой, — невозможно. Солженицын предъявил власти, на этот раз ее «серому кардиналу» М.А. Суслову, новое требование — издать свои романы: «Раковый корпус» и только что оконченный «Август четырнадцатого»³.

«Проблема Солженицына» требовала от властей решения. 29 октября 1970 г. председатель КГБ Ю. Андропов предложил следующий вариант: «в случае официального обращения Солженицына с ходатайством о выезде в Швецию для получения Нобелевской премии, можно было бы пойти на удовлетворение этой просьбы. Что касается вопроса об обратном въезде в Советский Союз, то его следовало бы решать в зависимости от поведения Солженицына за границей. Если Солженицын решит остаться за рубежом, то, по нашему мнению, предпринимать какие-либо меры к его возвращению в Советский Союз вряд ли целесообразно»⁴. Власть надеялась, что писатель поедет в Швецию, там сделает несколько заявлений, которые можно будет квалифицировать как антисоветские, и на этом основании запретить ему въезд в Россию. А еще лучше, если он сам, добровольно, останется в Швеции, и тогда власть может обвинить его в измене Родине, в отсутствии патриотизма...

---

¹ Солженицын А. Бодался теленок с дубом. — Париж, 1975. С. 538.

² Кремлевский самосуд. С. 81–83, 86.

³ Там же. С. 92–93.

⁴ Там же. С. 103–104.

Но Солженицын расставленную ловушку видел и от поездки в Швецию отказался.

Спустя месяц, 20 ноября 1970 г., Андропов вместе с генеральным прокурором СССР Руденко внесли предложение «издать Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении Солженицына гражданства СССР и принудительном выдворении его за пределы Союза ССР»¹.

В этой ситуации неожиданную позицию занял министр внутренних дел Н.А. Щелоков. Он обратился напрямую к Брежневу и получил в его лице заинтересованного читателя, испещрившего текст послания многочисленными подчеркиваниями. Щелоков констатировал, что Солженицын стал крупной фигурой в идеологической борьбе, что «объективно Солженицын талантлив. Это – явление в литературе». «При решении вопроса о Солженицыне, – писал Щелоков, – необходимо проанализировать те ошибки в отношении творческих работников, которые были допущены в прошлом». Щелоков напоминал, что сравнительно недавно, при Хрущеве, за одну-единственную книгу, повесть «Один день Ивана Денисовича», Солженицын был принят в Союз писателей, стал всенародно известным, а за другую книгу, написанную с тех же позиций, роман «Раковый корпус» его изгнали из Союза писателей. ««Проблему Солженицына» создали неумные администраторы в литературе», – утверждал министр МВД. Он припоминал многие ошибки прошлого: от Бунина, Андреева, Куприна до Пастернака. В своем вольномыслии генерал Щелоков доходил до утверждения, в других устах звучавшего бы как антисоветское высказывание: «История показывает, что наше отношение к этим писателям было неправильным». Более того: «В истории с Солженицыным мы повторяем те же самые грубейшие ошибки, которые мы допустили с Борисом Пастернаком». Мнение Щелокова: «надо не публично казнить врагов, а душить их в своих объятиях. Это элементарная истина, которую бы следовало знать тем товарищам, которые руководят литературой» (здесь и далее подчеркнуто Брежневым. – *Авт.*).

Рекомендации Щелокова шли вразрез с мнением КГБ: разрешив выезд Солженицына за рубеж, ни в коем случае не лишая его гражданства; срочно дать Солженицыну квартиру в Москве. «Короче говоря, – писал Щелоков, – за Солженицына надо бороться, а не выбрасывать его. Борются за Солженицына, а не против Солженицына»².

Секретариат ЦК КПСС весьма сдержанно отнесся и к записке Щелокова, и к мнению генсека. Сулов, проводивший заседание 7 октяб-

¹ Там же. С. 132–134.

² Там же. С. 169–172.

М.С. Соломенцев

ря 1971 г., свел записку Щелокова к единственному вопросу: дать ли Солженицыну право прописки в Москве, секретари считали, что лучше бы выселить его в Рязань или, на худой конец, разрешить построить дом под Малоярославцем, но лучше все-таки посоветоваться с КГБ.

В политике кнута и пряника предпочтение отдавалось кнуту.

КГБ инспирировал оскорбительные публикации против писателя по всему миру, следил за каждым его шагом, за его знакомыми и близкими. С весны 1972 г. КГБ вместе с Генеральной прокуратурой СССР вновь начал настаивать на лишении Солженицына советского гражданства и высылке писателя за границу.

30 марта 1972 г. этот вопрос специ-

ально и очень подробно обсуждался на заседании Политбюро. При обсуждении был поднят и ряд других вопросов, важных для понимания советской политики тех лет. Так, Соломенцев, обвиняя Солженицына в национализме, заявлял, что «национализм сам по себе опасен, а тем более он опасен, когда переплетается с антисоветизмом и антикоммунизмом». Ответственность за многие проблемы, связанные с диссидентами, должен был нести, по его мнению, Хрущев, «это он, Хрущев, открыл и Якира... открыл и поднял Солженицына...». Су-слов добавил, что ответственность за это вместе с Хрущевым должен разделить и Микоян. В выступлениях Подгорного, Соломенцева, Гришина, Кунаева в разной степени затрагивалась тема национализма, национальной политики. Рецепты предлагались старые: улучшить пропаганду, не поощрять «всякого рода историческую старину», бороться с буржуазной идеологией. Спор о Солженицыне при однозначной враждебности к писателю на заседании свелся к вопросу, что целесообразнее и безопаснее – изолировать Солженицына в стране или выслать?¹ Подготовка предложений была поручена Подгорному и Андропову.

5 сентября 1973 г. Солженицын направил на имя Брежнева политический трактат: «Письмо вождям Советского Союза». Этот доку-

¹ Кремлевский самосуд. С. 203–217.

мент заслуживает специального анализа. Отметим: он стал одним из первых политических исследований о судьбе России в СССР, о соотношении национальных и государственных интересов страны и их нарастающем конфликте с дряхлевшей и сковывавшей идеологической оболочкой, о реальных перспективах развития и России, и мировой цивилизации. Солженицыну всегда было свойственно стремление исследовать особый путь России в мировом историческом процессе¹.

Писатель вовсе не страдал наивностью, адресуя свой трактат «вождям Советского Союза». Он понимал, что их «заветное желание, чтобы наш государственный строй и идеологическая система не менялись и стояли вот так веками. Но так в истории не бывает». На наш взгляд, многие положения этого трактата сохраняют свою актуальность и сегодня.

После издания за рубежом «Архипелага ГУЛАГ», ставшего документированным, страшным по своей убедительности обвинением коммунистического режима в преступлениях против собственного народа на протяжении всей советской истории, поднялась новая волна преследований Солженицына, вопрос о нем вновь замелькал в протоколах заседаний Политбюро ЦК КПСС. Так, 7 января 1974 г. было принято решение о привлечении писателя к уголовной ответственности «за злостную антисоветскую деятельность, выразившуюся в передаче в зарубежные издательства и информационные агентства рукописей книг, писем, интервью, содержащих клевету на советский строй, Советский Союз, Коммунистическую партию Советского Союза, на внешнюю и внутреннюю политику, оскверняющих светлую память В.И. Ленина и других деятелей КПСС и Советского государства, жертв Великой Отечественной войны и немецко-фашистской оккупации...»².

КГБ вновь и вновь предлагал выслать Солженицына, лишив его гражданства. 11 февраля 1974 г. это предложение было одобрено Политбюро. 12 февраля вышел «не подлежащий опубликованию» Указ Президиума Верховного Совета СССР «О лишении гражданства СССР и выдворении за пределы СССР Солженицына А.И.».

КГБ по-своему постарался отомстить писателю: перед высылкой он был арестован и помещен в Лефортовскую тюрьму. Сначала Солженицыну было предъявлено официальное обвинение в государственной измене и только потом объявлен Указ Верховного Совета о высылке за границу³.

---

¹ Там же. С. 256–188.

² Там же. С. 352.

³ *Солженицын А.* Бодался теленок с дубом. С. 436–470.

Неосталинизм. Несомненным лидером группы литераторов, противостоявших «Новому миру», был журнал «Октябрь» и его главный редактор В.С. Кочетов. В 1969 г. им был опубликован роман «Чего же ты хочешь?», ставший, по существу, не явлением литературы, а политическим скандалом. Роман был полон желчи по отношению к либеральной интеллигенции, неприятием разоблачений прошлого, сделанных на XX съезде КПСС, глубоким убеждением во вредности западного влияния на страну, оцениваемого в границах между фашистским вторжением в СССР и действиями американских разведчиков, диверсантов, шпионов и растлителей традиционной морали. Политическая нетерпимость явно вредила литературному мастерству, и роман немедленно стал объектом пародирования и насмешек.

В апреле 1970 г. КГБ докладывал в ЦК, что в Москве распространяются машинописные тексты пародий на роман Кочетова. Автором одной из них, по мнению «литературоведов в штатском», был сатирик З.С. Паперный. Автор пародии использовал сюжетные ходы романа: там были и русская жена итальянца, в Москве – коммуниста, а в Италии – успешного предпринимателя, расставшегося со своим коммунистическим прошлым, и американская певица, приехавшая в Москву по заданию спецслужб для растления советских людей, и рабочая династия Самариных. Последуем за текстом пародии: «... У рабочего человека Феликса Самарина не было конфликта отцов и детей с отцом.

– Давай, отец, потолкуем, – сказал сын.

– Изволь, – согласился отец, – но только о заветном. Размениваться на пустячки не намерен. Что тебя заботит, сынок?

– Две заботы сердце гложут, – чистосердечно признался Феликс, – германский реваншизм и американский империализм. Тут, отец, что-то делать надо. И еще одна заковыка. Давно хотел спросить. Скажи, пожалуйста, был тридцать седьмой год или же после тридцать шестого сразу начался тридцать восьмой?

– Тридцать седьмой! Это надо же! – уклончиво воскликнул отец. Его взгляд стал холодней, а глаза потептели.

– Уравнение с тремя неизвестными, – сказал он молча, – икс, игрек, зет...

– Прости, отец, опять к тебе, – сказал Феликс, входя. – Так как же все-таки: был тридцать седьмой год или нет? Не знаю, кому и верить.

– Не был, – ответил отец отечески ласково, – не был, сынок, но будет».

Был ли тридцать седьмой год – год-символ советской истории? Все чаще официальная пропаганда «руководствовалась» рецептом са-

тирика: «после тридцать шестого – сразу тридцать восьмой». Анти-сталинские рассуждения историка А.М. Некрича, возложившего на будущего генералиссимуса ответственность за ошибки во внешней политике, облегчившие фашистской Германии подготовку к нападению на СССР, осудившего личные просчеты Сталина, в значительной степени предопределившие трагическое начало войны, сделали ученого объектом политического преследования, закончившегося его вынужденной эмиграцией.

Отношение к Сталину, к политическим репрессиям прошлого получило политически актуальный смысл. Критика прошлого все в большей степени становилась частью политического сознания интеллигенции, и это прошлое воспринималось в непосредственной связи с современной жизнью.

Спор о Сталине на Политбюро. 17 декабря 1969 г., в перерыве между заседаниями сессии Верховного Совета СССР, среди членов Политбюро неожиданно возник разговор о приближавшемся 90-летию со дня рождения И.В. Сталина.

Поводом послужил вопрос: публиковать ли в «Правде» статью о Сталине? Вскоре разговор перерос в спор, причем спор принципиальный. Поэтому он был запротоколирован и оформлен в виде «рабочей записи» Политбюро.

Брежнев задал вопрос: надо ли вообще публиковать статью?

Главный идеолог страны М.А. Суслов настаивал на публикации. «Я считаю, – говорил Суслов, – что такую статью ждут в стране вообще, не говоря о том, что в Грузии особенно ждут. ...Я думаю, что нас правильно поймут все, в том числе и интеллигенция, о которой здесь некоторые товарищи упоминали. Неправильно могут понять Солженицын и ему подобные, а здоровая часть интеллигенции (а ее большинство) поймет правильно».

Н.В. Подгорный выступил против. Он напомнил членам Политбюро, что каждый из них, в том числе и Суслов, когда-то выступали против культа личности. «Я не думаю, что надо как-то отмечать 90-летие со дня рождения Сталина. Если выступать со статьей в газете, то надо писать, кто погиб и сколько погибло от его рук. На мой взгляд, этого делать не нужно, а не делать – это будет неправильно. ...Никто нас не тянет, чтобы мы выступали со статьей, никто не просит. Нас значительная часть интеллигенции не поймет. И, мне кажется, кроме вреда, ничего эта статья не принесет».

Против статьи был А.Я. Пельше. «Нанес он вреда очень много, и боль эта чувствуется до сих пор. Это поколение ведь еще живо у нас.

90 лет – это ничего особенного, ничего нового не произошло. Может быть, и не надо широкой статьи. Может быть, какую-то заметку дать». О возможном вреде статьи о Сталине в «Правде» заявил Б.Н. Пономарев.

Однако на Подгорного напал его преемник на посту первого секретаря ЦК компартии Украины П.Е. Шелест. «Я, может быть, выскажу свою точку зрения, несколько противоположную Николаю Викторовичу, причем, выскажу ее однозначно. Мне кажется, статья нужна... Мне кажется, статью небольшую, правильную, с положительным и отрицательным нужно дать. И большинство наших людей, в том числе и интеллигенция, поймут нас правильно; тем более надо учитывать, что за последние годы в мемуарах наших маршалов, генералов много написано о Сталине...».

Подгорный: «Тогда надо писать, если говоришь об истории, сколько им уничтожено было людей».

Шелест: «Дело не в том, чтобы называть цифры, но надо сказать, что у него были ошибки в том духе, как сказано в решениях ЦК. А война? Строительство социализма под руководством Сталина? Это же всему миру известно. Я думаю, что надо дать статью. Другое дело, что, может быть, над этим текстом надо еще поработать».

Шелеста поддержал К.Т. Мазуров. «Мне кажется, что опубликованные статьи больше пользы принесет, чем умалчивание этого факта. Статья должна быть небольшой, но правильной. ...Как же бороться за чистоту марксизма-ленинизма, если нам не писать о том, что было в истории?»

Мне кажется, более того, надо подумать о том, чтобы поставить бюст на могиле Сталина. (Могилы Сталина у Кремлевской стены в ряду захоронений покойных партийных вождей долгое время оставались единственной без традиционного памятника-бюста.) Я вам скажу, как реагировал т. Гусак (Густав Гусак – первый секретарь ЦК компартии Чехословакии, сменивший с помощью Советского Союза коммуниста-реформатора А. Дубчека. – *Авт.*) на этот факт, когда мы подошли с ним во время посещения Мавзолея к могиле Сталина. Он спросил, а почему нет бюста? Я ему сказал, что вначале мы не поставили, а потом как-то к этому вопросу не возвращались. Он говорит: по-моему, это неправильно. Надо было поставить бюст. Вот вам точка зрения т. Гусака, который был в свое время, безусловно, обижен Сталиным. Да, по-моему, и любой здравый человек рассудил бы так».

Более осторожную позицию занял А.П. Кириленко. Он высказался за публикацию статьи, но отметил, что «настроения есть разные, и трудно сейчас сказать ...сколько “за” и сколько “против”». Он же преду-

предил, что «нет такой партии в Европе, которая будет аплодировать подобного рода статье. Надо будет нам подумать».

Однако большинство членов Политбюро было за публикацию: В.В. Гришин, А.Н. Шелепин, Д.Ф. Устинов, А.Н. Косыгин, Г.И. Воронов, М.С. Соломенцев, И.В. Капитонов, Д.А. Кунаев, Ш.Р. Рашидов, В.В. Щербицкий.

Шелепин напомнил: «Как, например, было встречено упоминание о Сталине т. Брежневым в докладе в связи с 20-летием победы над гитлеровской Германией? Поэтому, я думаю, в народе это будет встречено хорошо».

«Безусловно, такую статью нужно дать, – заявил Ю.В. Андропов. – Если мы опубликуем ее, мы не причиним никакого вреда. Конечно, не будет ничего, если мы и не опубликуем. Но вопрос этот, товарищи, внутренний, наш, и мы должны решать, не оглядываясь на границу. ...А насчет границы я вам скажу. Кадар, например, в беседе со мной говорил: почему вы не переименуете Волгоград в Сталинград? Все-таки это историческое название. Вот вам и Кадар. Я считаю, что такую статью дать надо».

Ему вторил белорусский лидер П.М. Машеров: «Я совершенно однозначно и без колебаний считаю, что статью, безусловно, нужно дать в том духе, как здесь говорили товарищи. Народ примет хорошо. Отсутствие статьи вызовет много всяких недоуменных вопросов».

Брежнев, подводя итоги, отметил: «Я чувствую, что в основе своей все товарищи едины. ...То, что касается публикации статьи, то я скажу вам откровенно, что я вначале занимал отрицательную позицию. Я считал, что не следует нам публиковать статью. Причем, исходил при этом из того, что у нас сейчас все спокойно, все успокоились ... Стоит ли нам вновь этот вопрос поднимать? Но вот, побеседовав со многими секретарями обкомов партии, продумав дополнительно и послушав ваши выступления, я думаю, что все-таки действительно больше пользы в том будет, если мы опубликуем статью. ...И, конечно, речь не идет о том, чтобы перечислять какие-то цифры погибших людей и т. д. Не в этом дело. А в спокойном тоне дать статью, на уровне понимания этого вопроса ЦК КПСС и в духе принятых решений съездом и соответствующего решения ЦК».

Статью опубликовали. В 1970 году на могиле Сталина появился его бюст, изваянный скульптором Н.В. Томским.

Правозащитное движение и КГБ. Политический барометр явно склонился в сторону «очищения» Сталина. Поэтому критика прошлого рассматривалась КГБ как недовольство существующим строем с неизбежно вытекавшими из этого последствиями.

В поле зрения КГБ попал целый ряд организаций, в основном молодежных и студенческих.

Среди них были и относительно невинные: так, в г. Туапсе существовал нелегальный «Клуб борьбы за демократию», в который входили учащиеся 8–9 классов средней школы № 3. Ребята интересовались историей, под впечатлением «тенденциозных» высказываний родителей оценивали последствия культа личности Сталина, слушали передачи «Би-би-си» и «Радио “Свободы”», приняли программу и устав Клуба, написали до сорока листовок.

Более серьезной оказалась студенческая организация в Саратове. По данным КГБ, она существовала с начала 1987-го до августа 1989 г. В нее входили студенты очных и заочных отделений высших учебных заведений, главным образом саратовских. Члены организации, несогласные с политикой КПСС и советского правительства по вопросам государственного управления, экономического развития, социалистической демократии, поставили перед собой задачу борьбы с существующим строем. Они считали необходимым организовывать нелегальные кружки и группы с последующим их объединением в партию «нового, истинно марксистского типа», готовить пропагандистов для работы в массах, путем враждебной пропаганды создавать условия для совершения «новой революции» и свержения советской власти.

Группа имела устав, определявший ее структуру, порядок приема и обязанности членов, денежные средства, складывающиеся из уплаты ежемесячных членских взносов, изготавливала и различными способами размножала «антисоветские и политически вредные» документы.

В группу входили: Сенин Олег Михайлович, 1947 года рождения, член ВЛКСМ, студент-заочник 4 курса Саратовского юридического института, до ареста работал следователем-стажером в районной прокуратуре города Рязани; Кириков Валентин Иванович, 1942 года рождения, член КПСС, офицер запаса Советской Армии, студент 4 курса Саратовского юридического института; Бобров Виктор Александрович, 1946 года рождения, член ВЛКСМ, студент Саратовского юридического института; Романов Александр Иванович, 1948 года рождения, член ВЛКСМ, студент 4 курса исторического факультета Саратовского университета; Куликов Дмитрий Георгиевич, 1942 года рождения, член ВЛКСМ, в 1966 году окончил физический факультет Саратовского университета, до ареста работал тренером в детской спортивной школе «Сокол»; Фокеев Михаил Георгиевич, 1947 года рождения, член ВЛКСМ, студент вечернего отделения 4 курса биологического

факультета Саратовского университета, до ареста работал сторожем швейного комбината.

Члены организации были хорошими студентами, активными участниками общественной жизни, некоторые уже имели семью. Их родители в большинстве своем были учителями, рабочими, офицерами в отставке. Тем более примечательно, что от обычных для университетских общежитий и аудиторий «крамольных» разговоров они перешли к созданию организации, которая воспринималась ими как социалистическая. Но это не был казенный социализм «курса научного коммунизма», обязательного для всех высших учебных заведений СССР. Стремление молодых людей самостоятельно разобраться в истории страны, в противоречиях, возникавших при сопоставлении марксистской литературы и окружающей жизни, красноречивое умолчание преподавателей толкали их в научные библиотеки: попытаться изучить и понять тот строй, в котором жила страна.

Последуем за текстом письма, направленного КГБ СССР в ЦК: «При аресте у членов группы и их связей изъято большое количество антисоветской литературы: 20 экземпляров рукописей на 167 листах; 72 экземпляра машинописного текста на 566 листах; 15 экземпляров фотокопий на 89 листах и 100 фотопленок с отснятым на них текстом антисоветских материалов и документов. Изъяты и средства размножения этих материалов – 4 пишущие машинки, 4 фотоаппарата и фильмоскоп для чтения текстов на фотопленках.

В изъятых материалах («Закат капитала», «Трубы свободы», «Механизм лжи», «К вопросу о сталинизме», «Марксизм и колдуны», «Внешняя политика советского империализма» и др.) отрицается социалистический характер Октябрьской революции и извращаются основные этапы развития советского государства; утверждается о наличии в СССР госкапитализма; излагаются программные установки по созданию в стране нелегальных кружков и групп, проведению враждебной пропаганды, организации забастовок, демонстраций и восстаний. Возводится клевета на общественные отношения, систему образования, деятельность государственных и партийных органов; грубо извращается национальная политика, содержатся призывы к свержению советской власти».

Важную роль в формировании политических убеждений этих молодых людей имели литературные произведения и публицистика. В письме КГБ приводится перечень литературы, использованной в сочинениях участников саратовской организации. Это «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына, «Не хлебом единым» В. Дудинцева, «Воспоминания террориста» Б. Савинкова (издательство «При-

бой», Харьков, 1926 год), «Из жизни Федора Кузькина» Б. Можяева (журнал «Новый мир», №7, 1966 год), «Моя биография» Е. Евтушенко (рукопись), «Ленин о Троцком и троцкизме» и «Новый курс» Л. Троцкого (журнал «Университет» №1, 2, 1925 год), «Племена – партии – бюрократия» М. Френкеля (журнал «Мировая политика и международные отношения», №11, 1968 год), «Либерализм и демократия» Лифшица (журнал «Вопросы философии» №1, 1968 год), «Дубинка для слишком умных» Л. Горбановского (журнал «Наука и жизнь», №1, 1968 год), «Почему я не ношу жилет» Л. Плешакова («Комсомольская правда», от 28 июня 1967 года), «Мертвым не больно» В. Быкова (журнал «Новый мир» №1 за 1966 год), «Януш Корчак и наши дети» А. Шарова (журнал «Новый мир» №10, 1966 год), «Кончина» В. Тендрякова (журнал «Москва» №3, 1968 год), «Германский фашизм» А. Галкина (издательство «Наука», 1967 год). Судя по допросам, особенно популярной среди членов организации была «Автобиография» Е. Евтушенко, которого они характеризовали как «революционного поэта, борца за социальную справедливость». В ходу была и «самиздатская» литература: читали выступления Даниэля и Синявского, письмо Солженицына съезду писателей и т. д.).

Этих молодых людей, способных и добросовестных студентов, ждала успешная работа, карьера. Одного из студентов (Кирикова) приглашали в аспирантуру по истории КПСС, обещая ему с оскорбившим его цинизмом блага «защищенного» историка партии. Другие могли бы стать хорошими юристами, педагогами, учеными... Но высказанные публично догадки, что СССР – страна государственного капитализма, что господствующим классом в ней является класс бюрократии, в руках которого находится вся политическая и экономическая власть, а рабочий класс эксплуатируется классом бюрократии, стоили Сенину 7 лет лишения свободы и 2 года ссылки, Кирикову – 6 лет лагерей и 2 года ссылки, Романову – 6 лет лагерей, Куликову – 5 лет, Боброву – 4 года, Фокееву – 3 года лагерей.

Это было в точном смысле слова преследование за убеждения.

Молодежная группа, именовавшая себя «Партией свободной России», или «Революционной рабочей партией», была раскрыта в Свердловске. Туда входили, главным образом, молодые рабочие и студенты: два брата Пестовы, Шабуров, Узлов, Берсенев, Куликова, Ухабова. Впрочем, обнаружить эту группу было несложно. Она сама себя обнаружила, и сделала это без преувеличения на глазах всего города. 7 ноября члены группы разбрасывали листовки среди участников праздничной демонстрации, в колоннах политехнического и юридического институтов. Листовки, отпечатанные на машинке, назывались

«Нота Советскому правительству от трудящейся молодежи СССР» и «Минус будущее, плюс прошлое – современный социализм».

Вместе с тем в движении протеста наметились определенные изменения.

Позволим себе сформулировать их следующим образом: наивная вера в социализм, характерная для 50-х – начала 70-х гг., надежда на «социализм с человеческим лицом», на изменения в политической системе путем ее «десталинизации» постепенно уходила. Едва ли не центральной темой политического протеста становилась борьба за права человека, за демократию не социалистического, а западного типа. На место веры в социализм приходило требование строгого соблюдения законов, изменение отечественного законодательства путем его приближения к международным юридическим стандартам.

Применение иных методов протеста, апелляция к мировому общественному мнению создали то, что стало называться «диссидентским движением». Формы протеста становились «более профессиональными», связанными с деятельностью международных правозащитных организаций. Так, в 1970 г. В.Н. Чалидзе создал Комитет защиты прав человека, куда вошли академик А.Д. Сахаров и член-корреспондент И.Р. Шафаревич, в 1973 г. возникла русская секция «Международной амнистии» во главе с В.Ф. Турчиным и А.Н. Твердохлебовым.

Важнейшим событием для диссидентского движения стало подписание Советским Союзом Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1 августа 1975 г. Подписав этот документ, политическое руководство СССР было вынуждено признать необходимость соблюдения прав человека, определенных политических свобод, а также и тот факт, что контроль за соблюдением этих прав «интернационализировался», перестал быть вопросом только внутренней политики.

Результатом новой ситуации стало появление в СССР правозащитных организаций, деятельность которых оказывалась под определенным покровительством международного права. С этой ситуацией руководство СССР соглашаться не хотело. В свою очередь, оно расширило применение практики лишения гражданства и высылки за границу диссидентов, особенно тех, которые были известны на Западе и против которых поэтому не решались применять традиционные меры наказания.

Перестраивалась и деятельность КГБ. Комитетом была разработана особая форма досудебного или, точнее, внесудебного преследования, резко расширившая возможности госбезопасности¹.

¹ Письмо КГБ при СМ СССР в ЦК КПСС от 31 октября 1975 г. «О некоторых итогах предупредительно-профилактической деятельности органов КГБ».

Делегация СССР в Хельсинки. 1975 г.

В письме, направленном в октябре 1975 г. в ЦК, сообщались, на первый взгляд, утешительные факты, свидетельствовавшие об уменьшении политических преследований. «Сопоставление двух периодов: 1959–1966 гг. и 1967–1974 гг. показывает, что число привлеченных к уголовной ответственности в последний период сократилось почти в два раза (с 8664 человек до 4879 человек). По некоторым видам особо опасных государственных преступлений это сокращение еще более значительно: за измену Родине – с 1467 человек до 773 человек (в два раза); за антисоветскую агитацию и пропаганду – с 2103 человек до 729 человек».

Однако именно в середине 70-х гг. резко возросла так называемая предупредительно-профилактическая деятельность КГБ. Как писали сами чекисты, «соотношение числа лиц, подвергнутых уголовной репрессии и профилактированных органами КГБ в период 1967–1974 гг., составляет 1:25, а по такому виду особо опасных государственных преступлений, как антисоветская агитация и пропаганда, – 1:96». Так называемое профилактирование становилось способом прямого, санк-

ционированного властью вмешательства в жизнь людей, мысли и действия которых не попадали под осуждение советским законодательством, но считались потенциально опасными для власти. Из рядов профилированных, запуганных людей КГБ вело и вербовку своей агентуры.

В справке КГБ приводится важная статистика. Процитируем ее (см. табл. 1).

Таблица 1

Сведения о числе лиц, привлеченных к уголовной ответственности и подвергшихся профилактике органами КГБ за 1959–1974¹ гг.

Причины ареста и осуждения	1959–1962	1963–1966	1967–1970	1971–1974
Всего привлечено к уголовной ответственности:	5413	3251	2456	2423
в т. ч. за измену Родине	1010	457	423	350
за шпионаж	28	8	10	9
за антисоветскую агитацию и пропаганду	1601	502	381	348
за контрабанду	47	103	183	474
за нарушение правил о валютных операциях	587	474	382	401
за незаконный переход границы СССР	926	613	704	553
за разглашение государственной тайны	22	31	19	18
за другие преступления	1003	1011	328	258
Профилактировано всего:			58298	63108
в том числе				
лиц, имевших подозрительные связи с иностранцами и вынашивавших изменнические намерения			5039	6310
лиц, допускавших политически вредные проявления			35316	34700
Профилактировано с участием общественности (на собраниях, товарищеских судах, в форме бесед с участием представителей общественности			23611	27079
объявлено официальное предупреждение (в 1973–1974 гг.)				981
привлечено к уголовной ответственности из числа ранее профилированных			100	50

¹ Подсчеты источника.

Обратим внимание, что число «профилактированных» многократно (примерно в 20 раз) превосходило количество привлеченных к уголовной ответственности. Таблица убедительнейшим образом свидетельствует, что основной задачей КГБ являлась именно борьба с политическими противниками: на десяток пойманных шпионов приходилось три–четыре сотни обвиненных в антисоветской деятельности и около 60 тысяч «профилактированных».

Борьба за «идеологическую чистоту» занимала едва ли не одно из главных направлений в деятельности КГБ. Руководство КГБ сообщало, что в результате его «активных действий... сорваны попытки организационно сплотить антисоветские элементы, инспирировать серьезные враждебные проявления внутри страны под флагом защиты “прав человека” в СССР, скомпрометированы акции противника, пытавшегося спекулировать во враждебных целях общими принципами Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Хельсинки.

Среди иностранцев, приезжавших в нашу страну по линии культурного, научного обмена и в качестве туристов, выявлено значительное количество эмиссаров зарубежных сионистских и других антисоветских организаций. За попытки проведения идеологической диверсии выдворено из СССР 114 иностранцев; 679 установленным эмиссарам, функционерам зарубежных антисоветских центров и другим иностранцам закрыт въезд в СССР.

Конфисковано свыше 290 тысяч идеологически вредных материалов, засылавшихся в страну зарубежными подрывными центрами... В 1975 году профилактировано около 20 тысяч человек, совершивших политически вредные поступки, не содержащие преступного умысла. Свыше 25 активных участников сионистских проявлений и других инспирированных антисоветских акций выдворены из страны по каналу эмиграции... В значительной степени снижена враждебная деятельность еврейских националистов. Предотвращены антиобщественные провокационные акции с их стороны, сорваны замыслы распространить свое влияние путем инспирации националистических настроений под лозунгом создания в СССР так называемой “еврейской культурной автономии”, снижены эмиграционные настроения, внесен раскол в ряды активных националистов. Локализован ряд групповых антиобщественных проявлений со стороны некоторых граждан немецкой национальности и крымско-татарских “автономистов”. Локализована враждебная деятельность ряда главарей так называемого Совета церквей, реакционно настроенных ксендзов, епископов и других подобных лиц. Сорваны планы противника по созданию новых легальных и не-

легальных церковно-сектантских формирований... В результате принятых мер предотвращено группирование на нелегальной ревизионистской основе отдельных научных работников институтов истории, философии, социологии и экономики АН СССР, а также некоторых литераторов, художников, музыкантов, кинематографистов, выступавших против партийности и идейности в литературе и искусстве.

Сорваны намерения Сахарова и его единомышленников взять на себя роль связующего звена различных групп враждебных элементов внутри страны, а также между ними и подрывными центрами за рубежом».

Эта обширная цитата из отчета КГБ за 1975 г. типична и для других отчетов КГБ, составленных в 70-х – начале 80-х гг. и отражающих деятельность этой организации¹.

Отмечу еще одно обстоятельство: в середине 70-х гг. сохранялись некоторые ограничения в правоспособности деревенских жителей. Часть жителей деревни была по-прежнему лишена паспортов. В Постановлении Совета Министров СССР «Об утверждении Положения о паспортной системе в СССР» от 28 августа 1974 г. предписывалось: «Гражданам, проживающим в сельской местности, которым ранее паспорта не выдавались, при выезде в другую местность на продолжительный срок выдаются паспорта, а при выезде на срок до полутора месяцев, а также в санатории, дома отдыха, на совещания, в командировки или при временном привлечении их на посевные, уборочные и другие работы выдаются исполнительными комитетами сельских поселковых Советов депутатов трудящихся справки, удостоверяющие их личность и цель выезда. Форма справки устанавливается Министерством внутренних дел СССР».

Конституция 1977 г. Вторая половина 70-х гг. стала временем принятия новой Конституции СССР. Новая Конституция должна была сменить старую, сталинскую, принятую еще в 1936 году, и в известной степени прийти на смену окончательно проваленной Программе КПСС, принятой в 1961 г. на XXII съезде КПСС и обещавшей построить коммунизм через 20 лет, то есть к началу 80-х гг.

Новая Конституция сохранила положение о том, что «начался всемирно-исторический поворот человечества от капитализма к социализму. ... Советская власть осуществила глубочайшие социально-экономические преобразования, навсегда покончила с эксплуатацией

---

¹ Подробно о диссидентском движении в СССР в этот период см.: Власть и оппозиция. – М., 1995. С. 235–272.

человека человеком, с классовыми антагонизмами и национальной враждой...»

Определяя социальную природу государства, Конституция утверждала: «В СССР построено развитое социалистическое общество. На этом этапе, когда социализм развивается на своей собственной основе, все полнее раскрываются созидательные силы нового строя, преимущества социалистического образа жизни...»

«Развитым социализмом», согласно новой Конституции, являлось «общество зрелых социалистических общественных отношений, в котором на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей – советский народ». Целью Советского государства провозглашалось «построение бесклассового коммунистического общества, в котором получит развитие общественное коммунистическое самоуправление».

Политическая система СССР была определена как «социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны». Прежнее утверждение об СССР как государстве рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции, содержащееся в Конституции 1936 г., оказалось откорректированным.

Конституция устанавливала, что «основу экономической системы СССР составляет социалистическая собственность на средства производства в форме государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности», то есть, по сути, в стране сохранялась государственная собственность. «В исключительной собственности государства, – было зафиксировано в Конституции, – ...находятся: земля, ее недра, воды, леса. Государству принадлежат основные средства производства в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, средства транспорта и связи, банки, имущество организованных государством торговых, коммунальных и иных предприятий...». Там же специально оговаривалось, что «никто не вправе использовать социалистическую собственность в целях личной наживы и в других корыстных целях».

Впервые в текст Конституции была включена специальная статья, провозглашавшая КПСС «ядром политической системы».

Законодательная власть. Конституция 1977 г. не изменила политическую организацию общества. Как и раньше, Верховный Совет СССР объявлялся высшим органом государственной власти Советского Союза. Теоретически Верховный Совет олицетворял представительную власть и был законодательным органом.

Конституция 1977 года. Единогласно.

Верховный Совет СССР избирался сроком на 4 года на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права. Депутатом мог быть избран гражданин СССР не моложе 23 лет. Депутаты собирались дважды в год на сессии Верховного Совета. Остальное время они находились на своей прежней работе.

Верховный Совет СССР был наделен правом высшего контроля за деятельностью государственного аппарата. На Верховный Совет СССР Конституция возлагала избрание Президиума Верховного Совета СССР, образование Правительства СССР, избрание Верховного Суда СССР, назначение Генерального прокурора СССР. Верховный Совет СССР мог назначить следственные и ревизионные комиссии по любому вопросу.

Верховный Совет СССР состоял из двух равноправных палат: Совета Союза и Совета Национальностей. Совет Союза избирался по норме: один депутат на 300 тыс. человек населения. В Совет Национальностей избирались по 32 депутата от каждой союзной республики, по 11 депутатов от каждой автономной республики, по 5 депутатов от каждой автономной области и по 1 депутату от каждого автономного округа.

Обе палаты обладали правом законодательной инициативы, их сессии проходили одновременно, палаты были равноправны.

Верховный Совет избирал Президиум, который работал между сессиями и обладал широкими полномочиями, фактически сопоставимыми с правами самого Верховного Совета. Президиум Верховного Совета издавал указы, обязательные к исполнению. Эти указы автоматически утверждались на очередной сессии Верховного Совета и становились законами.

Законодательная власть в СССР оставалась в значительной степени зависимой от исполнительной власти.

Исполнительная власть. Высшим исполнительно-распорядительным органом СССР являлся Совет Министров СССР, которому подчинялась система министерств и ведомств¹. Количество союзных министерств и государственных комитетов постоянно увеличивалось, в конце 80-х их было более 80². Новые возникали, как правило, в результате деления старых промышленных министерств.

Министерство юстиции СССР, восстановленное в 1970 г., должно было руководить адвокатурой; в состав Минюста входили управления общих судов, военных трибуналов.

Высшим судебным органом являлся Верховный суд СССР. На него возлагался надзор за судебной деятельностью в СССР, он обладал правами суда первой инстанции и надзора дел в кассационном порядке.

Высший надзор за соблюдением законов Конституция возлагала на Прокуратуру СССР.

Аппарат ЦК КПСС в системе управления. Как уже упоминалось, 6 статья Конституции 1977 г. провозглашала, что «ядром политической системы» является Коммунистическая партия Советского Союза.

За этой абсолютно неправовой формулировкой скрывалось реальное явление – дублирование всей системы управления партийным аппаратом. На высшем уровне жизнь КПСС определяли не съезды КПСС, как полагалось по Уставу, а члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС, руководители отделов и секторов аппарата ЦК КПСС. Руководители КПСС являлись одновременно и руководителями государ-

---

¹ Закон о Совете Министров СССР см.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1978. № 28. Ст. 436.

² См.: Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923–1993. Историко-биографический справочник / Автор, составитель В.И. Ивкин. – М., 1999.

ства. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев стал с 1977 г. председателем Президиума Верховного Совета СССР, член Политбюро КПСС А.Н. Косыгин – председателем Совета Министров СССР. Членами Политбюро были министры: иностранных дел – А.А. Громыко; обороны – А.А. Гречко; председатель КГБ – Ю.В. Андропов. Все руководители высшего партийного звена имели возможность напрямую вмешиваться в деятельность всех ветвей государственной власти.

КПСС была единственной партией в стране, партией массовой (см. табл. 2).

Таблица 2

Численный состав КПСС¹

Годы	Количество членов КПСС	Количество кандидатов в члены КПСС	Всего
На 15 февраля 1981 г.	17480768	717759	18198527
На 1 января 1986 г.	18288786	715592	19004378

Членство в КПСС было необходимым условием для служебной карьеры в государственном аппарате, армии, правоохранительных органах, в ряде отраслей так называемых «общественных наук».

КПСС была строго централизованным и эффективным институтом государственно-партийного управления, присутствовавшим на всех его уровнях – от школы, заводского цеха или отделения колхоза до министерств, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР.

В многомиллионной КПСС существовала четкая иерархия. Ее высший уровень составляли руководители аппарата ЦК КПСС, Совмина СССР, крупнейших министерств – обороны, внутренних дел, МИД, секретари обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик². Туда же входили министры, заместители министров,³ члены коллегий министерств и союзных ведомств³, высшие представители армии, КГБ, юстиции, промышленности, науки, пропаганды и культуры, являвшиеся членами и кандидатами в члены ЦК и ЦКК КПСС⁴. Добавим

¹ Материалы делегату XXVII съезда КПСС. – М., 1986. С. 175; Материалы делегату XXVIII съезда КПСС. – М., 1990 С. 5.

² В начале 1990 г. число их должностей составляло 799 человек. Здесь и выше цит. по: Материалы делегату XXVIII съезда КПСС. – М., 1990. С. 19–20.

³ Ориентировочно, по моим подсчетам, около одной тысячи чиновников.

⁴ Ориентировочно – около 500 человек. См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. – М., 1987. С. 337–339.

к этому перечню тот слой управленцев, который обладал реальной властью на местах: заведующих отделами обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик¹, а также директоров крупнейших промышленных предприятий, командующих местными военными округами и крупными воинскими частями, начальников управлений КГБ².

Этот слой составлял, по нашим подсчетам, менее тысячи человек в Москве и около 3 тысяч человек по всему Советскому Союзу. Характерная черта властной элиты на этом этапе истории – ее замкнутость. Элита пополнялась только специфически номенклатурными методами.

В условиях однопартийной системы и жестко контролируемого политического поведения граждан страны выборы в Советы всех уровней – от поселкового до Верховного Совета СССР – служили ширмой, прикрывавшей фактическое назначение на должности депутатов Советов по тому же номенклатурному принципу. Выборы являлись безальтернативными – один кандидат на одно место; участие в выборах было фактически обязательным для населения.

Эта политическая конструкция выборов-назначений, сложившаяся в 30-е гг., в 70-е гг. становилась в обществе посмешищем из-за очевидного несоответствия демократическим процедурам. Замкнутость властной элиты, ее практическая несменяемость и неподконтрольность, устойчивость господствующего партийно-государственного номенклатурного слоя именовались в годы правления Брежнева «заботой о кадрах». Это рождало общественное недовольство, провоцировало противоречия внутри государственного аппарата, в партийных организациях, в обществе.

Структура аппарата ЦК, по сути, дублировала органы исполнительной, законодательной и судебной властей, а также детально отражала систему союзных министерств и ведомств, управлявших промышленностью, сельским хозяйством, культурой и идеологией. Так, например, в состав Отдела химической промышленности ЦК КПСС входили следующие секторы:

- основной химической промышленности;
- промышленности органического синтеза;
- промышленности синтетических материалов;
- промышленности синтетического каучука, шин и резинотехнических изделий;
- нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности;
- хлороорганических и кремнийорганических производств;

¹ В 1986 г. – 2113 должностей. См.: Материалы делегату XXVIII съезда КПСС. С. 20.

² *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти... С. 6–8.

– микробиологической и химико-фармацевтической промышленности.

В административном отделе были секторы:

- сухопутных и ракетных войск, гражданской обороны и ДОСААФ;
- ВВС, ВМФ, ПВО и гражданского воздушного флота;
- органов безопасности;
- прокуратуры, суда и юстиции;
- органов охраны общественного порядка¹.

Любое решение министерства и ведомства, которое затрагивало существенные стороны жизни страны, предварительно согласовывалось с соответствующими секторами и отделами аппарата ЦК, а при необходимости – с секретариатом ЦК или Политбюро.

Для того чтобы представить механизм согласования и принятия решений на высшем государственном уровне, рассмотрим типичный пример: принятие в 1976 г. постановления Совета Министров СССР «Об улучшении руководства работой в области труда и социального развития».

В подготовке этого решения выделяются несколько этапов:

– подготовка записки на эту тему для генерального секретаря ЦК КПСС. В подготовке принимали участие: Госкомитет Совета Министров СССР по труду и социальным вопросам; соответствующие отделы Совмина СССР, Верховного Совета СССР, отделы ЦК КПСС и секретариат генерального секретаря;

– решение секретариата ЦК КПСС, где содержались следующие положения:

– решение о преобразовании Госкомитета Совмина СССР по вопросам труда и заработной платы в союзно-республиканский Госкомитет Совмина СССР по труду и социальным вопросам;

– одобрение проекта Верховным Советом СССР²;

– указание Совминам союзных республик о преобразовании госкомитетов Совминов республик по использованию трудовых ресурсов в союзно-республиканские государственные комитеты Советов министров союзных республик по труду, и их подчинении союзному Госкомитету по труду и социальным вопросам;

– определены вопросы деятельности и штатная численность будущего Госкомитета;

– содержалось указание ЦК союзных республик, обкомам партии, руководству профсоюзов – ВЦСПС, министерствам и ведом-

¹ Структура аппарата ЦК дана здесь по состоянию на май 1966 г.

² По Конституции СССР, правом создания новых союзных органов власти обладал именно Верховный Совет СССР

ствам СССР и Совминам союзных республик о выполнении этого постановления;

– одобрялся соответствующий проект постановления Совета Министров СССР.

Решение секретариата ЦК должно было быть утверждено Политбюро ЦК КПСС. Для этого в Политбюро были направлены:

- проект постановления ЦК;
- проект Указа Президиума Верховного Совета СССР;
- проект постановления Совета Министров СССР;
- совместная записка, подписанная секретарем ЦК КПСС, зав. отделом ЦК И.В. Капитоновым, секретарем ЦК, зав. отделом ЦК В.И. Долгих, секретарем ЦК М.В. Зимяниным, зав. отделом плановых и финансовых органов ЦК В.И. Гостевым, председателем Госкомитета Совмина СССР по труду и социальным вопросам В.Г. Ломоносовым.

После утверждения этих решений на Политбюро началась собственно государственная, публично-правовая сторона истории созданного учреждения власти.

Подобный механизм согласования характерен и для более низких уровней управления – краев, областей, районов страны. Руководители крупнейших предприятий и ведомств входили в состав бюро крайкомов, обкомов, райкомов партии или принимали участие в работе бюро по должности. «На заседаниях бюро, – было записано в регламенте обкома партии, – постоянно присутствуют: заведующие отделами обкома КПСС и их заместители, председатель контрольно-ревизионной комиссии областной партийной организации, редактор областной газеты..., первый (второй) секретарь обкома ВЛКСМ, начальник (заместитель начальника) управления КГБ, прокурор (заместитель прокурора) области, начальник (заместитель начальника) управления внутренних дел облисполкома...»¹.

Механизм осуществления власти предполагал в обычных случаях тесное взаимодействие многих управленческих институтов – министерств и ведомств, Совмина и его отделов, аппарата ЦК КПСС, секретариата и Политбюро. Вместе с тем эта система согласования фактически устранялась, когда решения должны были приниматься оперативно или когда они имели высокую политическую цену.

В таких случаях решения принимались на уровне высшего политического руководства страны, как правило, руководителем партии по согласованию с главами Совмина, КГБ и армии, исходя из соображе-

¹Регламент работы аппарата Тульского обкома КПСС. (Утвержден постановлением бюро Тульского обкома КПСС 10 ноября 1989 года). Тула, 1989. С. 7.

ний политической целесообразности, точнее, того, как эта целесообразность понималась в конкретный момент. (Эти решения могли расходиться с мнением экспертов, противоречить ранее принятым документам.) Обычной практикой были встречи только членов Политбюро в так называемой «ореховой комнате» Кремля, где выработывалось единое мнение по наиболее важным вопросам, которые затем выносились на заседания Политбюро.

Важнейшие кадровые изменения – от отставки Хрущева до назначения Горбачева генеральным секретарем ЦК – предопределялись самым узким кругом государственных лидеров и затем закреплялись постановлениями Политбюро, пленумов ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР.

Конец экономической реформы. Н.И. Рыжков, предпоследний премьер-министр СССР, работавший в 60–70-е гг. инженером в Свердловске на Уральском заводе тяжелого машиностроения, вспоминал: «Реформу начали откровенно и резко скручивать в конце 60-х. Опять-таки вниз, на производстве, это чувствовалось особенно отчетливо и больно: только вздохнули, как кислород вновь перекрывают... Те, кто сразу усмотрел в экономических преобразованиях угрозу политической стабильности, только повода дожидался, чтобы эту реформу придушить. И повод подоспел. Весна 68-го, пражская весна, не на шутку перепугала столпов и охранителей догматической идеологии»¹. Отказ от проведения экономических реформ был зафиксирован решениями декабрьского (1969 г.) пленума ЦК КПСС. В них содержались привычные требования: об улучшении использования резервов производства и усилении режима экономии в народном хозяйстве. На место экономических рычагов управления на первый план вновь вышли командные методы, призывы к борьбе с бесхозяйственностью, с нарушителями государственной и трудовой дисциплины.

Страна получила мощный и, по сути, неожиданный источник валютных поступлений. После открытия в 1960 г. на севере Западной Сибири громадных запасов нефти и газа появились дополнительные средства, избавлявшие от необходимости лечить экономические болезни. Нефть стала наркотиком советской экономики. Страна все более оказывалась в зависимости от экспорта углеводородного сырья. В период 1970-го по 1980 г. добыча нефти в Западной Сибири выросла с 31 млн тонн до 312 млн тонн; добыча газа за тот же срок – с 9,5 млрд куб. метров до 156 млрд куб. метров².

¹ Рыжков Н.И. Десять лет великих потрясений. – М., 1995. С. 45.

² Краткая история СССР. – М., 1983 Ч. 2. С. 582.

Кризисные явления в сельском хозяйстве СССР, опередившие общий экономический кризис в стране, вынудили политическое руководство страны импортировать продовольствие (см. табл. 3). На закупку продовольственных товаров уходила значительная часть валютных поступлений, получаемых от экспорта нефти и газа.

Таблица 3

Сведения об использовании золотого запаса страны на закупку продовольствия (в тоннах)¹.

Годы	Общее количество	Экспорт	В том числе на закупку продовольствия
1963	1082,3	520,3	372,2
1964	749,1	483,7	
1965	577,1	335,6	335,3
1966	739,2	5,2	—
1967	864,4	50,2	50,2
1972 ²	1243,7	458,6	458,2
1973	1032,0	382,5	382,5
1975 ³	1221,0	141,0	
1976	1001,4	362,8	362,8
1977	774,4	390,0	390,0
1978	498,0	412,0	
1979	510,0	168,0	158,0
1980	502,0	156,0	156,0

Зависимость страны от закупок продовольствия за рубежом становилась все более очевидной и опасной. Наблюдался постоянный рост импорта хлебо-фуражных продуктов: в 1973 г. было закуплено 13,2 % зерна от его производства в СССР, в 1975-м — 23,9, в 1981 г. — 41,4 %⁴.

Скрытно нарастало экономическое неравенство республик. Даже по официальной статистике, Российская Федерация могла оставить себе в 1975 г. 42,3 % собранного на ее территории налога с оборота;

¹ Подсчеты произведены по данным архива Политбюро ЦК КПСС А.В. Коротковым и А.С. Степановым.

² Сведения за 1968–1971 гг. отсутствуют.

³ Сведения за 1975 г. отсутствуют.

⁴ Подсчитано по фондам архива Политбюро ЦК КПСС А.В. Коротковым и А.С. Степановым.

Украина – 43,3, Латвия – 45,6, Молдавия – 50, Эстония – 59,7, Белоруссия – 68,2, Азербайджан – 69,1, Грузия – 88,5, Армения – 89,9, Таджикистан – 99,1, Киргизия – 93,2, Литва – 99,7, Узбекистан – 99,8, Казахстан – 100, Туркмения – 100 %. Кроме того, в госбюджеты Узбекистана, Казахстана, Литвы, Киргизии, Таджикистана поступало 100 % подоходного налога с населения. Эта же тенденция прослеживается в Законе СССР о Госбюджете СССР на 1976-й и другие годы. Темпы капитальных вложений в экономику союзных республик в 2–4 раза превышали аналогичные показатели для России¹.

Вместе с тем в союзных республиках крепло убеждение, что в их экономических проблемах виновата именно Россия.

К концу 70-х гг. многочисленные проблемы в экономике стали очевидными. Громадные инвестиции в строительство промышленных предприятий не давали отдачи, нарастал «долгострой», в промышленности широко использовался ручной и неквалифицированный труд, что приводило к нехватке трудовых ресурсов, особенно в строительстве. Становились опасными негативные тенденции, вызванные гонкой вооружений. По существу СССР пытался в одиночку соревноваться в военной области с США, НАТО и Китаем. «Черная дыра» военно-промышленного комплекса поглощала огромные ресурсы.

В конце 70-х годов вновь была предпринята попытка начать реформы в промышленности. Инициаторами стали председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин и его заместители В.Н. Новиков и академик В.А. Кириллин. Однако дальше намерений они пойти не смогли. В 1979 г. по заказу Совета Министров СССР был подготовлен аналитический доклад о состоянии и перспективах советской экономики. Руководителем группы, работавшей над докладом, стал академик Кириллин. В документе содержалась реалистичная картина экономического положения страны, указывалось о неизбежном нарастании финансово-экономических проблем, о необходимости радикального структурного реформирования промышленности, о безнадежном отставании СССР в использовании передовых технологий. Доклад вызвал недовольство «в верхах». Кириллина сняли со своего поста, а сам доклад на десять с лишним лет засекретили.

Кроме так называемых макроэкономических характеристик в экономике существуют простые и понятные каждому человеку критерии, эквивалентные содержанию его кошелька и его холодильника. Со второй половины 70-х гг. заметно ухудшилось продовольственное снаб-

---

¹ Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения. Ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. – М., 1994. С. 201–202.

жение населения. В промышленности росло недовольство рабочих размерами оплаты труда. Следствием этого стали поистине чрезвычайные для СССР тех лет события – забастовки, что вынудило секретариат ЦК КПСС принять в октябре 1980 г. специальное постановление «О некоторых негативных проявлениях, связанных с недостатками в организации и оплате труда рабочих и служащих». В документе подтверждались факты забастовок рабочих в Свердловске, Литве, Эстонии, в Челябинской области, на Украине, в Ставрополье, Красноярском крае¹.

В конце 70-х гг. произошли некоторые изменения в составе политического руководства страны. На пост секретаря ЦК по сельскому хозяйству рассматривались две кандидатуры: первого секретаря Ставропольского крайкома партии М. Горбачева и первого секретаря Полтавского обкома Ф. Моргуна. Горбачев был хорошо известен в ЦК благодаря тому, что отдых и курортное лечение высших партийных функционеров нередко происходило на Кавказских минеральных водах и он по протоколу обязан был с ними встречаться. Кроме того, со Ставропольем оказались связаны своими биографиями два влиятельнейших человека в Политбюро – М. Суслов и Ю. Андропов. Собственно аграрная деятельность Горбачева характеризовалась тем, что при нем Ставропольский край оставался традиционно крупным центром сельскохозяйственного производства и что сам Горбачев в эти годы заочно окончил Ставропольский сельскохозяйственный институт, добавив его диплом к диплому Московского университета.

Ф. Моргун работал в Казахстане, на целине, в самые трудные годы – с конца 1954-го до середины 60-х гг., прошел путь от директора совхоза до начальника Целиноградского краевого управления сельским хозяйством. В Казахстане он начал последовательно внедрять природоохранные технологии обработки почвы, был связан с сельскохозяйственной наукой. Затем четыре года работал в сельскохозяйственном отделе ЦК КПСС, три года (1969–1972) – в Киргизии, первым заместителем председателя Совета Министров, а с конца 1972 г. – первым секретарем Полтавского обкома партии².

Профессиональный уровень Моргуна как кандидата на пост секретаря ЦК по сельскому хозяйству был, безусловно, выше, чем у его коллеги из Ставрополья. К тому же по работе в Казахстане его знал Брежнев. Однако предпочтение было отдано Горбачеву.

Впрочем, сам Горбачев едва не сорвал собственное назначение в ЦК. В конце ноября 1978 г. его срочно вызвали в Москву. Причины

¹ Постановление Секретариата ЦК КПСС ст-233/8с от 24 октября 1980 г.

² См.: *Моргун Ф.* Конца света? Или... – М., 1994. С. 4–5, 221.

А.Н. Косыгин у первого секретаря Ставропольского Обкома КПСС М.С. Горбачева. 1976 г.

вызова Горбачев не знал. Помощник Черненко В. Прибытков рассказывал в своих мемуарах, что ему было приказано срочно отыскать Горбачева. Планировалась встреча ставропольского секретаря с К.У. Черненко. Однако Горбачев, не ожидавший этого, отправился на пирушку к своим друзьям, где был с большими трудностями отыскан, препровожден сначала к Черненко, а затем и к Брежневу¹. Окажись помощник менее расторопным – и в политической истории СССР могли оказаться другие лица.

27 ноября 1978 г. на заседании Политбюро было решено включить кандидатами в члены Политбюро Н.А. Тихонова и Э.А. Шеварднадзе. «У нас из кавказских республик кандидатом в члены Политбюро ЦК является т. Алиев, первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана, – говорил Брежнев. – Грузия, как вы знаете, является очень важной республикой, а грузинская партийная организация одной из ведущих организаций нашей партии. Вы помните, что первый секретарь ЦК Компартии Грузии ранее входил в состав Политбюро, поэтому есть предложение внести на рассмотрение Пленума вопрос об избрании т. Шеварднадзе Э.А. кандидатом в члены Политбюро. Тов. Шеварднадзе является энергичным руководителем, правильно решает вопросы».

¹ Прибытков В. Аппарат. – СПб, 1995. С. 73–76.

Возражений не было.

Затем Брежнев представил Горбачева. «У нас сейчас нет секретаря ЦК КПСС, который бы занимался вопросами сельского хозяйства. Отрасль эта, как вы знаете, очень важная. Такой участок работы нельзя оставлять, чтобы им не занимался один из секретарей ЦК. Здесь нужен человек, который имел бы, прежде всего, сельскохозяйственное образование, опыт работы в важном сельскохозяйственном районе. Можно было бы, по моему мнению, рекомендовать для избрания секретарем ЦК т. Горбачева Михаила Сергеевича – первого секретаря Ставропольского крайкома партии. Все мы знаем т. Горбачева как молодого, энергичного, хорошо знающего сельскохозяйственное производство товарища. В этом году они очень хорошо поработали, сдали большое количество сельскохозяйственной продукции»¹.

И на этот раз возражений не было.

Пролетарский интернационализм и внешняя политика СССР. Вьетнам. В 70-е годы в советской внешней политике был продолжен курс на активную поддержку стран социализма, а также стран и политических движений «социалистической ориентации» по всему миру. Декларируя принцип «мирного сосуществования как специфической формы классовой борьбы», советское руководство последовательно поддерживало курс на сохранение и расширение рамок социалистической системы². По сути своей, эта политика стала продолжением «холодной войны», однако зоны соперничества СССР с Соединенными Штатами Америки, разбросанные по всему миру, часто окрашивались цветом настоящих войн и военных конфликтов.

При этом обе сверхдержавы стремились удерживать подобные столкновения в определенных границах, чтобы локальные конфликты не переросли в мировую войну. Парадоксально, но и США, и СССР оказывались зависимыми как друг от друга, так и от своих «клиентов». Логика статуса великих держав обрекала и Советский Союз, и Соединенные Штаты Америки на сложные отношения с теми политическими силами, которые они поддерживали. Верность идеологизированным принципам внешней политики нередко превращала СССР в заложника своих партнеров – лидеров национально-освободительных и революционных движений. За право быть империей следовало платить, и иногда эта плата оказывалась чрезвычайно высокой.

¹ АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро. 1978, 27 ноября. С. 2–3.

² Нежинский Л.М., Чельшиев И.А. Проблемы внешней политики // СССР и холодная война. – М., 1995. С. 65–67.

Самым ярким проявлением конфликта внешнеполитических интересов СССР и США стало продолжение войны в Индокитае. В прошлом очерке мы уже говорили о войне между Северным и Южным Вьетнамом и о позиции СССР в этом конфликте. Продолжим тему.

США, ДРВ и СССР постоянно поддерживали контакты в ходе вьетнамской войны. Госсекретарь США Д. Раск отмечал на пресс-конференции 19 июля 1967 г., что проблема заключалась не в отсутствии дипломатических каналов, а в глубокой принципиальной противоположности взглядов США и ДРВ на возможные пути урегулирования конфликта. Стремясь найти выход из вьетнамской войны на приемлемых для себя условиях, правительство Никсона уже вскоре после прихода к власти стало предпринимать попытки организовать конфиденциальное обсуждение принципиальных вопросов вьетнамского урегулирования с представителями ДРВ непосредственно по линии Белого дома.

С начала вьетнамского конфликта и до объявления правительством Джонсона о прекращении бомбардировок территории ДРВ к северу от 20-й параллели (31 марта 1968 г.) все контакты между США и ДРВ осуществлялись через представителей третьих стран. При этом ряд наиболее важных обращений США для передачи правительству ДРВ, имевших непосредственное отношение к прекращению бомбардировок ДРВ и началу переговоров по вьетнамскому вопросу в Париже, был сделан администрацией Джонсона через советское правительство. Предварительные американо-вьетнамские встречи начались в Париже 13 мая 1968 г., превратившись позже, с 18 января 1969 г., в официальные заседания четырехстороннего парижского совещания по Вьетнаму

В первой половине января 1969 г. помощник президента США по делам национальной безопасности Г. Киссинджер пытался договориться с северовьетнамцами о личной негласной встрече в Париже или ином месте для обсуждения сложившегося положения и поисков возможных решений, однако получил от них резкий отрицательный ответ. С аналогичной просьбой американцы неоднократно обращались к СССР, но также получали отказ.

В марте 1969 г. США пытались организовать негласные закрытые встречи в Париже, с одной стороны, между главами делегаций США и ДРВ для рассмотрения военных вопросов, а с другой – параллельные встречи между представителями НФО и сайгонского режима по вопросам политического урегулирования в Южном Вьетнаме. Однако после нескольких встреч северовьетнамская сторона отказалась от их

продолжения, усмотрев в них попытку США решить исключительно военные вопросы без рассмотрения политических проблем.

14 апреля 1969 г. Киссинджер по поручению президента Никсона через советского посла в Вашингтоне передал советскому правительству меморандум по вьетнамскому вопросу, который американская сторона просила довести до сведения Ханоя. Заявляя о желании достичь взаимоприемлемого урегулирования во Вьетнаме, Никсон выражал в этом меморандуме готовность пойти на конфиденциальные переговоры с ДРВ в Москве или в Вашингтоне с целью выработки основных положений политического и военного урегулирования: взаимного вывода всех войск из Южного Вьетнама и прекращения огня при обеспечении НФО гарантированного права участия в политической жизни Южного Вьетнама, включая участие в выборах, срок которых подлежал бы установлению. На создание коалиционного правительства в Южном Вьетнаме до выборов Никсон не соглашался. В американском меморандуме предусматривалось также, чтобы Южный Вьетнам в течение определенного времени (например, 5 лет) оставался «отдельным и независимым», после чего США не возражали бы против объединения страны.

4 августа 1969 г. состоялась первая конфиденциальная встреча Киссинджера с главой делегации ДРВ в Париже Суаном Тхюи. На этой встрече помощник президента США по делам национальной безопасности развивал положения, изложенные в американском меморандуме от 14 апреля 1969 г., а также в выступлении Никсона 14 мая 1969 г. Примерно в это же время, в середине июля, Никсон по неофициальным каналам направил личное письмо Хо Ши Мину, в котором призывал к совместным усилиям по урегулированию конфликта. Ответ был получен 30 августа (за три дня до смерти Хо Ши Мина): северо-вьетнамская сторона по существу подтвердила свою официальную позицию.

В течение 1970 г. между Киссинджером и руководителями делегации ДРВ на парижских переговорах состоялось пять конфиденциальных встреч (21 февраля, 16 марта, 4 апреля, в начале и в конце сентября). В работе первых трех со стороны ДРВ, наряду с главой делегации Суаном Тхюи, принимал участие и специальный советник, член Политбюро ПТВ Ле Дык Тхо.

Северовьетнамская сторона настаивала на безусловном и полном выводе американских войск из Южного Вьетнама в четко установленные сроки, на отказе США от поддержки режима Тхieu и на формировании временного коалиционного правительства в Южном Вьетнаме, которому были бы поручены подготовка и проведение выборов.

Выдвигая различные варианты поэтапного вывода войск США из Южного Вьетнама (в течение 16, а затем 12 месяцев), американская сторона всякий раз обуславливала эти предложения требованием взаимного прекращения огня и вывода войск ДРВ из Южного Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, выражая готовность при этом согласиться на так называемый негласный фактический вывод северовьетнамских войск.

США категорически отказывались от принудительного устранения сайгонского правительства; они соглашались пойти лишь на создание трехсторонней смешанной комиссии по проведению выборов в Южном Вьетнаме после взаимного вывода войск, в которую вошли бы представители сайгонского режима, ВРП (Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам) и других общественно-политических групп Южного Вьетнама.

Таким образом, в ходе конфиденциальных американско-вьетнамских встреч стороны сохраняли по существу те же позиции, которые они излагали в своих официальных заявлениях и предложениях.

Начиная с января 1971 г., американская администрация вновь стала искать возможность, в том числе и через советское правительство, возобновления негласных встреч с представителями ДРВ.

При этом Киссинджер стремился выяснить: не дадут ли северовьетнамцы, со своей стороны, обязательство о прекращении огня на период вывода американских войск из Южного Вьетнама и на какое-то время после вывода в том случае, если США, со своей стороны, возьмут на себя обязательство вывести свои войска к определенной дате. Для того чтобы договориться о возобновлении встреч, в мае 1971 г. Киссинджер выезжал в Париж, где, по некоторым данным, имел беседу с Суаном Тхюи. Затем последовали три встречи Киссинджера с Ле Дык Тхо и Суаном Тхюи (26 июня, 12 и 26 июля) и встреча с Тхюи 16 августа 1971 г.

Предложенная Киссинджером схема урегулирования положения во Вьетнаме предусматривала три фазы:

1. Выработку в конфиденциальном порядке и принятие взаимной декларации о принципах урегулирования.
2. Разработку на парижском совещании по Вьетнаму и подписание окончательного соглашения на основе декларации о принципах урегулирования.
3. Созыв новой международной конференции по Индокитаю с участием, наряду с непосредственно вовлеченными в конфликт странами, СССР, КНР и некоторых других государств для выработки международных гарантий в подкрепление достигнутого соглашения.

Декларация о принципах, по замыслу американцев, должна была содержать:

- окончательную дату вывода американских войск из Южного Вьетнама;
- обязательство уважать нейтральный статус Южного Вьетнама;
- ограничение военной и экономической помощи Южному Вьетнаму рамками, согласованными с ДРВ;
- взаимное прекращение огня по всему Индокитаю;
- освобождение и возвращение военнопленных¹.

Переговоры шли трудно. Северный Вьетнам отверг попытки представителей США сделать правительство Южного Вьетнама партнером в этих переговорах, настаивал на выводе из Вьетнама войск США и его союзников. США, соглашаясь в принципе вывести свои войска из страны, требовали от Северного Вьетнама отозвать свои войска с юга страны. Им возражали: вопрос о вьетнамских войсках должны решать сами вьетнамцы.

Позиция ДРВ была поддержана участниками международного совещания коммунистических и рабочих партий, состоявшегося 5–17 июня 1969 г. «Право вьетнамского народа вести борьбу в защиту своего отечества, – говорилось в специальном заявлении совещания, – это священное и неприкосновенное право всех народов на самооборону». Заявление призывало развернуть «многообразные, еще более мощные и координированные действия антиимпериалистических и миролюбивых сил в поддержку вьетнамского народа, борющегося против агрессии США»².

Советский Союз с началом интенсивных вьетнамо-американских переговоров оказался в сложном положении. Посольство СССР в ДРВ в июле 1970 г. сообщало, что «советско-вьетнамские политические консультации, предпринимавшиеся на партийном и государственном уровне в основном во время визитов партийно-государственных делегаций, а также по дипломатическим каналам в Москве, Ханое и Париже, сыграли важную роль в деле обмена мнениями и взаимного выяснения точек зрения, прежде всего, по вьетнамской проблеме». «...Тем не менее, – констатировало посольство, – внешнеполитическое сотрудничество между нашими странами, в особенности на рабочем уровне, нельзя признать в должной мере удовлетворительным и полноценным. Пожалуй, из всех форм и видов советско-вьетнамского сотрудничества, именно внешнеполитическому сотрудничеству

---

¹ ЦХСД. Ф. 5. Оп. 63. Д. 513. Л. 69–73.

² Там же. С. 365.

присущи наиболее существенные недостатки. И не вина в этом советской стороны. Мы всегда активно действовали в деле налаживания более широкого внешнеполитического сотрудничества, но вьетнамские товарищи проявляют в этом отношении сдержанность.

Вьетнамские товарищи не отвечали взаимностью на широкий поток передаваемой им нашей внешнеполитической информации, своевременно не ставили нас в известность о своих мероприятиях, в частности, по решению вьетнамской проблемы, как это было, например, с созданием Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам, с перепиской между Хо Ши Мином и Никсоном и т. д...

Вьетнамцы уклонялись от тесного взаимодействия с нами в рамках мирового коммунистического движения, социалистического лагеря, различных международных организаций; вплоть до последнего времени фактически не идут на прямые доверительные контакты по линии министерств иностранных дел. Вместо того чтобы пойти, к примеру, на прямые контакты с организацией Варшавского договора, обсудить и скоординировать коллективные акции в поддержку народов Индокитая, вьетнамцы тайком обращаются с просьбой поддержать их. Конечно, в этом тоже есть свой резон: и поддержка обеспечена, и никаких обязательств с вьетнамской стороны, за исключением благодарности, выраженной тоже тайным порядком, – сетовало руководство.

Советской дипломатии зачастую отводилась незавидная роль – выполнять просьбы своих северовьетнамских коллег. В МИД ДРВ даже выработалась определенная формула обращения: «просим координировать ваши действия с нашими».

Советские дипломаты отмечали, что северовьетнамское руководство стремилось поддерживать постоянные контакты с Китаем. «Консультации с КНР, – констатировало посольство, – осуществляются регулярно и на высоком уровне, причем принимают нередко трудный для ДРВ и затяжной характер. ДРВ заинтересована в сохранении материальной поддержки Китая, в частности, последнее время из-за обострения обстановки в Камбодже и Индокитае вьетнамско-китайские консультации расширились». В политическом отчете посольства СССР в ДРВ за 1970 г. отмечалось, что к 53 годовщине Октябрьской революции в Северном Вьетнаме был переиздан «Краткий курс истории ВКП(б)», апологетическое издание истории СССР, подготовленное под личным руководством Сталина. «Китай продолжает оказывать мощное влияние на ДРВ, – писали советские дипломаты. – В ПТВ хорошо понимают, что Китай рядом, а Советский Союз далеко»¹.

¹ ЦХСД. Ф. 5. Оп. 62. Д. 495.

«Контактам с другими социалистическими странами, – сообщалось в отчете, – значения не придается, за исключением КНДР». «Замыкая свою международную деятельность в сфере удовлетворения национальных интересов Вьетнама, товарищи нередко ставят эти интересы выше коренных внешнеполитических интересов соцлагеря, – отмечало посольство СССР в Ханое. – Они, например, хотели бы, чтобы Советский Союз обострял отношения с США в интересах Вьетнама, чтобы в мире возникали новые “вьетнамы и кубы” (выражение Фам Ван Донга)... К сожалению, все более заметно, что вьетнамские товарищи исходят во многом из преувеличенного представления о роли Вьетнама в антиимпериалистической борьбе, из эгоистического часто толкования своего интернационального долга перед социалистическими странами, отождествляемого только с борьбой за решение национальных задач Вьетнама»¹.

У советских военных специалистов, находившихся в Северном Вьетнаме, были свои проблемы. Они жаловались в Москву, что «в ходе официальных бесед с советскими представителями вьетнамские товарищи ведут себя неискренне, скрытно, стремясь всеми средствами сократить объем передаваемой информации, а иногда сознательно искажая ее».

В 1970 г. в ДРВ постоянно находилось 250–300 военных специалистов, по преимуществу в войсках ПВО. Советские военные представители сообщали, что вьетнамцы, на словах высоко оценивая деятельность наших специалистов, всячески стремились ограничить сферу их деятельности только рамками технической помощи, «тем самым ревностно оберегали решение вопросов боевого использования военной техники и тактики боевых действий от влияния наших специалистов... Следует отметить, что, несмотря на некоторое расширение контакта в работе, достичь большего совершенствования форм военного сотрудничества, доверительности и откровенности со стороны друзей нам пока не удастся. Их военная информация для нас носит, как правило, общий характер. По-прежнему уровень сотрудничества в области изучения трофейной техники и тактики противника оставляет желать много лучшего». Советских специалистов стремились не допускать до образцов трофейной американской техники. «Обращения к вьетнамской стороне на высоком уровне в прошлом также не дали никаких результатов»².

Однако подобные признания делались только для политического руководства СССР. На поверхности политической жизни демонстри-

¹ ЦХСД. Ф. 5. Оп. 62. Д. 492. Л. 136–149.

² Там же. Д. 495. Л. 92–214.

ровалась «нерушимая дружба братских советского и вьетнамского народов». Кроме вооружений, СССР поставлял во Вьетнам муку, нефтепродукты, минеральные удобрения, предоставлял большие кредиты¹. В страну ввозились целые комплексы промышленных предприятий. В 1970 г. экономическая помощь СССР Вьетнаму составила примерно 316 млн руб, то есть 45 % общей помощи социалистическим странам. В том числе по линии военного ведомства было предоставлено 120 млн рублей; Министерством внешней торговли – 152 млн, Государственным комитетом по экономическим связям – свыше 34 млн рублей. В гражданские секторы экономики направлялось около 60 % от всего объема оказанной помощи. До 40 % экономической помощи оказывалось на безвозмездной основе.

Использование северовьетнамцами советского оборудования далеко не всегда было эффективным. Так, 28 августа 1970 г. при обсуждении очередного плана оказания советской помощи Вьетнаму посол СССР напомнил премьер-министру ДРВ Фам Ван Донгу, что на складах страны уже не один год лежит присланное Советским Союзом оборудование для 90 промышленных предприятий. Фам Ван Донг ответил, что этот вопрос могли бы решить советские специалисты². Заметим: в ДРВ в то время работало до 600 гражданских специалистов, почти вдвое больше, чем представителей военного ведомства.

Северному Вьетнаму оказывали помощь и другие социалистические страны (см. табл. 4).

Таблица 4

Объемы помощи Северному Вьетнаму, оказанной социалистическими странами в 1970–1971 гг., без СССР (в млн руб.)³

Страна	1970	1971
КНР	235	360
Польша	20	28
ГДР	42	35
Чехословакия	5	20
Венгрия	30	30
Болгария	18	18,5
Румыния	8	8
Северная Корея	10	10
Монголия	2,5	1,5
Куба	1	1

¹ Там же. Д. 489. Л. 146–147.

² Там же. Л. 150–152.

³ Там же. Д. 495. Л. 922–14.

Непростые отношения с Советским Союзом объяснялись среди других причин и противоречиями внутри высшего вьетнамского руководства. Некоторое представление о спорах в Партии трудящихся Вьетнама дает доклад секретаря ЦК ПТВ Хоанг Ань на XX пленуме ЦК ПТВ, состоявшемся в конце декабря 1970-го – начале января 1971 г.

В докладе содержалось откровенное признание: «За сорокалетнюю историю в нашей партии не было столь сильных разногласий». Предметов для острых споров у вьетнамских коммунистов было немало. Главной причиной этих разногласий стала коллективизация сельского хозяйства, о чем шли острые дискуссии на трех пленумах (XVII, XVIII, XIX) ПТВ.

Имелись серьезные расхождения и в определении стратегии продолжения войны. «Мы сурово осуждаем тех, кто намерен решать вьетнамскую проблему только военным путем, – заявлял Хоанг Ань, – кто хочет ввести в Южный Вьетнам двухмиллионную армию и воевать там непрерывно... Мы должны сочетать три вида борьбы: военную, политическую и дипломатическую... А чего хотят оппортунисты? Они хотят ввести иностранные войска на нашу территорию (китайские. – *Авт.*), вместе с ними идти занимать Лаос и освобождать Южный Вьетнам».

В докладе признавалось, что война стала тяжелым испытанием для Северного Вьетнама. Только новогоднее наступление и наступление в январе–феврале 1968 г. «обошлось» стране в 100 тыс. человек. По вьетнамским оценкам, за 10 лет вооруженной войны ДРВ потеряла 410 тыс. человек, только в 1970 г. – 100 тыс. В 1970 г. в Южный Вьетнам, Лаос и Камбоджу было переброшено 273 тысячи тонн оружия, боеприпасов и продовольствия. В Южном Вьетнаме в 1970 г. действовало 8 дивизий регулярных войск Северного Вьетнама (около 110 тыс. человек).

Секретарь ЦК ПТВ Хоанг Ань сформулировал отношение к двум важнейшим союзникам Вьетнама: СССР и Китаю. «Многие товарищи не понимают нашего курса и критикуют за нашу позицию во взаимоотношениях с Китаем, Советским Союзом и по другим вопросам, – обращался он к делегатам пленума. – В частности, мы не считаем, что нынешние руководители Советского Союза являются ревизионистами и угрожают единству международного коммунистического движения. Что касается Китая, то мы согласны с необходимостью проведения “великой пролетарской культурной революции”, но не согласны с методами ее проведения. За это несогласие и критикуют нас некоторые товарищи».

Сторонники прокитайской ориентации (по тогдашней терминологии ЦК ПТВ, «оппортунисты») имели сильные позиции в вооруженных силах Северного Вьетнама. «Я могу привести много примеров, показывающих, какой вред приносят нам оппортунисты, – говорил Хоанг Ань. – Так, многие из высших военных руководителей, входящих в оппортунистическую группировку, не выполняют указаний руководства, что отрицательно сказывается на ведении боевых действий. Например, после того как американско-сайгонские войска вторглись в Камбоджу, Политбюро приняло решение нанести удар в районе Тай-Ниня с целью защитить войска, действующие в Камбодже. Однако военные руководители в этом районе придерживались иного мнения, и их действия, идущие вразрез с решениями Политбюро, создали для нас значительные трудности и снизили эффективность боевых действий наших войск... В настоящее время в оппортунистической группировке насчитывается 16 членов ЦК ПТВ. Они постоянно подвергают критике курс нашей партии, некоторые распространяют печатные издания... На XIX Пленуме фракционная деятельность в партии достигла своей высшей точки».

Осложнения в ходе войны, расширение боевых действий США, Южного Вьетнама и Тайланда на Камбоджу и Лаос привели к тому, что интенсивным бомбардировкам стали подвергаться воинские подразделения Северного Вьетнама.

В этих условиях северовьетнамское руководство к началу 1971 г. все активнее начало разыгрывать «карту военнопленных» с целью повлиять на общественное мнение, а через него на администрацию США. С этого времени стала проводиться сознательная «двойная бухгалтерия»: публично объявлялись одни сведения о попавших в плен американцах, хотя реальные цифры были иными.

Так, в уже цитированном выше докладе Хоанг Аня сообщалось, что в Северном Вьетнаме находилось 735 американских военнопленных, опубликованы же были данные только о 368 летчиках.

Летом 1971 г. Ле Дык Тхо и Суан Тхюи на переговорах в Париже с Г. Киссинджером выдвинули следующие требования:

1. Установления американской стороной срока вывода своих войск в 1971 г.
2. Прекращения поддержки Нгуен Ван Тхиеу.
3. Запрещения дискриминации лиц, сотрудничавших с любой из сторон.
4. Уважения международных гарантий.

Представители вьетнамской стороны настаивали на одновременном выводе американских войск и освобождении военнопленных. Таким

образом, гарантия возвращения пленных американцев становилась для ДРВ основным средством давления на администрацию США.

Американская администрация, не имевшая достоверной информации о числе своих военнопленных во Вьетнаме, всеми способами пыталась ее получить. Полагаем, что именно с этой целью летом 1971 г. к СССР через посредническую туристическую фирму ФРГ «Осттурист» обратился некий г-н Кноблох с просьбой организовать перевозку группы пассажиров (до 5 тыс. человек) из Ханоя через Москву в Париж и США. В Москве отнеслись к этому предложению как к чисто коммерческому, однако им заинтересовались «компетентные органы», справедливо посчитавшие, что людьми, которых вдруг срочно потребовалось перебросить на другой конец земли, могли быть только военнопленные, которых США таким образом пытались вернуть домой. Расчет американцев был прост: если Советы согласятся с заявленным числом (или назовут другую цифру), то это, скорее всего, и будет искомое количество пленных американцев.

По сути, была предпринята попытка втянуть Москву в проблему возвращения американских военнопленных. Разобравшись в ситуации, советские власти благоразумно отклонили это предложение, тем паче, что и выполнить его они не могли: вьетнамская сторона препятствовала установлению советскими специалистами любых контактов с пленными США.

27–28 мая 1972 г. состоялись советско-американские консультации по Вьетнаму. Их провели министр иностранных дел СССР А.А. Громыко и государственный секретарь США Г. Киссинджер.

Информируя об итогах этих консультаций, Громыко сообщал политическому руководству страны, что высказывания Киссинджера о позиции США по Вьетнаму, а также его ответы на наши уточняющие вопросы в этой связи можно суммировать следующим образом:

1. Если подходить к делу с чисто практической точки зрения, то договориться сразу по общему комплексу всех проблем (военного и политического характера) вьетнамского урегулирования было бы весьма сложно. Поэтому нужно вести рассмотрение и решение проблем в двух плоскостях: те проблемы, по которым можно и нужно договориться в ближайшее время, и те, которые будет легко согласовать после реализации первых, когда создастся – особенно после полного вывода войск США – новая политическая обстановка или новая политическая реальность, в условиях которой можно будет решить и наиболее трудные вопросы окончательного урегулирования во Вьетнаме.

2. США не считают себя привязанными к какому-то конкретному правительству в Южном Вьетнаме. В результате развития событий

и определенной эволюции в этой стране к власти там могут прийти новые политические силы. Может быть создано и коммунистическое правительство. США не будут тогда препятствовать этому. Но США не могут делать это своими руками.

3. Более того, США в случае договоренности по некоторым мерам военного порядка (о которых речь идет ниже) готовы выступить с заявлением или Декларацией об основных принципах, в которой они взяли бы на себя в одностороннем порядке следующие обязательства:

- а) согласиться с тем, что Южный Вьетнам должен быть нейтральным;
- б) не вмешиваться в политические процессы, которые могут в будущем развиваться в этой стране;
- в) готовность ограничить свою экономическую и военную помощь Южному Вьетнаму, конкретно сообщив о ее размерах другой стороне.

США были бы также готовы заявить совместно, в том числе по приглашению с другой стороны, о том, что объединение Вьетнама должно проходить на условиях, согласованных между собой самими вьетнамцами, то есть Севером и Югом, без иностранного вмешательства извне. «Это фактически один из известных "7 пунктов" вьетнамцев», — добавил при этом Киссинджер.

4. Однако такому общему развитию событий, которое, как это видно, предусматривает согласие США и на политическое решение вьетнамской проблемы, должно предшествовать решение некоторых вопросов военного порядка, что создало бы благоприятную почву для последующего общего продвижения вперед.

5. Такими первоочередными военными вопросами, учитывающими взаимный интерес обеих сторон, являются:

- а) прекращение огня;
- б) освобождение американских военнопленных;
- в) вывод американских войск из Южного Вьетнама.

Соглашение о прекращении огня не обязательно должно иметь формальный характер в виде какого-то подписанного документа. Оно может быть и де-факто, если США к тому же получат необходимые заверения от Советского Союза.

Предусматривается также, что освобождение американских военнопленных и полный вывод войск США должны осуществляться более или менее параллельно, чтобы оба эти процесса могли закончиться одновременно.

6. Все это создало бы более благоприятную обстановку и для политического урегулирования. После подписания соответствующего соглашения по указанным выше вопросам (и начала его осуществле-

ния) в течение шести месяцев в Южном Вьетнаме могли бы быть проведены выборы.

За месяц до выборов сайгонские президент и вице-президент уходят в отставку.

За подготовкой к выборам и их свободным проведением следит специально создаваемая избирательная комиссия, состав которой формируется по следующему принципу: 1/3 часть из представителей «Вьетконга», 1/3 – из нейтральных кругов и 1/3 – из действующего сайгонского режима. Комиссия приступает к работе сразу после подписания соглашения по военным вопросам.

7. Для содействия успешной работе комиссии и для обеспечения свободы выборов в Южном Вьетнаме предусматривается организация специального международного наблюдения или международного присутствия в ходе подготовки и проведения таких выборов.

В состав такого наблюдения или присутствия, по согласованию обеих сторон, должны быть включены представители некоторых стран (конкретно в этой связи Киссинджер упомянул лишь США и СССР).

8. США исходят из того, что совместная комбинация этих факторов (полный вывод американских войск, отставка Тхиеу, соответствующее соглашение, американская декларация о принципах и т. п.) создаст атмосферу, благоприятную для свободных выборов в Южном Вьетнаме.

9. Уже в создании комиссии по выборам будет заложен коалиционный принцип. Фактически сама комиссия станет в какой-то степени переходной формой, подобием коалиционного правительства. Можно было бы подумать и о том, как в гибкой, хотя и несколько закамуфлированной форме, заложить идею коалиционного правительства еще при согласовании в самом начале всех этих вопросов, хотя в целом проблема должна явиться предметом переговоров между самими сторонами.

США готовы в этой связи добавить в свою одностороннюю Декларацию о принципах положение о том, что они примут результаты выборов, независимо от их исхода.

10. Киссинджер отметил, что он уже излагал основные части этого плана северовьетнамцам, но в его изложении советской стороне содержатся следующие дополнительные элементы:

а) представителям ДРВ не давались объяснения о том, что лежит в основе различных предложений США;

б) им не излагалось все это в едином, собранном виде;

в) не объяснялась связь между вопросом о прекращении огня и политическим урегулированием;

г) не говорилось о готовности США закончить полный вывод своих войск одновременно с завершением возвращения американских военнопленных (раньше США настаивали на том, чтобы ДРВ вначале вернула военнопленных). «Если бы Ханой согласился с этим американским предложением, – сказал Киссинджер, – то имелись бы реальные возможности полного вывода войск США из Вьетнама к сентябрю или октябрю этого года, то есть еще до президентских выборов в США».

11. По мнению Киссинджера, Белый дом пришел к твердому убеждению, что правительство ДРВ умышленно не хочет какой-либо договоренности с США с тем, чтобы нарочно создать в американском общественном мнении впечатление полного тупика на переговорах в Париже и попытаться через общественное мнение США надавить на президента Никсона, заставить его уступить требованиям Ханоя, особенно в период выборов.

Этим объясняется, говорил госсекретарь, чисто пропагандистский подход, который занимают сейчас северовьетнамцы как на пленарных заседаниях в Париже, так и на конфиденциальных встречах. Они, по словам Киссинджера, категорически отказываются обсуждать любые предложения американцев, даже компромиссного порядка, и настаивают на обсуждении только их семи пунктов. Этим же объясняется, по мнению Белого дома, и то, что Ханой, согласившись после бесед Киссинджера в Москве в апреле месяце на возобновление с американцами публичных и негласных встреч в Париже, одновременно начал новое военное наступление в Южном Вьетнаме, что совместно с чисто пропагандистской линией, которую продолжали занимать северовьетнамцы, привело к очередному провалу этих встреч.

12. В конце концов Киссинджер снял упорно выдвигавшиеся американцами условия о том, чтобы возобновлению официальных заседаний в Париже предшествовала бы закрытая встреча с Ле Дык Тхо, а также получение заранее заверений от северовьетнамцев о каком-то их серьезном, конструктивном подходе к дальнейшим переговорам.

Сейчас Белый дом согласен на возобновление официальных заседаний: американской стороне необходимо иметь возможность свободно изложить свою программу, так же как это будет делать и вьетнамская сторона. Касаясь закрытой встречи (или встреч), Киссинджер отметил, что она ожидается после начала официальных заседаний в Париже во второй половине июня. При этом американцы надеются, что не возникнет положения, когда северовьетнамцы, узнав о согла-

сии США на возобновление специальных заседаний, громко начнут заявлять об одержанной ими победе и о том, что они заставили США капитулировать. Это, подчеркнул Киссинджер, осложнило бы положение¹.

Позволим высказать утверждение, что американские предложения, имевшие, несомненно, компромиссный характер, в определенной мере были поддержаны советской стороной. Свидетельством тому стал сенсационный визит президента Никсона в Москву в мае 1972 г., в разгар боевых действий в Индокитае. Однако в позиции Северного Вьетнама наметились изменения, свидетельствовавшие, что руководство страны взяло курс на военную победу.

Генерал-лейтенант Чан Ван Куанг, заместитель начальника Генерального штаба ВНА на заседании Политбюро ЦК ПТВ 15 сентября 1972 г. доложил², что согласно решениям Политбюро и Госсовета, прошли консультации с видными деятелями южновьетнамского режима. Среди них были генерал-лейтенант Нго Динь Дзу, командующий 2 корпусным районом Южного Вьетнама, Нгуен Кхань, в течение трех лет занимавший пост премьер-министра после свержения Нго Динь Дьема, Зыонг Ван Минь, бывший император Бао Дай, генерал Нгуен Ван Ви, ранее занимавший пост министра обороны Южного Вьетнама. Это были разные люди, в том числе антикоммунисты, однако всех их объединяли антиамериканские, националистические настроения. Части этих деятелей политическое руководство ДРВ обещало посты в коалиционном правительстве. Шли также активные поиски потенциальных союзников на уровне властей провинций Южного Вьетнама, в южновьетнамской армии. Определяя политические взгляды офицерского корпуса от капитана и выше как реакционные, сформировавшиеся в то время, когда эти офицеры служили еще во французской армии, Чан Ван Куанг тем не менее считал контакты с некоторыми из них полезными.

Наряду с попытками расколоть правящий слой южновьетнамского общества руководство Северного Вьетнама продолжало реализацию плана «Ба Бе» – диверсионных акций с целью устранения активных деятелей сайгонского режима от провинциального уровня и выше. С этой целью в Южном Вьетнаме действовало более 400 диверсантов. Генерал Куанг высоко оценивал их деятельность, утверждал, что план «Ба Бе» стал «поворотным пунктом в деле урегулирования положения на фронте».

---

¹ ЦХСД. Ф. 5. Оп. 64. Д. 41. Л. 115–119.

² ЦХСД. Доклад заместителя начальника Генштаба ВНА генерал-лейтенанта Чан Ван Куанга на заседании Политбюро ЦК ПТВ 15 сентября 1972 г.

Особое место в докладе Чан Ван Куанга занял вопрос об американских военнопленных. «До настоящего времени количество американских военнопленных не публиковалось, мы сохраняли эту цифру в тайне. На сегодняшнем заседании Политбюро я доложу вам, товарищи, точное число американских военнопленных», – заявил генерал. Общая численность американских военнопленных была определена им в 1205 человек, захваченных во Вьетнаме, Лаосе, Камбодже.

671 человек был захвачен в Северном Вьетнаме, 143 – в Южном Вьетнаме. Это были летчики, советники, водолазы. В Индокитае захватили 391 человека.

По данным генерала Куанга, в Северном Вьетнаме были взяты в плен 624 летчика. Среди них было 7 полковников, 85 подполковников, 183 майора. В плен попали три летчика, прошедшие подготовку к космическим полетам, 15 пилотов имели более 4 тысяч часов налета.

В числе пленных, захваченных в Северном Вьетнаме, были 36 советников диверсионных отрядов, отдельные диверсанты и разведчики.

В Южном Вьетнаме из летного состава США попали в плен 153 человека, в основном вертолетчики и пилоты реактивной авиации.

«У нас сейчас насчитывается 11 тюрем, где содержатся американские военнопленные, – сообщал в своем докладе генерал Куанг. – Раньше было 4 крупных тюрьмы, но после попытки американцев освободить своих в Ха-Тэй, мы увеличили число тюрем до 11. В каждой содержится примерно по 100 американских военнопленных. Полковники (16 человек) содержатся в одной тюрьме, 104 подполковника – также в одном лагере. 235 майоров – в двух лагерях».

Генерал отметил, что официально опубликованы сведения только о 368 военнопленных. Американцы-военнопленные по-прежнему рассматривались ДРВ как средство давления на США.

Подводя итоги, генерал сообщил Политбюро ПТВ, что на 1973 г. необходимо будет мобилизовать четверть миллиона человек, для того чтобы направить их на три фронта: 200 тысяч человек в Южный Вьетнам, 50 тыс. – в Лаос и Камбоджу.

По всей вероятности, сделки между Северным Вьетнамом и частью южновьетнамской политической и военной элиты способствовали тому, что эффективность боевых действий войск Северного Вьетнама повышалась. Так, 9 июня 1972 г. в районе Центрального плато был сбит вертолет, на борту которого находился руководитель американских советников во 2-м корпусном районе генерал Джон Вэнн. Отметим, что командовал войсками Южного Вьетнама в этом районе генерал-лейтенант Нго Динь Дзу, тот самый, с которым вели переговоры и консультации северовьетнамские власти. 9 июля 1972 г. при

аналогичных обстоятельствах погиб американский генерал Р. Толмэн, через неделю – командир 4-й авиационной дивизии Южного Вьетнама бригадный генерал Нгуен Хюи Ань¹.

27 января 1973 г. после длительных переговоров в Париже было подписано Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. С 26 февраля по 2 марта 1973 г. в Париже состоялась Международная конференция по Вьетнаму, в которой приняли участие делегации ДРВ, США, Республики Южный Вьетнам (Вьетконга), правительства Южного Вьетнама, а также СССР, Франции, КНР, Великобритании и четырех государств, представленных в Международной комиссии по контролю и наблюдению во Вьетнаме: Венгрии, Польши, Канады и Индонезии².

Следует заметить, однако, что с начала 70-х гг. интерес и прямая вовлеченность СССР во вьетнамский конфликт ощутимо снизилась. При сохранении антиамериканской риторики руководство СССР проявило явную заинтересованность в некотором снижении уровня военного противостояния. В 1975 г. завершилось Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, 10 апреля была заключена международная Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления бактериологического оружия, СССР и США заключили Договор об ограничении систем противоракетной обороны, Соглашение о предотвращении ядерной войны, Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений, а также Договор об ограничении подземных испытаний ядерного оружия³.

30 апреля 1975 г. северовьетнамские войска заняли Сайгон, Северный и Южный Вьетнам были объединены под властью вьетнамских коммунистов.

Поражение Соединенных Штатов в Индокитае имело ряд политических последствий. В соседних с Вьетнамом странах, Лаосе и Камбодже, значительно возросло влияние Вьетнама. «Социалистическое содружество» расширилось. Позиции США в Юго-Восточной Азии существенно ослабли. Военно-морской флот СССР получил право использовать вьетнамские порты и базы флота в Камрани и Дананге. После ухудшения отношений двух «заклятых друзей» – Вьетнама и Китая, нападения Китая на северные провинции Вьетнама и успешного отражения этого нападения возросла роль Вьетнама как стратеги-

---

¹ Агрессия США в Юго-Восточной Азии. Ч. 7. – М.: Генштаб Вооруженных Сил СССР, 1977.

² История внешней политики СССР. 1945–1985. С. 401.

³ Там же. С. 595.

ческого союзника СССР против Китая. Конечно, дружбу с Вьетнамом необходимо было оплачивать. СССР и социалистические страны поставляли во Вьетнам более 80 % нефтепродуктов, металла, удобрений, нарастали финансовые вливания СССР в экономику этой страны¹.

Получалось, что Советский Союз, вмешавшийся в конфликт, поддерживал ту его сторону, которая заявляла о своей приверженности социализму, затратив определенные ресурсы, но ограничив свое военное присутствие действительно «ограниченным континентом», по преимуществу военно-техническими специалистами численностью до 300 человек, смог добиться серьезных политико-идеологических и военно-стратегических выгод.

Возникал соблазн повторения.

Другой урок Вьетнама – неспособность методами современной техники победить воюющий народ – в расчет не принимался.

СССР и коммунистические партии стран «третьего мира».
В 70-е гг. СССР активизировал деятельность по расширению границ советского влияния. Партийно-идеологическая политика в этот период все более отождествлялась с внешней политикой вообще, и деятельность Международного отдела ЦК КПСС и КГБ все чаще подменяла и дублировала работу Министерства иностранных дел. Бесчисленное количество документов свидетельствует о том, что государственные средства СССР в огромных объемах шли на оплату деятельности коммунистических партий по всему миру – от компартии США и Франции до «партий социалистической ориентации Черной Африки».

Учрежденным коммунистическими партиями фирмам по заниженным ценам продавали нефть, лес, другие товары, пользовавшиеся спросом, которые затем перепродавались этими фирмами по мировым ценам – для финансирования все тех же компартий. Полиграфические предприятия, контролировавшиеся коммунистами и «друзьями Советского Союза» в Ираке, Испании, Бангладеш, Парагвае, Ирландии, на Кипре и др.) получали чрезвычайно выгодные заказы по изданию трудов руководителей КПСС и Советского правительства. СССР закупал коммунистическую прессу всего мира, чтобы поддержать ее издателей.

Однако рядом с этими сравнительно безобидными видами деятельности ЦК КПСС организовывал «спецподготовку» шифровальщиков и радистов, готовил сотрудников служб безопасности для компартий

---

¹Хазанов А.М. Политика СССР в странах «третьего мира» // Советская внешняя политика в годы «холодной войны». С. 435–436.

Аргентины, Египта, Ирака, Ливана, Парагвая, Судана, Турции, Чили, Эквадора, Ирландии, Кипра, вел военную подготовку коммунистов ряда стран.

Союз ЦК КПСС и КГБ подталкивал политическое руководство к прямому сотрудничеству с террористическими организациями, которые заверяли о своей просоветской и марксистской ориентации. «Комитет государственной безопасности, – писал председатель КГБ Андропов Брежневу, –... поддерживает деловой конспиративный контакт с членом Политбюро Народного фронта освобождения Палестины (НФОП), руководителем отдела внешних операций НФОП Вадиа Хаддадом.

...Вадиа Хаддад в доверительной беседе изложил перспективную программу диверсионно-террористической деятельности НФОП, которая в основном сводится к следующему.

Основной целью специальных акций НФОП является повышение эффективности борьбы Палестинского движения сопротивления против Израиля, сионизма и американского империализма. Исходя из этого, главными направлениями диверсионно-террористической деятельности организации являются:

– продолжение особыми средствами “нефтяной войны” арабских стран против империалистических сил, поддерживающих Израиль;

– осуществление акций против американского и израильского персонала в третьих странах с целью получения достоверной информации о планах и намерениях США и Израиля;

– проведение диверсионно-террористической деятельности на территории Израиля;

– организация диверсионных акций против алмазного треста, основные капиталы которого принадлежат израильским, английским, бельгийским и западногерманским компаниям.

В соответствии с этим в настоящее время НФОП ведет подготовку ряда специальных операций, в том числе нанесение ударов по крупным нефтехранилищам в различных районах мира (Саудовская Аравия, Персидский залив, Гонконг и др.), уничтожение танкеров и супертанкеров, акции против американских и израильских представителей в Иране, Греции, Эфиопии, Кении, налет на здание алмазного центра в Тель-Авиве и др.

...В. Хаддад обратился к нам с просьбой оказать помощь его организации в получении некоторых видов специальных технических средств, необходимых для проведения отдельных диверсионных операций.

Л.И. Брежнев и Я. Арафат.

Сотрудничая с нами и обращаясь за помощью, В. Хаддад четко представляет себе наше отрицательное отношение в принципе к террору и не ставит перед нами вопросов, связанных с этим направлением деятельности НФОП.

Характер отношений с В. Хаддадом позволяет нам в определенной степени контролировать деятельность отдела внешних операций НФОП, оказывать на нее выгодное Советскому Союзу влияние, а также осуществлять в наших интересах силами его организации активные мероприятия при соблюдении необходимой конспирации.

С учетом изложенного полагали бы целесообразным на очередной встрече в целом положительно отнестись к просьбе Вади Хаддада об оказании Народному фронту освобождения Палестины помощи в специальных средствах. Что касается конкретных вопросов предоставления помощи, то имеется в виду, что они будут решаться в каждом случае отдельно с учетом интересов Советского Союза и предупреждения возможности нанесения ущерба безопасности нашей страны.

Просим согласия. Андропов».

На документе имеется пометка от руки: «О согласии сообщено КГБ СССР. 26 апреля 1974 г.»

При реализации задач расширения советского влияния в мире лидеры СССР безгловостью не отличались.

Афганистан. Самым трагическим решением правления Брежнева стало втягивание СССР в афганский конфликт, превратившийся в полномасштабную, хотя и необъявленную войну СССР в Афганистане. Обстоятельства начала этой войны тщательно скрывались. Высшее

руководство страны утверждало, что решение о вводе войск было принято келейно – покойными уже Брежневым, Громыко, Устиновым. Попытки первого Съезда народных депутатов СССР получить от М.С. Горбачева и от министра иностранных дел Э.А. Шеварднадзе внятный ответ об обстоятельствах начала войны сводились лишь к обвинению ими отдельных лиц, а не порядков. Закрадывалась мысль, что документы, которыми начиналась война, уничтожены... Обстоятельства сокрытия правды о начале афганской войны были поразительно похожи на то, как скрывалась правда о Катыни.

Поиск документов, санкционировавших советское вторжение в Афганистан, стал возможен в 1992 г., когда были открыты архивы Политбюро ЦК КПСС. «Первой ласточкой» на этом пути стала находка «Рабочих записей заседания Политбюро» от 10 марта 1983 г., где обсуждался вопрос «О положении в Афганистане и дополнительных мерах по его улучшению». На этом заседании генеральный секретарь Ю.В. Андропов говорил, обращаясь к членам Политбюро: «Вы помните, как трудно и осмотрительно решали мы вопрос о вводе войск в Афганистан. Л.И. Брежнев настоял на поименном голосовании членов Политбюро. Вопрос был рассмотрен на пленуме ЦК»¹.

Эта информация задала направление поиска. Однако просмотр «Рабочих записей заседаний Политбюро за 1979 год», содержавших большой объем сведений о советско-афганских отношениях, не дал ответа на вопрос: когда было принято решение о начале вторжения. И только в одном из запечатанных конвертов, хранившихся в том же архиве, были обнаружены несколько листов бумаги, написанные от руки. Первый, написанный разборчивым почерком старого человека, назывался «К положению в “А”» и датировался 12 декабря 1979 г. Сохранившийся на нем делопроизводственный номер свидетельствовал, что текст «К положению в “А”» оформлен как решение Политбюро №176/125.

В документе сообщалось:

«1. Одобрить соображения и мероприятия, изложенные тт. Андроповым Ю.В., Устиновым Д.Ф., Громыко А. А.

Разрешить им в ходе осуществления этих мероприятий вносить коррективы непринципиального характера.

Вопросы, требующие решения ЦК, своевременно вносить в Политбюро.

Осуществление всех этих мероприятий возложить на тт. Андропова Ю.В., Устинова Д.Ф., Громыко А. А.

¹ АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро. 1983, 10 марта. С. 13.

2. Поручить тт. Андропову Ю.В., Устинову Д.Ф., Громыко А.А. информировать Политбюро ЦК о ходе выполнения намеченных мероприятий.

Секретарь ЦК Л.И. Брежнев¹.

В том же конверте находилась справка, написанная К.У. Черненко. Вот ее содержание: «К №П 176/125 оп от 12/ХІІ-79 г.

26 декабря 1979 г. (на даче присутствовали тт. Брежнев Л.И., Устинов Д.Ф., Громыко А.А., Черненко К.И.) о ходе выполнения постановления ЦК КПСС №П 176/125 от 12/ХІІ-79 г. доложили тт. Устинов, Громыко, Андропов (заметим, не указанный в числе присутствовавших. — *Авт.*).

Тов. Брежнев Л.И. высказал ряд пожеланий, одобрив при этом план действий, намеченных товарищами на ближайшее время.

Признано целесообразным, что в таком же составе и направлении доложенного плана действовать Комиссии Политбюро ЦК, тщательно продумывая каждый шаг своих действий...

№13-оп К. Черненко. 27/ХІІ-79»².

Именно это постановление №П 176/125 от 12 декабря 1979 г. о начале непосредственного вмешательства в афганский конфликт, стыдливо замаскированное «К положению в “А”», стало спусковым механизмом «советского Вьетнама».

27 декабря 1979 г. советские спецподразделения захватили дворец Амина в Кабуле и поставили во главе Афганистана Б. Кармаля. 28 декабря 1979 г. советские войска вошли в Афганистан. Началась война.

Андропов был прав. Решение Политбюро о начале вторжения было подкреплено постановлением пленума ЦК КПСС, состоявшегося 23 июня 1980 г.

Позволим себе процитировать стенограмму пленума, касающуюся советского вмешательства в Афганистан, тем более что эти данные прежде не публиковались³.

«Брежнев... Пример тому — Афганистан. Правящие круги США, а также Китай не останавливались ни перед чем, в том числе и перед вооруженной агрессией, чтобы помешать афганцам строить новую жизнь в соответствии с идеалами освободительной революции апреля 1978 г. А когда мы помогли нашему соседу Афганистану по просьбе его правительства дать отпор агрессии,... то Вашингтон и Пекин подняли неслыханный шум... А все дело в том, что рухнули планы втя-

¹ ЦХСД. Ф. 89. Оп. 14. Д. 31. Л. 1.

² Там же.

³ АП РФ. Стенограмма июньского (1980 г.) пленума ЦК КПСС. — М., 1980.

Советские десантники в Афганистане

нуть Афганистан в орбиту империалистической политики и создать угрозу нашей стране с юга...

Громыко... Есть ли возможность найти политическое решение проблем, возникших вокруг Афганистана? Да, есть... Прежде всего, необходимо прекратить внешние вооруженные вторжения против Афганистана... Ключевое значение здесь должны иметь соглашения с Афганистаном и Ираном... Товарищи, за наши действия в Афганистане, за то, что мы выполнили свой долг интернациональной солидарности в отношении революционного Афганистана, за то, что агрессор уже получил основательно по рукам, Советский Союз никому не собирается приносить извинения...

Шеварднадзе... В сегодняшнем мире нет более авторитетного, более последовательного государственного деятеля, чем Леонид Ильич Брежнев, которого глубоко уважают, которому верят... Будучи очевидцем титанической деятельности Леонида Ильича Брежнева, читая

записи его бесед, фундаментальные труды, выступления по внешним и внутренним проблемам, испытываешь искреннюю радость и гордость от сознания того, что во главе партии и государства стоит человек, в котором органично сочетаются широчайшая эрудиция, ленинская принципиальность, пролетарская стойкость, революционная смелость, высокий гуманизм, редкая дипломатическая гибкость.

... И смелый, единственно верный, единственно мудрый шаг, принятый в отношении Афганистана, с удовлетворением был воспринят каждым советским человеком».

В Постановлении пленума «О международном положении и внешней политике Советского Союза» было записано: «...Пленум ЦК полностью одобряет принятые меры по оказанию всесторонней помощи Афганистану в деле отражения вооруженных нападений и вмешательства извне, цель которых – задушить афганскую революцию и создать проимпериалистический плацдарм военной агрессии на южных границах СССР».

А теперь о тех обстоятельствах, которые предшествовали принятию этих решений. Афганистан был традиционно дружественным СССР государством. Советская Россия стала первой страной, которая в 1919 году признала независимость Афганистана и установила с ним дипломатические отношения. Несчастья в Афганистане начались с 1973 г., когда в результате переворота в стране была свергнута монархия и двоюродный брат короля Мухаммед Дауд стал премьер-министром Афганистана. В конфликт оказалась вовлечена афганская армия, среди офицеров которой были сторонники Народно-Демократической партии Афганистана (далее НДПА). Партия, объявлявшая о своей марксистской ориентации, организовала переворот и 27 апреля 1987 г. захватила власть в Кабуле. Правительство Афганистана возглавил Н.М. Тараки, он же – генеральный секретарь ЦК НДПА. Его заместителем в правительстве стал Б. Кармаль.

Приход к власти в Афганистане политической силы, заявлявшей о своей приверженности марксизму и социализму, было воспринято в Москве как возможность «дальнейшего укрепления и расширения социалистического содружества». Г.М. Корниенко, опытный советский дипломат, в ту пору первый заместитель министра иностранных дел СССР, пишет в своих мемуарах: «...Наши партийные идеологи и международники в лице, прежде всего, М.А. Сулова и Б.Н. Пономарева сразу же стали рассматривать Афганистан как социалистическую – в близкой перспективе – страну... Подобным людям Афганистан виделся “второй Монголией”, перепрыгивающей из феодализма в социализм»¹.

¹ Корниенко Г.М. Холодная война. Свидетельство ее участника. – М., 1995. С. 190.

За год правления правительства Тараки внутренняя обстановка в стране дестабилизировалась. Правящая группировка проводила политику террора, не только «борясь с контрреволюционерами», понимаемыми весьма широко, но и с коммунистами-«диссидентами» – партийной группировкой «Парчам». Все это становилось дополнительными факторами дестабилизации в стране. Сложный этнический состав Афганистана, противоречия между пуштунами, таджиками, узбеками, туркменами, хазарейцами переплетались с борьбой за власть и влияние, с неустранимыми попытками проведения реформ, с соперничеством в самой НДПА между ее двумя фракциями – «Хальк» и «Парчам». Социальная база, на которую опирался режим Тараки, быстро сужалась.

Первым грозным признаком междоусобицы в Афганистане стало восстание 17-й дивизии в провинции Герат, начавшееся 15 марта 1979 г. 17 марта 1979 г. в Москву, министру иностранных дел СССР Громыко звонил министр иностранных дел Афганистана Амин, сообщивший, что положение в стране остается стабильным¹. Но уже на следующий день, 18 марта 1979 г., положение резко ухудшилось. В этот день председателю Совета Министров СССР и члену Политбюро ЦК КПСС А.Н. Косыгину позвонил Тараки. Он сообщил, что «в течение последних месяцев с иранской стороны было заброшено около четырех тысяч военнослужащих в гражданской одежде, которые проникли в город Герат и в воинские части. Сейчас вся 17-я пехотная дивизия находится в их руках, включая артиллерийский полк и зенитный дивизион, который ведет огонь по нашим самолетам». По данным Тараки, на сторону мятежников перешло до пяти тысяч человек, верными правительству осталось около пятисот человек во главе с командиром дивизии.

Попытки Косыгина выяснить, можно ли в Герате опереться на помощь местного населения, вызвали неутешительные комментарии Тараки. Он утверждал, что «активной поддержки со стороны населения нет. Оно почти целиком находится под влиянием шиитских лозунгов». Рассчитывать на поддержку рабочих тоже не приходилось. Из 200–250 тысяч жителей Герата рабочих было одна–две тысячи. Тараки утверждал, что Герат в течение ближайших дней должен пасть, и восставшие двинутся на Кабул, столицу Афганистана. Он просил срочно выслать советские войска для подавления восстания, настаивал на применении сухопутных и военно-воздушных сил СССР против афганских мятежников.

---

¹ АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро. 1979, 17 марта. См. так же: Громов Б.И. Ограниченный контингент. – М., 1994. С. 23.

Требования афганского руководства о вмешательстве СССР во внутриафганский конфликт шли сплошным потоком. Афганские власти настаивали на посылке боевых вертолетов с советскими экипажами, предлагали переодеть в афганскую форму советских танкистов, узбеков и таджиков, для участия в боевых действиях на стороне правительства, ввести в Афганистан советские десантные дивизии. Эти просьбы-требования поступали несколько раз в месяц.

Первоначальная реакция советского руководства была более чем сдержанной. 12 апреля 1979 г. на заседании Политбюро отмечалось, что «наше решение отказаться от удовлетворения просьбы руководства ДРА о переброске в Герат советских воинских частей было совершенно правильным. Этой линии следует придерживаться и в случае новых антиправительственных выступлений в Афганистане, исключать возможность которых не приходится»¹. 21 апреля 1979 г. Политбюро приняло решение «О нецелесообразности участия советских экипажей боевых вертолетов в подавлении контрреволюционных выступлений в Демократической Республике Афганистан». Просьба Амина направить 15–20 боевых вертолетов с советскими экипажами была расценена как нецелесообразная, «так как подобные акции будут использованы врагами афганской революции и внешними враждебными силами для фальсификации». Подобные отказы следовали с той же регулярностью, с какой поступали просьбы. Еще 27 октября 1979 г. на встрече с Х. Амином советская сторона отказалась послать в Афганистан армейский госпиталь, предлагая в необходимых случаях лечить афганских военнослужащих в СССР².

Вместе с тем СССР оказывал режиму Тараки, а позже Амину, свергнувшему Тараки, материальную и военную помощь. 24 мая Афганистан получил 1500 автомобилей, большое количество военной техники; было принято решение безвозмездно предоставить Афганистану в 1979–1981 гг. специмущество на 53 млн. рублей, в том числе 140 орудий и минометов, 90 бронетранспортеров, большое число единиц стрелкового оружия, около 1000 гранатометов, другое вооружение, но боевые экипажи не посылать.

Положение изменилось осенью 1979-го. Вопрос о причинах, вынудивших СССР непосредственно вмешаться в вооруженный конфликт, до сих пор остается не до конца ясным. По всей вероятности, одновременно действовало несколько факторов. То, что СССР стоял за так называемой «апрельской революцией» и новой афганской властью,

¹ АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро. 1979, 12 апреля.

² ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 1045. Л. 112–113.

секретом не было. Поэтому поражение политических союзников СССР в Афганистане ставило под сомнение его способность проводить свою политику в регионе. СССР пытался дистанцироваться от правительства Тараки, уходил от непосредственного военного участия в конфликте, но политическая ответственность Советского Союза за судьбу «своего» афганского правительства сохранялась.

Переворот, совершенный Х. Амином в середине сентября 1979 г., через несколько дней после возвращения из Москвы Н. Тараки (в результате которого Тараки был убит), полагаем, заставил Москву задуматься о целесообразности иметь в Кабуле специальное подразделение, которое могло бы непосредственно вмешиваться в афганские интриги. Советские лидеры подозревали, что Амин, всячески демонстрировавший свою верность Советскому Союзу, намерен восстановить связи с США и несколько ослабить зависимость Афганистана от СССР¹. О повышении интереса США к положению в Афганистане после свержения Тараки свидетельствовали многочисленные встречи Х. Амина с послом США в этой стране². Амину в Москве не доверяли, кроме того, считали, что репрессии, обрушенные им против ряда партийных деятелей НДПА, мусульманского духовенства, провоцируют рост недовольства в стране, разжигают внутриафганский конфликт и, следовательно, ухудшают позиции Советского Союза в Афганистане.

Политические лидеры СССР с тревогой следили за укреплением позиций США в этом регионе. Соединенные Штаты, вступив в конфликт с Ираном, осенью 1979 г. ввели свои корабли в Персидский залив. «Если США позволяют себе такое за десятки тысяч километров от своей территории, ... то почему мы должны бояться защитить свои позиции в соседнем нам Афганистане? Так примерно рассуждал Устинов», – вспоминал Г.М. Корниенко, участвовавший в обсуждении афганской проблемы в составе политического руководства страны³.

Казалось бы, на руках у Москвы были все карты для успешного вмешательства в афганские дела: традиционно добрососедские отношения с этой страной, открыто демонстрировавшаяся приверженность кабульских властей союзу с СССР, общая граница, которая позволяла организовать эффективную поддержку политических союзников Москвы. Казалось, не хватало малого: мудрого наставничества из Москвы там, на месте, да ограниченного контингента (на этот раз без ка-

---

¹ Марчук Н.И. Война в Афганистане: «интернационализм» в действии или вооруженная агрессия // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). С. 457–459.

² Там же. С. 459.

³ Корниенко Г.М. Холодная война. Свидетельство ее участника. С. 193.

вычек) советских войск, способных помочь правительству, – и на карте мира появится новое социалистическое государство. Уже цитировавшийся Г.М. Корниенко приводит в своих мемуарах любопытный обмен мнениями, состоявшийся в ЦК КПСС. На его предложение о развитии Афганистана как нейтрального государства последовали резкие возражения со стороны заведующего Международным отделом ЦК КПСС Б.Н. Пономарева и его заместителя Р.А. Ульяновского, которые видели будущий Афганистан социалистическим государством. На вопрос Корниенко: «Неужели можно всерьез считать Афганистан созревшим для социализма?» Ульяновский ответил: «Сейчас в мире нет такой страны, которая не созрела бы для социализма»¹.

Для изменения ситуации в Афганистане в выгодную, как казалось из Москвы, сторону, существовал «запасной руководитель» – находившийся, по существу, в ссылке в Чехословакии – Бабрак Кармаль. Еще год тому назад, в 1978-м, из Чехословакии поступали жалобы на излишнюю политическую активность Б. Кармалю, группирующего вокруг себя противников Тараки и Амина. Сейчас, в новых условиях, Б. Кармаль должен был заменить Х. Амина.

Повторим, переворот в Кабуле и свержение Амина, произошли силами советского спецподразделения, вызванного в Кабул по просьбе самого Амина для охраны его резиденции. Отправка специального отряда ГРУ Генштаба численностью в 500 человек в Афганистан была согласована КГБ и Министерством обороны с Политбюро ЦК 6 декабря 1979 г.

Сразу же после того, как во главе правительства стал Б. Кармаль, ЦК КПСС попытался повлиять на ситуацию в НДПА, сделать ее политику более приемлемой для населения Афганистана. В специальной записке «О некоторых сторонах дальнейшей работы в НДПА после событий 27 декабря 1979 г.»² ЦК КПСС призывал к прекращению внутривластной борьбы между «халькистами» и «парчанистами», отказу от продолжения репрессий, характерных для деятельности Тараки и Амина и направленных против духовенства, офицеров, к использованию политических методов для подавления волнений и восстаний. ЦК КПСС рекомендовал привлечь на сторону Б. Кармалю духовенство, мелкую и среднюю буржуазию.

Новое правительство провело всеобщую амнистию политических заключенных, заявило о своем намерении уважать ислам.

---

¹ Там же. С. 190.

² ЦХСД. Ф. 5. Оп. 77. Д. 800. Л. 1–14.

Все эти предложения были достаточно разумными, но разумность эта была умозрительной, оправданной теоретически, но практически мало применимой.

Беспорен был другой факт: ненавидимого широкими слоями населения Амина свергли его советские хозяева, заменив другим слугой — Бабраком Кармалем.

Непосредственно вмешавшись во внутриафганский конфликт, Советский Союз тем самым принял на себя всю полноту ответственности за обстановку в Афганистане. Обстановка была сложнейшей. Проведение земельной реформы в стране, начатое после «апрельской революции», столкнулось с большими трудностями. 5 % сельского населения страны владело половиной всех обрабатываемых земель¹, и попытки изъять излишки земли без компенсаций вызвали понятное противодействие. К тому же среди тех, у кого пытались отнять землю, оказались офицеры и мусульманское духовенство. Земельная проблема была связана с другой, еще более сложной проблемой Афганистана: запутанными межэтническими отношениями, с претензиями одних народностей на земли других, к спорам между пуштунами и хазарейцами, чараймаками, нуристанцами. Прежнее руководство Афганистана обвинялось в «мелкобуржуазно-левацкой поспешности», в «перескакивании через этапы», но будущее земельной реформы от этого яснее не становилось.

В апреле 1980 г. советское посольство в Кабуле информировало Москву, что «проводившаяся афганским руководством ошибочная, а часто и провокационная практика в отношении духовенства и верующих, племен и национальной буржуазии, облегчала контрреволюции широкую вербовку недовольных... в вооруженные бандформирования. Под контролем последних оказалось около 40 % территории страны, важные транспортные артерии, связывающие провинции с Кабулом... В армии и милиции, которые в результате репрессий лишились значительной части зрелых офицерских кадров,... резко упали морально-политический дух и боеспособность. Большой размах приобрело дезертирство, на сторону мятежников переходили целые подразделения вплоть до батальонов и полков».

Посольство отмечало стремление нового руководства преодолеть наиболее однозные недостатки прежней политики, попытки улучшить отношения с пуштунскими племенами, находившимися в состоянии войны с правительствами Тараки и Амина. Новое правительство Кармала заключило ряд соглашений с этими племенами, обязалось вы-

---

¹ЦХСД. Ф. 5. Оп. 77. Д. 803. Л. 2.

плачивать денежное содержание шейхам, муллам и воинам, а племена, в свою очередь, обязывались охранять переходы между Афганистаном и Пакистаном¹, хотя, как отмечалось в документе, эти племена, сохраняя лояльность правительству, не торопились нести охрану границы.

Вместе с тем продолжалась, принимая зачастую острые формы, борьба внутри НДПА между ее фракциями. Фракция «Хальк», связанная прежде с Х. Амином, имела своих приверженцев в армии (85–90 % офицеров были ее членами), милиции, органах госбезопасности. «Парчам», за которой стоял Б. Кармаль, лидировала в партийном и государственном аппарате².

Боевые действия велись с переменным успехом. Правительственным войскам удалось нанести ряд поражений моджахедам в провинциях Кунар, Лагман, Нангархар, однако активность вооруженной оппозиции не ослабевала.

В экономике Афганистана нарастали трудности. Сокращение объемов производства шло прежде всего за счет частного сектора, который уменьшился более чем на четверть – на 26 %, постоянно росли цены³. Советский Союз оказывался основным донором афганской экономики.

Довольно скоро стало ясно, что события в Афганистане развиваются по своей логике, не только не подвластной советским советникам и афганскому правительству, но и, зачастую, не понятной людям другой культуры и традиций. События в Афганистане и роль в них СССР все больше напоминала Вьетнам и положение там американцев.

Реформы и инвестиции не создавали политических союзников, боевые действия не меняли положения, так как сразу после ухода правительственных войск и их иностранных союзников все возвращалось на прежние позиции. Причем каждая военная операция умножала количество новых врагов власти из числа пострадавших мирных жителей.

Осенью 1981 г. политический обозреватель «Правды» И. Щедров, свидетель и участник всех «малых войн», в которых участвовал Советский Союз, ставший в Афганистане советником газеты «Хакикате инкелабе саур» («Правда апрельской революции»), направил в ЦК КПСС обстоятельную записку о положении в этой стране⁴. При традиционном оптимизме записка содержала ряд тревожных сообщений.

¹ ЦХСД. Ф. 5. Оп. 77. Д. 801. Л. 1–3.

² Там же. Л. 14.

³ Там же. Л. 16.

⁴ Там же. Оп. 84. Д. 855. Л. 42–54.

Щедров сообщал, что, по данным советских партийных советников, правительство контролирует менее 15 % кишлаков, правительственная армия, в три раза превышая по численности противников, не смогла очистить полностью ни одну провинцию, «парчамисты» и «халькисты» продолжают борьбу между собой, причем представители «Парчам» заняли 27 из 29 губернаторских постов в стране. По мнению Щедрова, правительство ничего не делает для разрешения межэтнических противоречий. Пуштуны, по его сведениям, составлявшие около 45 % населения, претендуют на руководство страной, при этом игнорируются интересы других этнических групп: таджиков, составляющих до 35 %, узбеков, хазарейцев, киргизов, нуристанцев, белуджей. Из-за этого в провинциях с преобладающим непуштунским населением возникли провозгласившие независимость от центра «Хазарейская республика», таджикские и узбекские полугосударственные образования.

«Тактика “погони за бандами” и “разгрома бандитских гнезд” на их же территории, – писал Щедров, – встречает нарастающую критику и со стороны местного населения: в ходе этих операций нередко разрушаются жилища, посевы, гибнет гражданское население, а в результате все остается по-прежнему: бандиты возвращаются и вновь контролируют эти районы»¹.

Советским войскам пришлось столкнуться в Афганистане с большими трудностями. Боевые действия велись в горной местности, что влияло на все: на тактику войск, особенности вооружения, радиосвязь, питание. Армии пришлось воевать с вооруженным населением, применявшим тактику партизанской борьбы. Солдаты и офицеры болели (гепатит, болезнь Боткина). Среди солдат распространялись наркотики. Призывники из республик Средней Азии – таджики, узбеки, туркмены, киргизы, по словам командующего 40-й армией, действовавшей в Афганистане, генерала Б.В. Громова, отказывались выполнять приказы². Их заменяли солдатами-призывниками из России. Традиционная тактика советских войск, ориентированных на борьбу с потенциальным противником – НАТО, оказалась неприемлемой в условиях Афганистана. Неясной оставалась цель пребывания советских войск. Считалось, что боевые операции должна проводить афганская армия, а советские войска – охранять крупные центры, важные транспортные магистрали. Но на практике нашему «ограниченному контингенту» приходилось постоянно воевать с моджахедами.

---

¹ ЦХСД. Ф. 5. Оп. 84. Д. 855. Л. 51.

² Громов Б.В. Ограниченный контингент. – М., 1994. С. 284.

Кошмар отправки в Афганистан сыновей после призыва в армию навис над многими советскими семьями. Воевать отправляли мальчишек, знавших войну только по рассказам, книгам и кинофильмам. Министерство обороны добилось призыва в армию студентов, прежде имевших право на отсрочку от воинской службы. В страну пошли «похоронки», на улицах появились молодые инвалиды.

Уже в 1982 г. советское руководство стало предпринимать энергичные действия по прекращению войны. 18–19 июля состоялись переговоры по Афганистану министра иностранных дел СССР Громыко и государственного секретаря США Хейга. Громыко изложил позицию советского правительства, согласно которой Афганистан должен был стать независимым, неприсоединившимся государством. СССР гарантировал вывод войск из Афганистана при наличии международных гарантий невмешательства правительств Пакистана и Ирана в афганские дела.

Хейг заявил, что американская сторона – за нормализацию положения вокруг Афганистана. По его словам, США хотели бы, «чтобы в Кабуле было независимое и неприсоединившееся правительство». Советская и американская стороны договорились о проведении консультаций по Афганистану и о создании постоянной группы экспертов¹.

Ситуация напоминала недавние события во Вьетнаме. СССР и США были готовы проводить согласованную политику. Но логика гражданской войны мешала договориться афганцам с афганцами. Целями советской политики являлись: вывод своих войск, сохранение режима, пришедшего к власти при помощи СССР, создание известной политической стабильности в стране. Но одновременно решить эти три задачи не удавалось.

Война продолжалась. Советские дипломаты пытались непосредственно участвовать во внутриафганском урегулировании, посещали многие провинции страны, встречались с представителями племен, пытались способствовать урегулированию. Это была тяжелая и опасная работа, стоившая жизни С.П. Гаврилову, который погиб в 1983 г. при невыясненных до сих пор обстоятельствах.

Безнадёжная, тяжкая, бессмысленная, последовательно замалчиваемая в официальных советских средствах массовой информации война в Афганистане тянулась для СССР до февраля 1989 г., в ней участвовало 620 тысяч военнослужащих. Война стоила жизни 14453 человек, более ста тысяч вернулись из Афганистана больными. Советские войска вышли из Афганистана организованно. Поддерживаемый ими ре-

---

¹ ЦХСД. Ф. 5. Оп. 88. Д. 974. Л. 108–109.

жим продержался три года, чтобы, рухнув, открыть новый, еще более страшный этап гражданской войны. В наши дни эта война подошла к границам государств Средней Азии, образовавшихся на постсоветском пространстве.

Две солидарности: социалистическая и польская. С 70-гг. в Польше начались массовые выступления жителей страны против существовавшего политического режима. Польша стала первой страной «социалистического содружества», в которой реально возникла альтернатива политической власти. Влияние движения «Солидарность» стремительно распространялось среди населения. Мы затронем только один аспект взаимоотношений Польши и СССР: отношение руководства КПСС к событиям, происходившим в Польше.

Советское руководство было встревожено этими событиями, во-первых, потому что в польском варианте оппозиция укрепилась среди рабочих, той силы, которая по идеологическим представлениям должна была быть опорой режима, во-вторых, в ЦК КПСС существовало традиционно осторожное, если не настороженное, отношение к польским коллегам. Кроме этого, Польша являлась крупнейшим западным соседом СССР, отделявшим Советский Союз от «потенциального противника» – стран НАТО.

С лета 1980 г. начались интенсивные контакты советского и польского политического руководства. В июле в Крыму первый секретарь ЦК ПОРП Э. Герек и генеральный секретарь ЦК КПСС Л. Брежнев неоднократно беседовали о ситуации, складывающейся в Польше. Брежнев убеждал Герека «решительно пресекать все попытки использовать национализм для насаждения антисоциалистических, антисоветских настроений, исказить историю советско-польских отношений, ...развернуть непримиримую контрпропаганду против стремлений смазать классовое содержание социалистического патриотизма под лозунгом “все поляки – братья”, ... в политической борьбе с антисоциалистическими элементами не уходить в оборону, а вести против них последовательное наступление».

21 августа Брежнев направил Гереку письмо, а уже 25 августа было принято специальное постановление Политбюро ЦК КПСС «К вопросу о положении в Польской Народной Республике»¹.

В постановлении было записано:

«1. Одобрить информацию т. Брежнева Л.И. об обстановке, складывающейся в Польской Народной Республике.

---

¹ АП РФ. № П210/П от 25 августа 1980 г.

2. Образовать Комиссию Политбюро ЦК в составе: тт. Суслов М.А. (созыв), Громыко А.А., Андропов Ю.В., Устинов Д.Ф., Черненко К.У., Зимянин М.В., Архипов И.В., Замятин Л.М., Рахманин О.Б.

Поручить Комиссии внимательно следить за складывающейся в ПНР обстановкой и систематически информировать Политбюро о положении дел в ПНР и о возможных мерах с нашей стороны. Предложения по мере необходимости вносить в Политбюро ЦК КПСС.

«Комиссия Суслова» подготовила предложения для переговоров с польским руководством, которые были утверждены Политбюро 3 сентября 1980 г.

В них содержались следующие положения:

«1. Дать точную оценку ситуации и занять ясную позицию по отношению к соглашению с т. н. «объединенными забастовочными комитетами» (ОЗК) в Гданьске и Щецине... Соглашение по существу означает легализацию антисоциалистической оппозиции.

2. ...Задача состоит в том, чтобы готовить контрнаступление и вернуть утраченные позиции в рабочем классе, в народе.

3. ...Необходимо первостепенное значение придать укреплению руководящей роли партии в обществе.

...В срочном порядке осуществить меры по повышению боевитости всех партийных организаций с учетом политического кризиса. Решительно избавляться от явно чуждых партии людей, сообразуясь со специфическими условиями, существующими сейчас в стране.

4. Для восстановления нарушенной связи партии с рабочим классом осуществить коренное обновление профсоюзов. Сделать все, чтобы не допустить роспуска или самороспуска существующих профсоюзов (ЦСПС) и их организаций... Направить усилия на ограничение деятельности и влияния т. н. «самоуправляемых» профсоюзов в массах, осуществляя эту задачу преимущественно путем соответствующей мобилизации общественного мнения. Активно внедрять в т. н. «самоуправляемые» профсоюзы преданных партии людей...»

5. С учетом опасностей, создаваемых деятельностью антисоциалистических сил, осуществлять по государственной линии необходимые меры по укреплению социалистического правопорядка.

...Усилить внимание к армии, уделив особое внимание военно-политической подготовке личного состава. Использовать возможность привлечения командных армейских кадров к партийно-хозяйственной работе.

...Принять необходимые меры по разоблачению политического лица и замыслов главарей оппозиции.

б. В области средств массовой информации и пропаганды сосредоточить усилия на дальнейшем укреплении партийного руководства и контроля за их деятельностью... Средствам массовой информации показывать, что события в Польше вызваны не недостатками социалистической системы, а ошибками и просчетами, а также некоторыми объективными причинами (стихийные бедствия и т. д.)... Освещать экономическую выгодность сотрудничества с СССР и другими братскими странами...»¹.

Кремлевское руководство было недовольно тем, как развивались события в Польше, раздражено отсутствием решительных действий ЦК ПОРП против оппозиции. Это недовольство открыто прорвалось на заседании Политбюро 29 октября 1980 г., где обсуждалась подготовка предстоявшего визита польской партийно-правительственной делегации в составе первого секретаря ЦК ПОРП Кани и председателя Совета Министров ПНР Пиньковского².

Члены Политбюро демонстрировали полное единомыслие.

Андропов. Действительно, прямой постановки вопроса о том, что в Польше налицо контрреволюция, ни в печати, ни по радио, ни по телевидению нет, не говорят об этом и польские руководители.

Брежнев. У них уже сейм начинают отбирать, а они говорят о том, что якобы армия стоит на их стороне... Может быть, действительно потребуется ввести военное положение...

Устинов. Если не ввести военного положения, то дело будет очень осложнено и будет еще сложнее. В армии имеются шатания. Но Северная группа войск у нас подготовлена и находится в полной боевой готовности...

Громыко. Надо польским друзьям сказать твердо и резко... Что касается т. Ярузельского, то, конечно, он человек надежный, но все-таки сейчас начинает как-то говорить без особого пыла. Он даже так высказывается, что войска не пойдут против рабочих. В общем, я думаю, что полякам надо сказать обо всем и очень резко... Что касается введения чрезвычайного положения в Польше, то это нужно иметь в виду как меру для спасения революционных завоеваний... Нам нельзя терять Польшу. Советский Союз в борьбе с гитлеровцами, освободя Польшу, положил 600 тысяч своих солдат и офицеров, и мы не можем допустить контрреволюцию...»

Прибывающим на следующий день польским вождям в Кремле не доверяли. Андропов предложил не отдавать делегации подготовитель-

¹ АП РФ. П213/38 03. 09. 80. Постановление Политбюро ЦК «О тезисах для беседы с представителями польского руководства».

² АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро. 1981, 29 октября.

ных материалов: «Если мы их передадим, то не исключено, что они могут попасть к американцам.

Брежнев. Это действительно может быть.

Русаков. Пусть они внимательно слушают Леонида Ильича и записывают...

Горбачев. Я считаю, что очень правильно поступило Политбюро, что пригласило польских руководителей для беседы в Москву. Польским друзьям следует сказать прямо и решительно. Они пока не принимают должных мер, занимают какую-то оборонительную позицию, а при такой позиции долго не продержаться, их самих могут сбросить. Беседу нужно начинать, Леонид Ильич, Вам. Текст, по-моему, очень хороший, никаких замечаний нет. В нем есть все идеи, которые нужно высказать польским друзьям. Затем после Вашей беседы можно будет и их выслушать...».

Членам политического руководства было ясно, что без крупной экономической подпитки режим в Польше не устоит. Поэтому требовалось оказывать дальнейшую экономическую помощь. Однако ресурсы самого СССР сокращались. Председатель Госплана СССР Н.К. Байбаков рассуждал на заседании: «Что мы можем дать? Мы можем, конечно, пообещать им продлить кредит в сумме 280 млн рублей, затем дать кредит в сумме 150 млн рублей. Это краткосрочный кредит, который нужен им сейчас для уплаты процентов по займам. Далее сказать, что мы можем несколько увеличить поставки топлива в 1981 г., например, на 500 млн рублей. ...В общем получится, что мы окажем им таким образом помощь в сумме около 1 млрд рублей. Я думаю, что, может быть, следует нам все-таки подготовить письма братским партиям... Придется снять поставки нефти со всех стран, кроме Кубы, Монголии, Вьетнама. Можно было срочно предоставить Польше зерна – 500 тысяч тонн, несколько больше хлопка, увеличить поставки дизельного топлива – до 200 тысяч тонн».

31 октября 1980 г., подводя итоги уже прошедшего визита, Брежнев сообщил: «... Мы прямо спросили Каню, есть ли у партии план на чрезвычайный случай, когда возникнет открытая угроза народной власти. Он сказал, что план на этот случай есть, что они знают, кого нужно будет арестовать, как использовать армию. Но, судя по всему, к такому шагу они пока не готовы, отодвигают его на неопределенное время... Кания, как я уже сказал, проявил определенную сдержанность лишь в вопросе введения чрезвычайного положения. Что касается других предложенных нами мер, то он заявил, что согласен с ними. У нас было полное взаимопонимание и в оценке причин кризиса, и размеров контрреволюционной угрозы...»¹.

¹ АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро, 1981, 31 октября.

5 декабря 1980 г. в Москве состоялась встреча руководящих деятелей государств-участников Варшавского Договора. Общая позиция лидеров социалистических стран мало отличалась от советской. Бессменный идеолог КПСС М.А. Суслов, информируя членов Политбюро, сообщал: «В выступлениях всех остальных товарищей содержались советы польским друзьям, как поступать, насколько решительно надо наступать на антисоциалистические элементы. Тов. Гусак, например, привел немало примеров из практики 1968 г., когда ЦК КПЧ пришлось вести упорную борьбу с правыми элементами. Тов. Кадар также говорил о выступлениях контрреволюционных элементов в 1956 г. в Венгрии, когда ему пришлось применить резкие административные меры для того, чтобы сокрушить контрреволюцию. Тов. Чаушеску, верный своей традиции, говорил больше о самостоятельности, суверенитете, о невмешательстве во внутренние дела и т. д.»

Опасаясь влияния идей «Солидарности» на советское общественное мнение, ЦК КПСС ограничил распространение в СССР польских газет и журналов¹, был сокращен советско-польский туризм².

Давление советской стороны на польское руководство продолжалось непрерывно. 22 января 1981 г. на заседании Политбюро министр обороны СССР Д.Ф. Устинов сообщал об итогах визита в Польшу первого заместителя министра обороны СССР, главнокомандующего войсками Варшавского договора В.Г. Куликова. «Впечатление т. Куликова таково, что в Польше серьезного перелома нет. Нам нужно постоянно нажимать на польское руководство, постоянно его подпитывать. Мы намечаем в марте провести маневры в Польше. Мне кажется, что следует эти маневры несколько приподнять, то есть, иначе говоря, дать понять, что у нас силы наготове»³.

23 февраля 1981 г. на XXVI съезде КПСС Брежнев заявил: «Социалистическую Польшу в обиду не дадим».

30 марта, разговаривая с Каней, Брежнев обвинял его и руководство ЦК ПОРП в том, что, стремясь предотвратить всеобщую забастовку в стране, они пошли на серьезные уступки «Солидарности», которые советский лидер назвал капитуляцией⁴. По словам Громыко, произошла легитимизация «Солидарности».

---

¹ Были приняты два постановления секретариата ЦК КПСС – 4 октября 1980 г. и 22 декабря 1980 г. «О некоторых дополнительных мерах по контролю за распространением польской печати в СССР».

² Постановление секретариата ЦК от 28 ноября 1980 г. «О временном сокращении туристского обмена между СССР и ПНР».

³ АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро. 1981, 22 января.

⁴ АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро. 1981, 2 апреля. С. 6.

На заседании 2 апреля 1981 г. была достигнута договоренность о проведении секретной встречи Андропова и Устинова с Каней и Ярузельским в Бресте. Громыко, обсуждая предстоящую встречу, рекомендовал: «Если они пойдут, как говорится, на частичное введение чрезвычайных мер, то нужно спросить их, будут ли они уверены в том, что армия, МВД и органы госбезопасности будут на их стороне. Я думаю, что было бы правильно сделать глубокий анализ,.. является ли армия основной силой и можно ли опираться на нее... При любом положении нам нужно идти на то, чтобы высказать польским товарищам необходимость принятия более жестких, я бы сказал, чрезвычайных мер для наведения порядка и что дальнейшее отступление для них совершенно неприемлемо, дальше отступать уже совершенно нельзя»¹.

Ему вторил Андропов. «Нам нужно действительно... сказать о принятии строгих мер, не бояться того, что это вызовет, может быть, и кровопролитие. Они ведь вместо строгих мер суют нам так называемое “политическое урегулирование”. Мы говорим им о принятии военных мер, административных, судебных, но они постоянно ограничиваются политическими мерами. Вместе с тем нам нужно серьезно поставить вопрос перед польскими друзьями о том, чтобы они заставили “Солидарность” отвечать за дела в Польше. А то ведь сейчас как складываются дела? Экономический хаос, неразбериха, ... недостатки в снабжении продовольствием и другие дела вызваны по вине “Солидарности”, а отвечает за них правительство»².

Брежнев предлагал: «Надо будет им сказать, что означает введение военного положения и разъяснить все толком».

«Правильно, – продолжал Андропов, – надо именно рассказать, что введение военного положения... означает установление комендантского часа, ограниченное движение по улицам городов, усиление охраны государственных, партийных учреждений, предприятий и так далее». Андропов отметил также, что польские события начинают оказывать влияние на СССР, в особенности на Белоруссию и Грузию.

9 апреля 1981 г. Андропов и Устинов докладывали об итогах встречи в Бресте. «Мы с Устиновым Д. Ф. в соответствии с договоренностью с польскими товарищами выехали в Брест, – рассказывал Андропов, – и там, вблизи Бреста, в вагоне состоялась наша встреча. Встреча началась в 9 часов вечера и закончилась в 3 часа ночи с таким расчетом, чтобы польские товарищи не обнаружили себя, что они куда-то выезжали».

---

¹ Там же. С. 8.

² Там же. С. 10.

«Каня был вынужден сказать, – отметил Андропов, – что контрреволюция сильнее власти. Что касается ввода войск (советских. – *Авт.*), они прямо сказали, что это совершенно невозможно, точно также нельзя вводить военное положение. Говорят, что их не поймут и они будут бессильны что-либо сделать. Товарищи подчеркнули в беседе, что они наведут порядок своими силами»¹.

На секретной встрече обсуждался даже текст документа о введении военного положения. Проект его был привезен из Москвы, но Каня и Ярузельский отказались его подписать, оговорив возможность подписания в более позднее время².

23 апреля на заседание Политбюро была представлена очередная записка «Комиссии Сулова» – «О развитии обстановки в Польше и некоторых шагах с нашей стороны»³.

Записка констатировала: «Внутриполитический кризис в Польше принял затяжной хронический характер. ПОРП в значительной мере утратила контроль над процессами, происходящими в обществе. В то же время “Солидарность” превратилась в организованную политическую силу, которая способна парализовать деятельность партийных и государственных органов и фактически взять в свои руки власть. Если оппозиция пока не идет на это, то прежде всего из опасения ввода советских войск и надежд добиться своих целей без кровопролития, путем ползучей контрреволюции». «Комиссия Сулова» выделяла три группировки в руководстве ПОРП. К правому флангу были отнесены Фишбах, Верблян, Раковский, Яблоньский. Их определяли как «ревизионистов», имеющих поддержку в партийных организациях, попавших под влияние «Солидарности».

На левый фланг комиссия зачислила Грабского, Жабиньского, Ольшовского, Кочелека. Их оценили как «наиболее близких к нашим позициям».

Центристами были объявлены Каня и Ярузельский. Отмечалось, что они стоят на позициях дружбы с СССР, за сохранение обязательств по Варшавскому договору. «Оба они, особенно Ярузельский, пользуются авторитетом в стране. В настоящий момент фактически нет других деятелей, которые могли бы осуществлять партийно-государственное руководство».

Рекомендации комиссии были направлены на укрепление единства ПОРП, сохранение позиций «левого крыла» в руководстве, усиление влияния партии в армии, МВД.

---

¹ АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро. 1981, 9 апреля. С. 2–3.

² Там же. С. 3–4.

³ АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро. 1981, 23 апреля.

Казалось, все развивалось по уже знакомому чехословацкому сценарию 1968 г.: кризис в стране, противоречия в высшем политическом руководстве, недовольство Москвы действиями своих подопечных, «международная солидарность социалистического содружества в противодействии проискам реакции» – все было так, как и раньше. Однако при внимательном рассмотрении обнаруживалась разница. Прежде всего, польское руководство оказалось более сплоченным, чем в свое время чехословацкие партийные лидеры. По крайней мере из Варшавы не шли «пригласительные письма», провоцировавшее советское руководство на активные действия «в защиту социализма». Однако важнее было другое. Ни в одном протоколе Политбюро нет прямых сведений о подготовке возможного вторжения советских войск в Польшу. Об оказании давления на польское руководство, о необходимости ввести военное положение говорилось много, но о подготовке вторжения – нет ни одного документа.

СССР неумолимо увязал в Афганистане. «Афганский вопрос известным образом влияет и на обстановку в ПНР», – неожиданно заявил председатель Совета Министров СССР Тихонов при обсуждении на Политбюро дежурного вопроса «О беседе с товарищем Бабраком Кармалем»¹. Тихонов имел в виду экономический аспект проблемы. Расходы на войну в Афганистане росли, к этому добавлялись проблемы польской экономики. Надо было выделять кредиты, чтобы оплачивать польские долги, поставлять туда нефть и нефтепродукты, а поставки польского угля в этих условиях составляли только 57 % от запланированного. Осложнялись военно-политические аспекты афганской проблемы. Уже полтора года советские войска непосредственно участвовали в боевых действиях. Однако под контролем просоветского правительства Бабрака Кармаля находилось всего лишь 5 тысяч из 35 тысяч афганских кишлаков, не было ни одной провинции, которая полностью управлялась бы властями Демократической Республики Афганистан, проблемы, существующие внутри господствовавшей в Афганистане группировки, становились все более сложными². Советские войска несли тяжелые потери. Партийные лидеры СССР осознавали опасность, а главное, бесперспективность сложившейся ситуации.

В этих условиях активные действия на западной границе (а они в случае ввода советских войск в Польшу были неизбежны) становились невозможными.

¹ АП РФ, Рабочая запись заседания политбюро. 1981, 4 июня. С. 11.

² ЦХСД. Ф. 5. Оп. 84. Д. 855. Л. 43–44.

Записка Минобороны, МИД, КГБ, Отдела ЦК от 31 августа 1981 г. «Тенденции развития обстановки в Польше и направления наших возможных действий» рекомендовала польскому руководству поддерживать постоянную готовность по установлению особого режима для отдельных предприятий, отраслей, например, транспорта, или районов – вплоть до введения военного положения.

Это сохраняло возможность оказывать давление на польское руководство. Нарастало раздражение Брежнева против первого секретаря ЦК ПОРП С. Кани, который становился в его глазах символом уступок и капитуляции перед политическими противниками из «Солидарности». Брежнев даже не пытался скрывать это отношение – и в телефонном разговоре с Каней 16 июня, и при встречах с ним в Крыму, и на заседании Политбюро 10 сентября 1981 г.

Отставку Кани и избрание первым секретарем ЦК ПОРП генерала В. Ярузельского в Москве встретили с облегчением и надеждой. Ему сразу же позвонил Брежнев, и 19 октября между польским и советским лидерами состоялся обстоятельный телефонный разговор.

Поздравив Ярузельского, Брежнев призвал его, «не теряя времени, переходить к намеченным вами решительным действиям против контрреволюции. Мы надеемся, что теперь все – и в Польше, и за рубежом – почувствуют, что дела в стране пойдут по-иному».

Ярузельский демонстрировал согласие с Брежневым. «В соответствующей обстановке надо применять решительные действия, чтобы давать бой там, где будет уверенность в успехе. Я сейчас еду на заседание Военного совета Вооруженных Сил в Министерство обороны. Я поставлю и там соответствующие задачи. Мы будем широко включать армию во все области жизни страны.

Вчера, после пленума, я имел встречу с первыми секретарями областных комитетов и сказал, чтобы они не обижались на то, что мы будем [привлекать] людей из вооруженных сил в осуществление некоторых процессов, будем расширять встречи офицерского состава с рабочим классом, чтобы непосредственно влиять на рабочих, чтобы изолировать их от влияния “Солидарности”. Конечно, мы не меняем нашего генерального направления в том смысле, что, борясь за здоровые силы народа, которые заблуждаются и вошли в “Солидарность”, привлекая их на нашу сторону, одновременно мы будем бить противника и, конечно, так бить, чтобы это приносило результаты».

Очевидно, после прихода к власти Ярузельского советские власти окончательно решили для себя вопрос о возможности ввода советских войск в Польшу. 29 октября 1981 г. Андропов заявил на заседании Политбюро: «Польские руководители поговаривают о военной помо-

щи со стороны братских стран. Однако *нам нужно твердо придерживаться своей линии – наши войска в Польшу не вводить»* (курсив наш. – Авт.).

Следом за Андроповым выступил министр обороны СССР маршал Устинов. «Вообще надо сказать, что наши войска вводить в Польшу нельзя. Они, поляки, не готовы принять наши войска»¹.

Напомним, что Устинов и Андропов были не только влиятельнейшими членами Политбюро, но и людьми, в огромной степени ответственными за вторжение в Афганистан. Их позиция безусловно являлась решающей для Политбюро.

Не собираясь вторгаться в Польшу, политическое руководство СССР приняло на себя обязательства расширить экономическую помощь Польше, что и было обещано Ярузельскому. Следовало направить туда 30 тыс. тонн мяса, увеличить поставки газа и нефти. Ресурсы собирали с трудом, то же мясо изымали из государственных резервов – потребовались дополнительные поставки мяса из союзных республик. Сам Брежнев скептически смотрел на помощь продовольствием. «Я все думаю о том, хотя мы Польше и дали 30 тысяч тонн мяса, но едва ли поможет полякам наше мясо. Во всяком случае, у нас нет ясности, что же будет дальше с Польшей. Никакой инициативы товарищ Ярузельский не проявляет»².

С приходом Ярузельского произошло своего рода дистанцирование польского политического руководства от СССР. Это не означало ослабления связей между Москвой и Варшавой. Происходило нечто иное – инициативу из рук Кремля перехватил генерал Ярузельский. Он не скрывал своего намерения осуществить «Операцию “X”», однако обуславливал ее проведение рядом требований к СССР. «Ярузельский, – заявлял Андропов на заседании Политбюро 10 декабря 1981 г., – довольно настойчиво выдвигает перед нами экономические требования и обуславливает проведение “Операции “X” нашей экономической помощью и, я сказал бы, даже более того: он ставит, хотя и непрямо, о военной помощи... В связи с этим я хотел бы высказать, что наша позиция, как она была сформулирована раньше на прошлом заседании Политбюро и ранее ее неоднократно высказывал Леонид Ильич (Брежнев. – Авт.), является совершенно правильной и отступать от нее мы не должны. Иначе говоря, мы занимаем позицию интернациональной помощи, мы озабочены сложившейся в Польше обстановкой, но что касается проведения “Операции “X”, то это целиком

¹ АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро. 1981, 29 октября. С. 5.

² Там же. С. 7.

и полностью должно быть решением польских товарищей, как они решат, так тому и быть. Мы не будем настаивать на этом и отговаривать не будем»¹.

Трудно не увидеть в этих словах Андропова нерешительность и даже растерянность, несвойственную председателю КГБ, имевшему репутацию интервенциониста (напомним о его исключительно жесткой реакции в отношении Чехословакии в 1968 г., и «заслуги» в организации вторжения в Афганистан).

Судя по имеющимся в нашем распоряжении документам, причин было несколько. Первая связана с практическим устранением СССР при подготовке «Операции "X"», более того, советская сторона оказалась практически лишена информации о готовящемся введении военного положения в стране. Казалось бы, подобная информация должна была поступать в СССР из разных источников: по партийным, военным, дипломатическим каналам, по линии КГБ – но этого не произошло. 10 декабря, менее чем за три дня до введения военного положения в Польше, Политбюро ЦК КПСС не только не имело точных данных о сроках осуществления «Операции "X"», но и не знало, будет ли она вообще проведена!

«Курировавший» соцстраны секретарь ЦК Русаков, только что вернувшийся из Польши, сообщил то, что и так было известно: на последнем заседании все члены Политбюро ПОРП единогласно высказались за введение военного положения. Дальше начинались загадки. Русаков ссылался на сведения, полученные послом СССР в ПНР, что Ярузельский, выступая перед секретарями воеводских комитетов ПОРП «не дал ясной, четкой линии. Никто не знает, что все-таки будет в ближайшие дни. Шел разговор об "Операции "X"». Сначала речь шла, что она будет в ночь с 11-го на 12, затем с 12-го на 13. А теперь уже поговаривают, что это будет около 20».

9 декабря Андропов звонил своему польскому коллеге Милевскому «и спросил его, какие и когда намечаются меры. Он ответил мне, что об "операции "X" и о конкретном сроке ее проведения не знает. Таким образом получается, что или Ярузельский скрывает от своих товарищей план конкретных действий, или он просто уходит от проведения этого мероприятия».

Не лучше обстояло дело и по линии военных. Маршал Устинов подтвердил, что он ничего не знает о планах Ярузельского. «У меня был разговор с Сивицким. Он прямо сказал, что мы даже не знаем, что думает генерал. Таким образом, человек, выполняющий сейчас по

¹ АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро. 1981, 10 декабря. С. 532.

существо обязанности министра обороны ПНР, не знает, что будет дальше, какие действия предпримет председатель Совмина...».

Другая причина, опасность которой, как нам представляется, ясно осознавалась в Кремле, — международные, военно-политические и стратегические последствия непосредственного вмешательства СССР в польские дела. Следует отметить, что сам Ярузельский всячески подчеркивал зависимость своих будущих действий от Советского Союза. Тот же Русаков отмечал: «Ярузельский имеет в виду связаться по этому вопросу с союзниками. Он говорит, что если польские силы не справятся с сопротивлением “Солидарности”, то польские товарищи надеются на помощь других стран, вплоть до введения вооруженных сил на территорию Польши. При этом Ярузельский ссылается на выступление товарища Куликова, который будто бы сказал, что помощь СССР и союзных государств военными силами Польше будет оказана. Однако товарищ Куликов сказал не прямо, он просто повторил слова, которые в свое время были высказаны Л.И. Брежневым о том, что мы Польскую Народную Республику в беде не оставим».¹

Ссылки Ярузельского на слова Куликова, а точнее, на возможность интерпретировать их как гарантию военного вмешательства СССР в польские дела вызвали в Политбюро ЦК КПСС явный отпор. Ярузельский, таким образом, привязывал Советский Союз к колеснице польской партийной политики. Это создавало опасности для СССР, увязшего в Афганистане, осложнившего свои отношения с Западом.

Поэтому реакция Андропова на информацию Русакова оказалась резкой: «Если товарищ Куликов действительно сказал о вводе войск, то я считаю, он сделал это неправильно. Мы не можем рисковать. Мы не намерены вводить войска в Польшу... Я не знаю, как будет дело обстоять с Польшей, но если даже Польша будет под властью “Солидарности”, то это будет одно. А если на Советский Союз обрушатся капиталистические страны, а у них уже есть соответствующая договоренность с различного рода экономическими и политическими санкциями, то для нас это будет очень тяжело. Мы должны проявлять заботу о нашей стране, об укреплении Советского Союза. Это наша главная линия»².

Маршал Устинов защищал своего заместителя. «Что касается того, что якобы товарищ Куликов сказал относительно введения войск в Польшу, то могу со всей ответственностью сказать, что этого Куликов

---

¹ Там же. С. 530–531.

² Там же. С. 532.

не говорил. Он просто повторил то, что было сказано нами и Леонидом Ильичем о том, что Польшу в беде мы не оставим. И он прекрасно знает, что поляки сами просили не вводить войска... Что касается наших гарнизонов в Польше, то мы их укрепляем»¹.

Итог обсуждения подвел многоопытный Суслов. «...Пусть сами польские товарищи определяют, какие действия им предпринимать. Толкать их на какие-то решительные действия нам не следует... Поляки заявляют прямо, что они против ввода войск. Если войска будут введены, это будет означать катастрофу. Я думаю, у нас у всех здесь единодушное мнение, что ни о каком вводе войск речи быть не может. Что касается оказания помощи Польше, то мы оказали ее больше, чем на миллиард рублей. Мы недавно приняли решение поставить 30 тысяч тонн мяса, 16 тысяч уже поставлено».

Суслов высказался против роспуска ПОРП и создания новой партии².

13 декабря, в день введения военного положения в Польше, состоялся телефонный разговор Брежнева и Ярузельского. «Вы приняли хотя и трудное, но, безусловно, правильное решение, – заявил Брежнев. – ... У нас высоко оценено Ваше, Войцех, обращение к народу... Хочу еще раз подчеркнуть: вы можете рассчитывать на нашу твердую политическую и моральную поддержку. Окажем вам и посильную экономическую помощь».

Через день, 15 декабря, между ними состоялся еще один разговор по телефону. Брежнев сообщил об экономической помощи Польше, Ярузельский – о том, что польское руководство полностью владеет ситуацией, действует решительно, забастовочные очаги сокращаются, установлен комендантский час, милиция и армия наводят порядок.

* * *

Время, привычно называемое «периодом застоя», конец 60-х – начало 80-х гг., стало и высшей точкой развития социализма в СССР. Огромное государство непрерывно увеличивало объем промышленного производства. Природные ресурсы – нефть, золото – шли на оплату закупок сельскохозяйственной продукции. Создавалась иллюзия способности преодолеть уже намечавшийся экономический кризис за счет экстенсивных факторов развития. Лидеры государства сознательно отказывались от проведения реформ, увидев на примере Чехословакии их опасность для «реального социализма».

---

¹ АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро. 1981, 10 декабря. С. 535.

² Там же. С. 527–536.

В политической жизни страны утвердился «неосталинизм», то есть строжайший идеологический контроль и диктат, преследование инакомыслия, радикальное повышение роли Комитета государственной безопасности в обществе, сопоставимое только с ролью ЦК КПСС, а в ряде случаев даже превосходившего своим влиянием ЦК. Это сочеталось с так называемой «заботой о кадрах» – устойчивостью господствующего партийно-государственного номенклатурного слоя.

Влияние Советского Союза распространялось не только на «страны социалистического лагеря» (за исключением, пожалуй, Китая и Албании), но и на страны Африки (Анголу, Эфиопию, Судан, Сомали, Ливию, Конго, Кабо-Верде, Гвинею, Гвинею-Бисау, Мали), на ряд государств Восточной Азии (Вьетнам, Камбоджу), Латинскую Америку (Кубу, Никарагуа, Чили). «Третий мир» становился полем «холодной войны», нередко оборачивавшейся для граждан этих стран настоящими войнами.

В 70-е – начале 80-х гг. признаки экономического кризиса в СССР проявлялись все более отчетливо. Если Афганистан стал логическим продолжением политики расширения советского влияния, то отказ от активных действий в Польше свидетельствовал: власть осознавала нарастание трудностей для собственной страны, трудностей, игнорировать которые было уже невозможно.

Очерк 9

Больная власть (1982–1985)

Только-только пришел к власти Андропов,
казалось, коммунизм ой как надолго!

Ю. Кублановский¹.

«Ходят слухи по домам...». Андропов: попытка возрождения коммунистического фундаментализма. Рождение «гласности». Борьба со злоупотреблениями и коррупцией, репрессии в сфере обслуживания и торговли. «Узбекское дело». Новые люди. В поисках наследника. Южнокорейский «Боинг» № 007. Черненко у власти

Ходят слухи по домам...» Начало 80-х гг. стало временем кризиса. Это не было ученым рассуждением экономистов: его очевидность была видна любому гражданину страны. СССР «вляпался» в афганскую войну. Телевидение рассказывало об «интернациональной помощи», а в страну шли похоронки. Товары стали «дефицитом». Их не покупали, а «доставали». Доставали обувь и торты, рубашки и книги, автомобили и стиральный порошок, телевизоры и лекарства. Мечтали достать импортные магнитофоны и презервативы. Одни «отоваривались» на «барахолках» – расплодившихся по всей стране вещевых рынках, другие – в магазинах через «знакомых». Во многих городах ввели талоны на покупку мяса, масла. В лучшем положении оказывались те, кто имел право заказывать товары в магазинах. Различные организации – от заводов и фабрик до учреждений науки и культуры – направляли письма-заявки в «торги», государственные предприятия, распределявшие товары по магазинам. В письмах содержались просьбы «в порядке шефской помощи разрешить приобрести товары повышенного спроса для ветеранов войны и труда, работающих на нашем предприятии». А лучше всего было тем, кто имел доступ к закрытым распределителям, к специальной секции ГУМа – партийным и государственным чиновникам высокого ранга.

---

¹ Интервью Ю. Кублановского в «Новом времени», 1996. № 28. Июль. С. 43.

Поскольку торговля фактически была заменена распределением, неизбежно возникали специфические проблемы. Так, появилась проблема разных денег. Деньги, естественно, оставались одинаковыми, но рядовой гражданин мог купить на них много меньше, чем чиновник, рядовой чиновник – значительно меньше своего партийного коллеги, и все дружно завидовали и тихо ненавидели тех, кому товары доставляли на черных служебных «Волгах». Часть «товаров для ветеранов» из магазинов уходила на «черный рынок». «Теневая экономика» стала реальностью, к которой были причастны широкие слои населения.

В Москве эти неприятные явления были тем более заметны, что в 1980 году, на время Олимпиады, Москва стала сверкающей «витриной социализма», и в этой «витрине» пару месяцев было, казалось, все, о чем мечтали советские люди: любые продукты, напитки, товары, не было очередей. В стране посмеивались: вместо коммунизма, обещанного программой КПСС в 1980-м, организовали Олимпиаду. Но Олимпиада закончилась, а вместе с ней улетучилось и короткое изобилие, сменившееся привычными длинными очередями.

Менее заметными, но столь же опасными стали кризисные тенденции в экономике страны. В огромных количествах продолжалось производство вооружения.

Нарастали и другие диспропорции в развитии экономики. Страна все более оказывалась в зависимости от экспорта нефти и газа. В период 1971–1980 гг. добыча топлива увеличилась более чем в 4 раза, в том числе газа – более чем в 8 раз, нефти – почти в 7 раз. Громадные нефте- и газопроводы гнали топливо на Запад, за валюту, на которую закупались продукты питания для страны, высокотехнологичное оборудование (см. табл. 1). Экономика окостенела. Росли объемы незавершенного строительства. Инвестиции в промышленность взяли в неэффективном хозяйственном механизме. Символами деструктивной экономики стали строившийся Чебоксарский завод тяжелых тракторов, проекты «поворота северных рек на юг», приведшие к многомиллиардным расходам.

В.И. Воротников, энергичный партийный чиновник, сделавший свою карьеру при Андропове и Горбачеве, писал в своих мемуарах, что «многих, в том числе и нас, членов ЦК, руководителей ряда областей и министерств, поражало равнодушие и бездеятельность высших партийных и государственных структур, видевших и молчаливо взиравших, как страна теряет темпы развития. Хотя чему было удивляться?! Л.И. Брежнев был неработоспособен уже много лет. Долго и самоотверженно тащивший экономический воз А.Н. Косыгин надорвался,

тяжело заболел, в 1980 г. успел в отставку, вскоре, в декабре того же года, его не стало».

Таблица 1

Платежный баланс в свободно конвертируемой валюте
(в млрд руб., из расчета 100 долларов – 60, 66 руб. по курсу Госбанка
СССР на 25.06.91 г.)¹

Вид валютной операции	1981		1982		1983		1984		1985	
	поступления	платежи								
Торговые операции	28,6	26,7	34,0	28,4	32,8	30,5	37,7	30,6	32,5	34,9
Услуги (транспорт, связь, техническая помощь, лицензии, туризм и др.)	2,8	2,2	2,6	3,3	2,7	3,0	3,0	3,5	2,8	3,8
Неторговые операции (содержание учреждений за границей, взносы в международные организации, банковские операции и др.)	1,3	1,3	1,4	2,0	1,3	1,8	1,7	1,8	1,6	1,6
Кредиты и имущество (государственные и коммерческие кредиты, банковские кредиты, капиталовложения)	2,0	6,4	2,0	6,5	2,0	5,3	2,1	8,0	3,2	7,6
Всего	34,7	36,6	40,0	40,2	38,8	40,6	44,5	43,9	40,1	47,9
Сальдо	- 1,9		- 0,2		- 1,8		+ 0,6		- 7,8	

Политическое руководство страны старело. А.П. Кириленко, много лет связанный с Брежневым, превратился в маразматика, у него началась атрофия головного мозга. Брежнева окружали соратники, не ус-

¹ АП РФ, 28.06.91 г. № 3-184/26. Материалы к встрече Президента СССР с главами государств в рамках саммита «Большой семерки» в Лондоне в июне 1991 г.

тупавшие ему по возрасту: Соломенцев, Тихонов, Громыко, Черненко, Кузнецов. Казалось, что политическое время в стране остановилось. Символом «победы» над временем стали появлявшиеся едва ли не ежевечерне на экранах телевизоров фигуры старцев, увешенных золотыми звездами, поздравлявшие друг друга с очередными юбилеями, награждавшие и принимавшие награждения, встречавшие гостей, зачитывавшие с листков тексты своих невнятных выступлений.

Феноменом начала 80-х стали слухи и сплетни о высшем политическом руководстве, их родных и близких. Больше всего доставалось Брежневу. По стране гуляли анекдоты. Один из них претендовал на своеобразную трактовку всей советской истории. Вот его суть: Ленин, узнав о строительстве железной дороги, подхватил на плечо шпалу и вместе с соратниками потащил на стройку. Сталин ничего не тащил: он ехал по новой железной дороге. Он ехал, а все вокруг тряслось. Хрущев, узнав, что рельсы кончились, приказал разбирать дорогу сзади и прокладывать вперед. Брежнев же закрылся в вагоне, приказал опустить шторы, а охране – раскачивать вагон, чтобы казалось, что поезд идет.

Целенаправленный характер получили слухи о коррупции в ближайшем окружении генсека. По всей стране рассказывали об аресте в конце января 1982 г. артиста Бориса Буряце, цыгана, певца Большого театра, по слухам – любовника дочери Брежнева Галины. При обыске в его доме были найдены бриллианты, принадлежавшие, якобы, Галине Брежневой. С дочерью генсека связывали также арест директора Госцирка А. Колеватова, у которого были обнаружены в большом количестве доллары и бриллианты. Факты вели не только к Брежневой, но и к ее мужу, генерал-полковнику Чурбанову, и к министру внутренних дел СССР Щелокову¹. В конце концов, ответственным за все народная молва объявляла самого Брежнева.

В это же время пополз слух о бегстве за рубеж сына А. Кириленко. Достоинством слухов и сплетен стало известие о самоубийстве первого заместителя председателя КГБ СССР С.К. Цвигуна. Согласно слухам, его довели до самоубийства в связи с тем, что он, якобы, настаивал на уголовном преследовании Галины Брежневой.

Зная о закрытости личной жизни высших руководителей страны, трудно не прийти к выводам, что утечка негативной информации была спланирована КГБ.

В мае 1982 г. Ю.В. Андропов оставил пост председателя КГБ СССР, сохранив фактический контроль за этой организацией, и стал «вторым секретарем» ЦК КПСС, официальным наследником Брежнева.

¹ Соловьев В., Клетикова Е. Юрий Андропов: тайный ход в Кремль. – СПб, 1995. С. 248–250.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, председатель президиума Верховного Совета СССР, главнокомандующий Вооруженными силами СССР, маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда, кавалер ордена «Победа» Л. И. Брежнев.

7 ноября того же года, в день очередной годовщины Октябрьской революции, Леонид Ильич Брежнев с трибуны мавзолея приветствовал демонстрантов. После демонстрации он уехал в загородную резиденцию, в охотничье угодье Завидово. Пробыв там два дня, вернулся в Москву, точнее, на свою дачу в окрестностях столицы. Утром 10 ноября охрана обнаружила Брежнева умирающим. Полчаса офицеры охраны безуспешно пытались восстановить его дыхание. Первым прибыл Андропов, выслушал доклад охраны и ушел к вдове Брежневой. Следом за ним появился Е. Чазов, главный врач страны и лейб-медик главы государства. Выслушав охранников, спросил: «Где Андропов?»¹

Со смертью Брежнева закончилась целая полоса отечественной истории.

Сведения о смерти Брежнева стали известны партийным функционерам в краях и областях СССР только вечером. «10 ноября в 21.20 мне на квартиру позвонил начальник краевого управления КГБ Г.И. Василенко, – вспоминал В.И. Воротников. – Срочное сообщение, просил принять на квартире. Приехал. Сказал, что получил телеграмму – скончался Л.И. Брежнев. Мы сразу – в крайком. Пытаюсь связаться с ЦК по ВЧ (линии секретной правительственной связи. – *Авт.*) – никого нет. Или не соединяют. Дозвонился до М.В. Соколовой (сотрудница Общего отдела ЦК КПСС). Она говорит: ждите. И лишь в 22.30 мы в крайкоме получили официальную телеграмму: сообщение Политбюро о том, что 10 ноября рано утром скоростно скончался Л.И. Брежнев».

Продолжим цитировать В.И. Воротникова: «12 ноября 1982 г. Пленум ЦК в Свердловском зале. 10.00. Тихо. Все сидят. Вошли члены Политбюро: Ю.В. Андропов, Н.А. Тихонов, К.У. Черненко, В.В. Щербицкий, А.А. Громыко, Д.Ф. Устинов, Г.В. Романов, Д.А. Кунаев, В.В. Гришин, М.С. Горбачев.

¹ Медведев В. Человек за спиной. С. 178–179.

Открыл Пленум Ю.В. Андропов коротким (15 минут) выступлением. «Партия и страна понесли тяжелую утрату. Ушел из жизни крупнейший политический деятель, наш товарищ и друг, человек большой души, преданный делу... Прошу почтить память Л.И. Брежнева минутой молчания». Далее говорит о роли Л.И. Брежнева, значении его для партии. О необходимости сейчас крепить единство. «Пленуму предстоит решить вопрос об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС. Прошу товарищей высказываться»».

Член Политбюро К.У. Черненко, бессменный (с 1960 г.!) начальник личной канцелярии Брежнева, заведующий Общим отделом ЦК КПСС, объявил, что Политбюро поручило ему внести предложение избрать генеральным секретарем ЦК КПСС Ю.В. Андропова, так как Андропов обладает марксистско-ленинской убежденностью, широким кругозором, выдающимися деловыми и человеческими качествами, что он хорошо воспринял брежневский стиль руководства.

Черненко, по замечанию Воронникова, всячески подчеркивал пристрастие Андропова к коллективной, коллегиальной работе. В ответном слове Андропова, кроме ритуальных благодарностей за «избрание на такой высокий пост», содержалось весьма двусмысленное обязательство решать вопросы «по возможности коллегиально. Но не всегда к всеобщему удовлетворению...»¹.

Андропов: попытка возрождения коммунистического фундаментализма. Юрий Владимирович Андропов стал генеральным секретарем ЦК КПСС в возрасте 68 лет². Он родился в 1914 году в Ставропольском крае. Закончив семилетку, работал киномехаником, активно участвовал в комсомольской работе. Учился в Рыбинском техникуме водного хозяйства; был матросом, помощником капитана на речных судах. С 1936 г. стал профессиональным комсомольским, а позже партийным работником, прошел путь от комсорга ЦК ВЛКСМ, первого секретаря Ярославского обкома до первого секретаря ЦК комсомола Карело-Финской Республики и инструктора ЦК КПСС (с 1950 г.). Вскоре после смерти Сталина Андропову пришлось покинуть ЦК. В 1954 г. он был направлен послом в Венгрию, где стал одной из ключевых фигур подавления восстания 1956 г.³. Несомненно, что этот эпизод его биографии превратил Андропова, одного из многих советских послов, в человека, лично известного высшему политическому руководству страны.

¹ Воронников В.И. А было это так... С. 15.

² Соловьев В., Клетикова Е. Юрий Андропов. Тайный ход в Кремль. – СПб, 1995.

³ Волжогонов Д.А. Семь вождей. Галерея лидеров СССР. – М., 1995. Кн. 2. С. 121–123.

Андропов стал членом ЦК в 1961 г., в ноябре 1962 г. его избрали секретарем ЦК КПСС, отвечавшим за связи с социалистическими странами. В июне 1967 г. Андропов сменил В. Семичастного на посту председателя КГБ. Тем самым Брежнев полностью подчинил себе политическую полицию, избавившись от одного из активных участников антихрущевского переворота.

При Андропове КГБ усилил свое влияние в обществе. По его инициативе вместо непосредственных репрессий и судебного преследования КГБ стал практиковать так называемое «профилактирование» – внесудебное вмешательство в жизнь людей, считавшихся потенциально опасными для строя. Об этом мы подробно говорили в предыдущем очерке. Андропов, как уже отмечалось выше, был одним из самых активных сторонников вторжения в Чехословакию, последовательно отстаивал требование о высылке Солженицына за границу. В апреле 1973 г. Андропов стал членом Политбюро. Впервые со времен Берии руководитель политической полиции оказался в составе высшего звена партийного руководства. В последние годы жизни Брежнева именно Андропов вместе с Устиновым и Громыко во многом определяли политику страны.

Андропов сосредоточил в своих руках огромную власть, какой после смерти Сталина не было ни у одного руководителя СССР. Ему удалось сделать то, в чем обвиняли Берия: объединить в своем лице государственный и партийный аппараты, связать их всепроникающим страхом перед всемогущим и всезнающим КГБ. Андропов начал свою деятельность с наведения порядка в стране. Наведение порядка – это прежде всего попытка заставить работать государственный и партийный аппараты по тем требованиям, которые ставил он, Андропов, и в соответствии с теми целями, которые были у партийного руководства страны.

В западной прессе с начала 1982 г. стали распространяться слухи о либерализме Андропова, просвещенном диктаторе, не чуждом западным ценностям. Несомненно, что за этим стояла агентура КГБ, работавшая на создание положительного имиджа нового генсека.

18 ноября 1982 г. на заседании Политбюро произошло распределение обязанностей в высшем руководстве. Андропов оставил за собой оборону, основные вопросы внутренней и внешней политики, организационную работу Политбюро, внешнюю торговлю. Огромные полномочия получил К.У. Черненко. Черненко стал отвечать в Политбюро за деятельность КГБ, МВД, за Административный отдел ЦК, руководивший деятельностью судов и прокуратуры, правоохранительных органов. Кроме того, он руководил отделами идеологии, культуры,

науки, партийных органов, писем. За Черненко остался Общий отдел, которым он управлял без малого двадцать лет¹. Более того, Черненко получил право вести заседания секретариата ЦК, а в отсутствие Андропова — и заседания Политбюро. Для посвященных было ясно — К.У. Черненко получил права наследника генсека.

В понедельник, 22 ноября, состоялся пленум ЦК.² Его открыл Ю.В. Андропов. На пленуме Г.А. Алиева перевели из кандидатов в члены Политбюро, совершенно больного А.П. Кириленко освободили от обязанностей члена Политбюро и секретаря ЦК. Тогда же образовали экономический отдел ЦК, утвердили заведующим отделом и избрали секретарем ЦК Н.И. Рыжкова.

Рождение «гласности». Новый генеральный секретарь в отличие от своего предшественника гораздо лучше понимал значение информации как способа управления. Именно с ним были связаны важные шаги по расширению доступа к информации, естественно, доступа контролируемого, управляемого из ЦК и КГБ, но тем не менее менявшего информационную ситуацию в стране. С 11 декабря 1982 г. стали публиковаться регулярные, еженедельные сообщения «В Политбюро ЦК КПСС». В четверг проходило заседание Политбюро, а в пятницу утром по радио и телевидению передавалось сообщение, в котором перечислялись вопросы, рассмотренные на этом заседании. Ни в коем случае нельзя преуменьшать значение этого шага: именно при Андропове, за несколько лет до расцвета «гласности», в СМИ впервые появились сведения о деятельности высшего политического органа страны, те сведения, которые со времен Сталина относились к категории высших государственных секретов.

Андропов санкционировал и публикацию материалов негативного характера о хозяйственных преступлениях. 23 ноября 1983 г. было принято специальное постановление секретариата ЦК «О публикации в советской печати сообщения о результатах рассмотрения Верховным судом РСФСР уголовного дела на крупных взяточников из числа работников торгового предприятия «Гастроном» Главного управления торговли Мосгорисполкома»³. Ниже мы остановимся на этом важном документе более подробно. Однако в данном случае важен не только повод для

¹ Волкогонов Д.А. Семь вождей... Кн. 2. С. 138.

² Воронников В.И. А было это так... С. 15.

³ ЦХСД, № Ст-133\11гс. Выписка из протокола № 133 заседания секретариата ЦК КПСС от 23 ноября 1983 г. «О публикации в советской печати сообщения о результатах рассмотрения Верховным судом РСФСР уголовного дела на крупных взяточников из числа работников торгового предприятия «Гастроном» Главного управления торговли Мосгорисполкома».

издания этого документа. (Хотя в конкретном случае он полностью соответствовал политике Андропова по «наведению порядка») Важно другое: при Андропове был приоткрыт информационный «ящик Пандоры». Информация обладает своей логикой, своими законами. При понятном желании контролировать ее и при огромных возможностях делать это само распространение сведений о прежде полностью закрытых сферах деятельности власти создавало прецедент.

Андропов пытался реанимировать позиции командно-административного способа управления страной, восстановив прямые, приказные, рычаги управления, которые существовали в прошлом, во времена Сталина, но в значительной степени ослабели при Хрущеве, и особенно при Брежневле.

2 января 1983 г., в передовой «Правды» сообщалось, что стратегия страны направлена на ускорение интенсификации общественного производства, повышение его эффективности, широкого внедрения науки... Условиями осуществления этой стратегии ускорения было «чувство высокой ответственности за порученное дело». Фраза, кажущаяся шаблонной, в конкретном случае наполнялась особым смыслом: в условиях практической несменяемости руководства при Брежневле понятие «ответственности» для руководства не применялось. В той же передовой содержалось требование «укрепить дисциплину труда и ответственность на производстве».

То, что этот призыв не был пустыми словами, свидетельствовало совещание в ЦК КПСС 7 января 1983 г., на котором обсуждались «вопросы укрепления трудовой и производственной дисциплины в свете указаний ноябрьского (1982 г.) пленума ЦК, указаний и выводов Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Ю.В. Андропова»¹. О том, как будут выполняться «указания и выводы Генерального секретаря», сообщала статья генерального прокурора СССР А. Рекункова под названием «Без снисхождения. Гражданин, общество, закон», опубликованная в «Правде»².

Для того чтобы выявить нарушителей дисциплины, сотрудники КГБ организовывали рейды по магазинам, кинотеатрам, баням, просто по улицам города, «вылавливая» тех людей, которым полагалось в это время быть на работе. К нарушителям применялись серьезные санкции. Хуже всего было тем, кто находился в служебной командировке в чужом городе и днем был задержан в магазине. В его командировочное удостоверение ставили штамп, указывающий, что этому чело-

---

¹ Правда, 8 января 1983 г.

² Правда, 9 января 1983 г.

веку не будут оплачены командировочные расходы и расходы на дорогу. Началась кампания за сохранение рабочего времени.

Однако выявлялись и многочисленные «нарушители поневоле». «Притчей во языцех» были вечные проблемы: магазины, почты, прачечные, жилищные конторы, милиция работали так, как было удобно их сотрудникам, а не посетителям. Время работы этих учреждений совпадало с часами работы основных промышленных предприятий и организаций. Поэтому люди были вынуждены тратить рабочее время, часами простаивая в очередях в конторах и магазинах. Для изменения сложившегося положения Совет Министров СССР принял специальное постановление «по вопросам, связанным с упорядочением режима работы предприятий, организаций и учреждений, занятых обслуживанием населения»¹.

Андропов принял личное участие в кампании по укреплению дисциплины. В конце января он посетил Московский станкостроительный завод имени С. Орджоникидзе, встречался с рабочими, выступил на собрании. Андропов заявил: «Где же, говоря ленинскими словами, то самое звено, за которое надо ухватиться, чтобы вытянуть всю цепь? Цепь-то большая, тяжелая. И хотя нельзя все сводить к дисциплине, начинать надо, товарищи, именно с нее... Хотел бы, чтобы товарищи правильно поняли, что вопрос об укреплении дисциплины относится не только к рабочим, инженерно-техническим работникам. Это относится ко всем, начиная с министров».

Наведение порядка предполагало укрепление всей вертикали управления. За этим простым и понятным решением стояло стремление сохранить систему, укрепить командные методы управления экономикой.

Ю.В. Андропов.

---

¹ Правда, 18 января 1983 г.

Борьба со злоупотреблениями и коррупцией, репрессии в сфере обслуживания и торговли приобретали все больший масштаб. При Андропове КГБ начало серию хозяйственных процессов. Самым громким из них стал процесс директоров московских магазинов. Как уже отмечалось, состояние торговли было наиболее заметным и доступным для понимания проявлением кризиса. А так как *система* не могла быть виноватой¹, то виноватых нужно было найти среди исполнителей.

С этой целью 150 опытных сотрудников КГБ были направлены на работу в МВД СССР. Были выявлены крупнейшие злоупотребления в сфере торговли. Тогдашний начальник Управления по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией в московской милиции, бывший офицер контрразведки КГБ, вспоминает: «Беззаконие исходило из партийных структур... В тех подразделениях органов МВД, сотрудники которых отправляли людей в лагеря за обвес стоимостью в сорок копеек, ... крупные дельцы, незаконно наживавшие сотни тысяч и даже миллионы рублей, оставались на свободе»².

Генерал КГБ А. Стерлигов свидетельствовал: деятельность по расследованию злоупотреблений в торговле вызывала недовольство партийной элиты. Расследования были «контролируемыми».

Был арестован, отдан под суд и расстрелян Н.П. Трегубов – начальник Главного управления торговли Мосгорисполкома, занявший этот пост еще в 1970 году и считавшийся человеком, близким к члену Политбюро В.В. Гришину. Трегубов был арестован в июне, а следом за ним органы КГБ заключили под стражу еще 25 ответственных работников московского Главторга, директоров крупнейших универмагов и гастрономов, включая Б.С. Тверитинова, директора гастронома при ГУМе, директора «Елисеевского гастронома» Соколова, директоров фирмы «Океан», автомобильного магазина «Южный порт» и многих других. Расследование установило, что каждый магазин обязан был выплачивать дань в районное управление торговли, районные управления – в Главное управление торговли Мосгорисполкома. Оттуда деньги шли на подкуп чиновников министерств и ведомств, вплоть до МВД³.

Арестованных директоров магазинов судили, некоторых расстреляли. Директор гастронома №2, расположенного на Смоленской пло-

---

¹ В это время существовал замечательный анекдот: сантехник осматривает проржавевшие трубы в квартире и говорит: «Дело плохо. Надо менять систему». – «Нет, – отвечает перепутанный хозяин. – Систему менять не будем».

² Стерлигов А. Очный генерал свидетельствует. Канцелярия предательства. – М., 1992. С. 5.

³ Гуров А. Красная мафия. – М., 1995. С. 60.

шади, С.Г. Нониев покончил жизнь самоубийством. Министру торговли СССР И. Струеву повезло больше: его отправили на пенсию¹. При этом соблюдение процессуального кодекса не слишком тревожило судебные власти.

Вместе с тем этот процесс провоцировал начало газетной кампании о коррупции в государственном и партийном аппарате. Казалось, все начиналось под строжайшим контролем. Трех газетам: «Известиям», «Московской правде», и «Вечерней Москве» поручалось «опубликовать по согласованию с КГБ СССР» материалы суда над крупными взяточниками из числа работников торгового «Гастронома» Главного управления торговли Мосгорисполкома.

То, что было опубликовано, стало поводом для появления большого числа детективных повестей, сценариев кинофильмов, новых, уже на «местном», региональном материале разоблачительных публикаций. Словечко «мафия», появившись в прессе, стало одним из определений современной политической системы. Конечно, на такой результат инициаторы этих расследований вовсе не рассчитывали.

Добрались и до С.Ф. Медунова, первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС, и прежде обвинявшегося в коррупции, и до Н.А. Щелокова, министра МВД СССР. Еще в марте 1982 г. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС подал в секретариат ЦК записку «О многочисленных фактах взяточничества среди руководящих работников Краснодарского края». Эту записку направили на перепроверку, обязав Комитет партийного контроля и отделы организационно-партийной работы и административных органов ЦК КПСС провести совместное расследование².

31 мая 1982 г. по результатам повторного расследования была подготовлена новая справка, подтвердившая первоначальные данные КПК.

Брежнев знал о злоупотреблениях в Краснодарском крае, но был категорически против предложения Андропова арестовать и судить Медунова. «Этого делать нельзя, — убеждал Брежнев Андропова. — Он — руководитель такой большой партийной организации, люди ему верили, шли за ним, а теперь его — под суд? У них и дела в крае пошли успешно. Мы одним недобросовестным человеком опоганим хороший край»... «Переведи его куда-нибудь, — просил Брежнев, — а там посмотрим, что будем делать».

Андропов, фактически ставший во главе государства и партии еще при жизни Брежнева, начал аресты в Краснодаре. 20 июля состоялось

¹ Медведев Р. Генсек с Лубянки. — М., 1993. С. 131–132.

² ЦХСД, № Ст-52/89гс. Выписка из протокола № 52 заседания секретариата ЦК КПСС от 16 марта 1982 года.

заседание секретариата ЦК. Заседание вел Андропов. В Москву, на заседание, был вызван посол СССР на Кубе В.И. Воротников. Андропов сообщил, что в крае выявлены многочисленные нарушения законности, в том числе среди партийного актива, уже арестовано 152 человека, 99 находятся под следствием. Медунов был отозван в распоряжение ЦК¹. На его место в Краснодарский край направили Воротникова. 21 июля это решение было оформлено постановлением Политбюро. 23 июля на пленуме Краснодарского крайкома КПСС Воротникова избрали первым секретарем крайкома. Политическая судьба Медунова была решена позже, на пленуме ЦК, состоявшемся почти год спустя – 14 июня 1983 г.

Параллельно с делом Медунова шло расследование деятельности министра внутренних дел СССР Щелокова. Он был известен как человек, близкий Брежневу. Пользуясь его покровительством, Щелоков позволял себе вмешиваться в вопросы, целиком находившиеся в компетенции КГБ. Об этом можно судить хотя бы по письму Щелокова, адресованного Брежневу (см. предыдущий очерк), где министр внутренних дел обосновывал ненужность высылки Солженицына из России, настаивал на изменении отношения к писателю, предлагал постараться «подкупить» его. Напомним, что Андропов был последовательным сторонником высылки Солженицына. Известен был Щелоков и своим мздоимством, тем, что путал собственный карман с казенным.

Щелоков был снят со своей должности уже через месяц после смерти Брежнева. На его место был назначен В.В. Федорчук, работавший полгода до этого назначения председателем КГБ СССР. Бывшего министра внутренних дел перевели в так называемую «райскую группу» – группу инспекторов Министерства обороны СССР, куда отправляли престарелых генералов армии и маршалов. Но злоключения Щелокова только начинались. Следствие по его делу вела военная прокуратура СССР. Ей удалось собрать огромный материал о преступлениях и злоупотреблениях Щелокова, в том числе о воровстве служебных «Мерседесов», конфискованных вещей, в особенности антиквариата.

На пленуме ЦК КПСС 14 июня 1983 г. с резким осуждением Щелокова и Медунова выступил Черненко. Он сообщил участникам пленума, что Политбюро предложило пленуму вывести Щелокова и Медунова из состава ЦК. Щелокова обвинили в том, что он «встал на путь злоупотреблений в личном плане». Ему инкриминировали то, что он

---

¹ Воротников В.И. А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. – М., 1995. С. 14. Медунов был назначен заместителем министра плодоовощной промышленности.

построил дачи для себя и своих родственников, присвоил себе три иностранных автомобиля, полученных для МВД, «вел себя неискренне, несамокритично», разрешил снять кинофильм о самом себе к своему семидесятилетию стоимостью в 50 тысяч рублей за казенный счет.

Медунов был обвинен в том, что «грубо нарушал партийную дисциплину», способствовал распространению в крае взяточничества и сам защищал высокопоставленных мздоимцев.

Щелоков был лишен всех наград, кроме тех, которые получил в годы войны. Он ожидал ареста. Пытаясь найти защиту, обратился к своему давнему знакомому «второму секретарю» ЦК Черненко. Но тот уже помочь не мог и не хотел. Не дожидаясь неизбежного ареста, Щелоков, в полном генеральском мундире, застрелился¹. Доктор юридических наук, генерал А. Гуров, вспоминая об этом периоде истории МВД, сообщил, что при Федорчуке из органов внутренних дел было уволено около 100 тысяч человек, над милицией был установлен постоянный контроль специального 3-го управления КГБ². Скандальный характер получил арест зятя Брежнева – заместителя министра внутренних дел СССР генерал-полковника Ю. Чурбанова. Его арест стал следствием так называемого «узбекского дела».

«Узбекское дело». В 1983 г. КГБ Узбекистана возбудило уголовное дело против начальника ОБХСС Бухарского облисполкома Музафарова, задержанного с поличным при получении взятки. В сентябре 1983 г. дело для дальнейшего расследования передали в Прокуратуру СССР, где была образована следственная группа во главе с Т.Х. Гдяном. В разное время в группе работало до 200 и более человек. Гдян и сотрудники его группы добивались от арестованных информации о своих московских покровителях и помощниках. При этом следователи действовали вполне «по-советски», подчиня процессуальные нормы политической целесообразности.

Надзирательные и контрольные, пожалуй, даже карательные функции навязывались парткомиссиям, существовавшим во всех райкомах партии. Обычно парткомиссии рассматривали заявления людей, вступающих в КПСС, «персональные дела» провинившихся коммунистов, а также решали: кому можно поехать за границу в качестве туриста, на отдых или на работу, а кому – нет. Теперь им вменялась в обязанность активная контрольная, практически не ограниченная функция³.

¹ Прибытков В. Аппарат. С. 199–200.

² Гуров А. Красная мафия. – М., 1995. С. 143.

³ Правда, 9 января 1983 г.

Ш.Р. Рашидов

Жизнь страны «подмораживалась». Партийными органами активно внедрялось понятие «идеологическая дисциплина», то есть необходимость самоцензуры всех пишущих и издающих. Кампания в прессе по наведению дисциплины совпала с кампанией по обличению алкоголизма. По своей тональности публикации вполне соответствовали тем, которые появятся двумя годами позже, когда, уже при Горбачеве, будет сделана попытка фактически запретить продажу алкоголя в стране¹. В то же время из прессы полностью ушла тема репрессий прошлого, оценки Сталина. Ее просто не стало. Показательна в этом отношении опубликованная в «Правде» большая статья, посвященная М. Тухачевскому, одному из создателей Красной Армии, активному участнику гражданской войны, казненному в период сталинских репрессий.

В статье подробно пересказывалась биография Тухачевского, его роль в разработке советской военной доктрины. Об обстоятельствах же смерти сообщалось следующее: «Его жизнь трагически оборвалась»². Эти слова по устоявшемуся этикету подходят для сообщения о смерти кого-либо в результате автомобильной аварии или авиакатастрофы, но звучат фарисейски, когда речь идет о человеке, несправедливо осужденном и расстрелянном вместе с десятками тысяч других командиров Красной Армии, о маршале, ставшем после XX съезда символом сталинских репрессий.

Новые люди. Исподволь шли изменения «наверху». К Н.И. Рыжкову, ставшему секретарем ЦК, отвечающим за экономику, добавился Е.К. Лигачев. При Брежневе Лигачев являлся первым секретарем Томского обкома. Он был известен как фанатичный борец за здоровый образ жизни, требовавший от сотрудников аппарата обкома заниматься спортом, лыжами, резко ограничивший продажу в области

¹ См., например, статью В. Холина «Градус падения», опубликованную в «Правде», 18 февраля 1983 г.

² Правда, 16 февраля 1983 г.

спиртного, покровитель местного театра. Е.К. Лигачева назначили заведующим Отделом организационно-партийной работы – одним из ключевых отделов ЦК. Фактически он руководил деятельностью местных партийных организаций, олицетворяя ту силу, которая могла «поднять» партийного чиновника по лестнице власти, или выбросить его из номенклатуры. Руками Лигачева осуществлялась замена старых, «брежневских» кадров на новых людей¹. Из Ленинграда в Москву был переведен Г.В. Романов, ставший секретарем ЦК КПСС, отвечающим за деятельность оборонных отраслей. Был отправлен на пенсию С.П. Трапезников – одиозный заведующий Отделом науки и высших учебных заведений ЦК. Его сменил В.А. Медведев, работавший прежде ректором Академии общественных наук. На важную должность управляющего делами ЦК КПСС был назначен Н.Е. Кручина. После успешной поездки Горбачева в мае 1983 г. в Канаду, организованной послом в Канаде А.Н. Яковлевым, было принято решение перевести Яковлева в Москву, где он получил престижный пост директора Института мировой экономики и международных отношений, который, как и Институт США и Канады, имел постоянные связи с ЦК КПСС.

Изменения произошли в ряде крупных республиканских и областных парторганизаций. 31 октября 1983 г. покончил жизнь самоубийством первый секретарь ЦК компартии Узбекистана, член Политбюро Ш.Р. Рашидов. Самоубийство было вызвано расследованием многочисленных злоупотреблений в производстве и продаже государству хлопка. Вместо Рашидова был избран И.Б. Усманходжаев, которого также не миновали обвинения во взяточничестве и злоупотреблениях. В Белоруссии умер первый секретарь ЦК Т.Я. Киселев. Его сменил недавний работник Госплана СССР Н.Н. Слюньков. Произошли изменения в руководстве ряда областей – Одесской, Иркутской, Ленинградской, а также Краснодарского края и Дагестана.

Перемены в партийно-государственном руководстве были значительными, но не решающими. Однако они вызвали немалое беспокойство в сложившихся еще во времена Брежнева мощных региональных и отраслевых группах руководителей, и, прежде всего, в клане самого Брежнева, во главе которого после его смерти оказался Черненко.

В поисках наследника. Политическая нестабильность ощущалась в высшем руководстве страны: «старики» – Устинов, Тихонов, Черненко, Громыко, Щербицкий, Кунаев противостояли «молодым» –

¹ Рыжков Н.И. Десять лет великих потрясений. С. 72–73.

Романову, Горбачеву. Однако подобное противопоставление слишком прямолинейно. В условиях борьбы за власть возникали неизбежные компромиссы. Сам Андропов стремился удерживать кандидатов на пост генсека на равном расстоянии от власти. Черненко, наделенный огромными полномочиями, оставался для всей страны человеком малоизвестным. За пятнадцать месяцев правления Андропова Черненко появился на людях лишь несколько раз: встречал делегацию из Мозамбика, читал доклад на июньском пленуме, присутствовал на заседании, посвященном 165-летию Маркса¹... Горбачев? Он более других был на виду: вел встречу с ветеранами партии, на которой выступал Андропов, именно ему Андропов доверил прочитать свой доклад, как выяснилось, последний в своей жизни, на декабрьском (1983 г.) пленуме ЦК. Горбачев часто появлялся на страницах прессы. Но ему противостояли влиятельные члены Политбюро, и, прежде всего, председатель Совета Министров Н. Тихонов. Романов? У него, человека в Москве нового, не было прочной поддержки в аппарате ЦК, что являлось важным фактором в борьбе за власть, но вместе с тем его позиция – куратора оборонной промышленности – предопределяла его союз и с военными, и с Советом Министров.

Дополнительным фактором нестабильности становилось стремительно ухудшавшееся здоровье Андропова. В аппарате ЦК начали говорить: «Нежилец»². Атмосфера болезней, частых смертей не покидала дом на Старой площади. Не удивительно, что только в 1983 г. на заседаниях Политбюро трижды рассматривался вопрос «О режиме работы членов Политбюро, кандидатов в члены Политбюро и секретарей ЦК» – 24 марта, 31 мая и 24 ноября.

24 марта разговор свелся к тому, чтобы изменить порядок работы Политбюро, исключить заседания в субботу, и к просьбе Пельше: «Чтобы ты сам, Юрий Владимирович, точно этот режим соблюдал, берег себя и следил за собой»³.

На заседании Политбюро 31 мая 1983 г. Черненко напомнил, что «в свое время, товарищи, было принято два решения о режиме работы членов Политбюро, кандидатов в члены Политбюро и секретарей ЦК. Ими было предусмотрено значительно снизить нагрузку, которая падает на каждого из членов Политбюро, ограничить время работы с 9 до 17 часов, а товарищам, имеющим возраст старше 65 лет, предоставлять более продолжительный отпуск и один день в неделю для работы в домашних условиях. Надо сказать, что оба принятые нами

¹ Прибытков В. Аппарат. – СПб., 1995. С. 156.

² Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 241.

³ АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро. 1983, 24 марта. С. 20–21.

решения сейчас не выполняются. В связи с этим вносится предложение – уточнить и объединить эти решения и относиться к их выполнению гораздо более серьезно».

Заявление Черненко поддержал Андропов. Он напомнил, что «оба решения Политбюро принимались по инициативе Л.И. Брежнева, который проявлял исключительное внимание к здоровью руководящих кадров партии. Мы должны продолжить эту линию. *Ведь можно повсякому смотреть на возрастной состав Политбюро. Здесь концентрация политического опыта нашей партии, и поэтому спешная, непродуманная замена людей далеко не всегда может быть на пользу дела. Нужен осторожный, внимательный и взвешенный подход к этому вопросу*» (курсив наш. – Авт.)

Сделав реверанс в сторону стариков в Политбюро, Андропов круто изменил тему: «Сейчас я хочу сказать, товарищи, самое главное, о чем мне хотелось бы вам доложить. Речь идет об улучшении нашей работы на всех участках и о повышении ответственности лично нас, руководителей, за порученное дело.

Это не только касается меня, Андропова, или Громыко, Устинова, все мы лично ответственны за положение дел на тех участках, которыми руководим.

Товарищу Тихонову нужно держать крепко в своих руках вопрос с продовольствием. Это очень важный вопрос.

Товарищу Горбачеву меньше ссылаться на погоду, а организовать борьбу за урожай, мобилизовать людей на то, чтобы они не говорили о засухе и не ссылались на плохую погоду, а больше работали для того, чтобы использовать каждый погожий день, каждую минуту для получения большего количества продуктов, использовать все, что мы можем сделать для увеличения сбора зерна и других продуктов растениеводства и животноводства.

У товарища Алиева важное дело – это улучшение работы транспорта.

Товарищу Капитонову надо налечь на производство товаров народного потребления, делать в этом отношении нужно больше.

Товарищу Демичеву нужно строже относиться к репертуарам театров, уж очень много у нас недостатков в этом деле, да и другие вопросы развития культуры тоже требуют большого внимания. С Вас, Петр Нилевич, в этом отношении большой спрос.

Я не буду говорить о других товарищах, все они знают свои участки, свои задачи...»¹.

¹ АП РФ, Рабочая запись заседания Политбюро. 1983, 31 мая. С. 13–14

В этой большой цитате хотелось бы обратить внимание на следующее: Андропов распределял приоритеты в Политбюро. Андропов, Устинов и Громыко упоминались здесь, что называется, всуе для того, чтобы продемонстрировать атмосферу всеобщей требовательности. Интересны другие замечания Андропова. Тихонову, председателю Совета Министров, адресуется требование «держать крепко вопрос с продовольствием». Но продовольствие – это, прежде всего, сфера секретаря по сельскому хозяйству, Горбачева. Замечания в его адрес носят саркастический характер: «меньше ссылаться на погоду, а организовать борьбу за урожай, мобилизовать людей на то, чтобы они не говорили о засухе и не ссылались на плохую погоду, а больше работали...». Количество замечаний, которое получил Горбачев, было сопоставимо только с критикой в адрес Демичева, «курировавшего» в ЦК культуру. «Либерал» Андропов, как его изображали, да и теперь нередко пытаются изображать, требовал от Демичева «строже относиться к репертуарам театров», напоминал, что «уж очень много у нас недостатков в этом деле».

На том же заседании Андропов поставил и другой вопрос: «О строительстве дач для руководящих работников».

Дачное строительство было «притчей во языцех». Власти добивались абсолютной унификации домов, которые строились на садовых участках. С усердием, достойным лучшего применения, пресса, комитеты народного контроля, парткомы, все кому не лень добивались, чтобы тщательно выдерживались нормы строительства этих домиков. Согласно утвержденным нормам площадь дома могла быть не более 25 метров, веранда вокруг дома – не более 10 метров, высота потолка – не более 2 метров 50 сантиметров. Нельзя было поставить в саду баньку, но можно – крольчатник¹. За стремлением к унификации просматривалось желание не допустить проявлений частной собственности, отступления от навязанного государством «всеобщего равенства». Доходило до курьезов: московскому городскому комитету народного контроля выстроили в Истринском районе, у деревни Холщевики домики в коллективном саду. Строили, понятно, в строгом соответствии с нормами. Но нашелся и в этой организации человек, который умудрился выкопать под своим домом двухметровый подвал! Пришлось ему давать объяснения и закопать-таки это нестандартное сооружение.

В то же время партийная и государственная элита имела вполне приличные казенные дачи, расположенные в самых живописных мес-

---

¹ Рыжков Н.И. Десять лет великих потрясений. С. 92.

тах Подмосквья. Другое дело, что была должность – была дача. Сняли с должности – освободи дачу. Так, на следующий день после смерти всесильного при жизни М.А. Суслова его родственникам, прожившим на даче секретаря ЦК не один десяток лет, было приказано выехать. Это была общая практика, кстати, не лишённая политического смысла: каждый чиновник должен был помнить, что без службы он – никто¹.

Закономерно, что Андропов не мог обойти вопрос о нарушителях этого общего принципа. «Мне хотелось бы спросить у вас, товарищи, будем ли мы обростать дачами? (курсив наш. – Авт.) – обратился Андропов к своим коллегам по Политбюро. – У меня есть данные, например, что Б... построил себе дачу 120 кв. м и продал ее теперь Т... за 32 тыс. рублей. Одновременно сын и дочь Б... получили участки и, видимо, тоже собираются с помощью папы строить себе дачи. Это, товарищи, непорядок, и, с моей точки зрения, злоупотребление служебным положением».

В ходе обсуждения наметились два подхода. «Молодые» члены Политбюро настаивали на том, чтобы «не обростать». Алиев говорил, что «надо вообще запретить строительство дач руководящим работникам», Воротников сетовал, что порядок строительства дач для академиков, установленный Советом Министров СССР, «систематически нарушается. Не соблюдаются размеры в строительстве дач, нет принципиального и жесткого подхода к этому делу. На Николиной горе под Москвой некоторые ученые и деятели искусства построили целые дворцы, и все это за счет фондируемых материалов, за счет растаскивания государственных средств».

«Старики» были осторожнее. Они напоминали, что вообще-то есть нормы, разрешающие строить с согласия Совета Министров. «У нас дачи под Москвой строятся с согласия Совета Министров СССР и с разрешения Моссовета» (Тихонов). «В целом есть разрешение строить кооперативные дачи» (Гришин). Им подыграл Романов (напомним, в недавнем прошлом – первый секретарь Ленинградского обкома): «Мы под Ленинградом разрешили строительство дач академикам и другим крупным ученым, а остальные руководящие работники получают дачи в аренду на пять лет с продлением этого срока в случае необходимости Ленинградским горисполкомом. Кроме того, дачи на кооперативных началах строят некоторые заводы и другие хозяйственные организации».

---

¹ Сотрудникам аппарата ЦК, например, «не рекомендовалось» иметь личные автомобили. А рекомендация в этом учреждении равнялась приказу.

Андропов нажимал: «Нет, товарищи, я считаю, что надо начинать с себя... Вопрос ставится в принципе, надо ли нам обростать дачами?»

В этот момент, когда мнение генсека, казалось, определилось, «в бой» пошел Горбачев: «Я так понимаю, что речь идет о руководящих работниках ЦК партии, правительства и т. д. Строительство дач сейчас приняло ажиотажный характер по всей стране. Здесь наблюдается масса безобразий. На мой взгляд, следовало бы поручить КПК (Комитету партийного контроля. – *Авт.*) при ЦК КПСС изучить этот вопрос заново».

Но Горбачев ошибся. «Нет, – возразил ему Юрий Владимирович Андропов, – ситуацию, сложившуюся в прошлом, теперь ковырять не надо, и КПК давать поручение не следует. Я веду речь о членах Политбюро, секретарях ЦК, членах правительства, министрах» (курсив наш. – *Авт.*)

И всем все стало ясно. Долгих: «В этом вопросе надо разобраться в целом». Зимянин: «Нужно поручить правительству, так сказать, кодифицировать все установленные правила и навести здесь порядок».

«С этим, пожалуй, можно согласиться, – подвел итоги своей провокации Андропов. – Давайте запишем так. Во-первых, отметить, что в строительстве дач руководящими работниками допускаются серьезные нарушения порядка, установленного законодательством. Во-вторых, поручить Совету Министров СССР... принять меры к наведению строгого порядка»¹.

Пригрозил, показал, что все про всех знает, но не будет без надобности поднимать шум. Члены Политбюро, секретари ЦК, министры – для них свой закон. И партийные нормы писаны не для них. Их милует и казнит генеральный секретарь.

Как мы уже упоминали, тяжелая болезнь Ю.В. Андропова не была секретом. Следствием этого стало усиление соперничества «наверху». Именно так оценивал М.С. Горбачев итоги июньского пленума ЦК КПСС, на котором Черненко выступил с докладом «Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии». Доклад, по мнению Горбачева, был последовательно выдержан в «брежневском» духе. Андропову это не понравилось, и он поручил Горбачеву вести вторую часть заседания пленума. «Надо было знать, – пишет Горбачев, – что это означало в те времена, чтобы понять, сколь тяжелым был удар для Черненко»².

¹ АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро. 1983, 7 июля. С. 21–22.

² Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 242–243.

На пленуме состоялись кадровые перемены. Членом Политбюро стал Г.В. Романов, кандидатом в члены Политбюро – В.И. Вороников. Из ЦК были выведены Н.А. Щелоков и С.Ф. Медунов¹.

В борьбе за власть «наверху» продолжали соперничать две группировки – «старики» и «молодые». Но, как уже отмечалось выше, противопоставление это, излюбленное политологами и историками, отнюдь не было абсолютным. В каждой из групп существовали свои противоречия, «старики» понимали, что, в конце концов, им придется передать власть представителю «молодых», а «молодые» знали, что без опоры на часть «стариков» достигнуть власти невозможно. В тени оставался еще один фактор, не исследованный до сих пор. Мы его только назовем: соперничество группировок, существовавших в аппарате ЦК и распространявших свое влияние на часть государственного аппарата. Борьба за власть принимала затяжной характер, и компромиссы, соглашения, взаимные уступки становились частью этой борьбы.

М.С. Горбачев в своих мемуарах пишет, что у него сложились хорошие отношения с Д.Ф. Устиновым и что он надеялся на союз с руководителем советского военно-промышленного комплекса². Близость позиций Горбачева и Устинова проявилась и в отношении к событиям недавней истории страны. Поводом для оценок исторического прошлого стал рассказ Черненко о встрече с Молотовым, который незадолго до этого решением Политбюро ЦК был восстановлен в КПСС. Разговор возник 12 июля 1983 г. на заседании Политбюро, разговор, на наш взгляд, важный, свидетельствующий о той идеологической обстановке, которая предшествовала «перестройке» и «гласности». Протицируем стенограмму обсуждения.

«Черненко. Я принимал В.М. Молотова, беседовал с ним. Он воспринял наше решение с большой радостью и чуть не прослезился. Молотов сказал, что это решение означает его второе рождение. Молотову сейчас 93 года, но выглядит он достаточно бодрым и говорит твердо. Он заявил, что Политбюро ЦК сохраняет и продолжает ту работу, которую настойчиво вела партия. Только, мол, плохо, что работаете вы, как и мы раньше, допоздна. Молотов рассказал, что он интересуется прессой, читает периодические журналы. Он заявил: ведете вы дело правильно, за это и получаете поддержку народа.

Устинов. Это важная оценка с его стороны.

Тихонов. В целом мы правильно сделали, что восстановили его в партии.

¹ АП РФ. Рабочая запись заседаний Политбюро. 1983. С. 20–21.

² Горбачев М.С. Указ соч. С. 248–251.

Маршал Д.Ф. Устинов

Черненко. Но вслед за этим в ЦК КПСС поступили письма от Маленкова и Кагановича, а также письмо от Шелепина, в котором он заявляет о том, что он-де был последовательным борцом против Хрущева и излагает ряд своих просьб.

Разрешите мне зачитать письмо Кагановича. (Читает письмо). Письмо аналогичного содержания, с признанием своих ошибок прислал и Маленков...

Устинов. А, на мой взгляд, Маленкова и Кагановича надо было бы восстановить в партии. Это все же были деятели, руководители. Скажу прямо, что если бы не Хрущев, то решение об исключении этих людей из партии принято не было бы. Вообще не было бы тех вопиющих безобразий, которые допустил Хрущев по отношению к Сталину.

Сталин, Сталин, что бы там ни говорилось, — это наша история. Ни один враг не принес столько бед, сколько принес нам Хрущев своей политикой в отношении прошлого нашей партии и государства, а также и в отношении Сталина.

Громыко. На мой взгляд, надо восстановить в партии эту двойку. Они входили в состав руководства партии и государства, долгие годы руководили определенными участками работы. Сомневаюсь, что это были люди недостойные. Для Хрущева главная задача заключалась в том, чтобы решить кадровые вопросы, а не выявить ошибки, допущенные отдельными людьми...

Чебриков. Я хотел бы сообщить, что западные радиостанции передают уже длительное время сообщение о восстановлении Молотова в партии. Причем они ссылаются на то, что до сих пор трудящиеся нашей страны и партия об этом ничего не знают. Может быть, нам следует поместить сообщение в Информационном бюллетене ЦК КПСС о восстановлении Молотова в партии?

Что касается вопроса о восстановлении в партии Маленкова и Кагановича, то я бы попросил дать нам некоторое время, чтобы подготовить справку о тех резолюциях, которые писали эти деятели на списках репрессированных. Ведь в случае восстановления их в партии

можно ожидать немалый поток писем от реабилитированных в 50-х годах, которые, конечно, будут против восстановления их в партии, особенно Кагановича. Но быть к этому готовыми. Я думаю, что такая справка должна быть в поле зрения Политбюро ЦК при принятии окончательного решения.

Тихонов. Да если бы не Хрущев, они не были бы исключены из партии. Он нас, нашу политику запачкал и очернил в глазах всего мира.

Чебриков. Кроме того, при Хрущеве ряд лиц был вообще незаконно реабилитирован. Дело в том, что они были наказаны вполне правильно. Возьмите, например, Солженицына.

Горбачев. Я думаю, что можно было бы обойтись без публикации в Информационном бюллетене ЦК КПСС сообщения о восстановлении Молотова в партии. Отдел организационно-партийной работы мог бы в оперативном порядке сообщить об этом в крайкомы и обкомы партии. Что касается Маленкова и Кагановича, то я тоже выступил бы за их восстановление в партии. Причем время восстановления не нужно, видимо, связывать с предстоящим съездом партии.

Романов. Да, люди эти уже пожилые, могут и умереть.

Устинов. В оценке деятельности Хрущева я, как говорится, стою насмерть. Он нам очень навредил. Подумайте только, что он сделал с нашей историей, со Сталиным. По положительному образу Советского Союза в глазах внешнего мира он нанес непоправимый удар. Не секрет, что западники нас никогда не любили. Но Хрущев им дал в руки такие аргументы, такой материал, который нас опорочил на долгие годы.

Громыко. Фактически благодаря этому и родился так называемый "еврокоммунизм".

Тихонов. А что он сделал с нашей экономикой! Мне самому довелось работать в совнархозе.

Горбачев. А с партией, разделив ее на промышленные и сельские партийные организации!..

Черненко. Что касается письма Шелепина, то он, в конце концов, просит для себя обеспечения на уровне бывших членов Политбюро.

Устинов. На мой взгляд, с него вполне достаточно того, что получил при уходе на пенсию. Зря он ставит такой вопрос.

Черненко. Я думаю, что по всем этим вопросам мы пока ограничимся обменом мнениями. Но как вы сами понимаете, к ним еще придется вернуться»¹.

---

¹ АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро. 1983, 12 июля. С. 22–25.

Обсуждение в очередной раз продемонстрировало пресловутое единство членов Политбюро. Однако и здесь выделялись лидеры. Таким лидером стал Устинов, как он сам говорил, «на смерть» отстаивавший свое резко негативное отношение к Хрущеву, ответственному за «вопиющие безобразия», допущенные «по отношению к Сталину».

Нет, не Сталин был отрицательным героем советской истории для членов Политбюро. «Ни один враг не принес столько бед, сколько принес нам Хрущев своей политикой в отношении прошлого нашей партии и государства», — утверждал Устинов, и с ним были согласны и Громыко, и Горбачев.

Для укрепления перемен, начавшихся с приходом Андропова, важное значение имели кампании отчетов и выборов, регулярно проводимые во всех партийных организациях страны. Центральный Комитет, по предложению Ю.В. Андропова, принял в августе 1983 года решение о проведении осенью и зимой отчетов и выборов в первичных, районных, городских, окружных, областных и краевых парторганизациях. В документе содержалось важное требование: «Не могут быть терпимы факты, когда собрания проходят по подготовленному сценарию, без заинтересованного, откровенного обсуждения, когда выступления участников заранее редактируются, а инициатива и критика приглушаются»¹. Это решение было принято практически одновременно с утверждением совместного постановления Совета Министров СССР и ВЦСПС «О дополнительных мерах по укреплению трудовой дисциплины»².

В постановлении министерства и их аппарат были подвергнуты резкой критике за то, что они не создают необходимых организационных и экономических условий «для нормальной высокопроизводительной работы», что и сам аппарат министерств «не показывает примеры организованности», что и администрация, и партийные, и профсоюзные органы смирились с низкой дисциплиной, скрывают факты бесхозяйственности.

Постановление требовало усилить контроль за рабочим временем, предусматривало многочисленные способы наказаний за прогулы. Так, опоздавшему на работу на три часа и больше записывался прогул; прогульщикам и пьяниц разрешалось переводить на нижеоплачиваемую работу сроком до трех месяцев; их отпуск сокращался на число дней прогула. В документе содержалось требование привлекать прогульщиков к ответственности «в соответствии с законодательст-

---

¹ Правда, 14 августа 1983 г.

² Правда, 7 августа 1983 г.

вом». Но доставалось не только прогульщикам. Запрещалось допускать «необоснованные завышения материального поощрения с целью переманивания работников с других предприятий».

Не забыли и начальников: если в подведомственных им коллективах была отмечена низкая дисциплина, то их полагалось освобождать от занимаемой должности.

Сочетание официального повышения требовательности к руководителям и проведение отчетно-выборных кампаний создавало качественно новую ситуацию для руководителей всех рангов. Заметим важное, хотя и недооцениваемое обстоятельство: абсолютное большинство руководителей всех рангов по положению входили в состав выборных партийных органов – от партбюро и парткомов до обкомов и ЦК. И призывы к повышению требовательности создавали совершенно иную, в корне отличавшуюся от брежневской, атмосферу назначения на партийные должности и связанные с ними посты в государственном и хозяйственном аппарате. Знаменитая «стабильность кадров» стала уходить в прошлое, как и уверенность в безнаказанности, сформировавшаяся во времена Л.И. Брежнева.

Экономическое положение страны продолжало вызывать тревогу. Проводимая под руководством Андропова борьба за повышение исполнительской дисциплины способствовала заметному увеличению объема и эффективности производства¹. Однако угроза кризиса сохранялась. 15 августа, на встрече с ветеранами партии Андропов, указав на проблемы в экономике, призвал: «Теперь надо наверстывать упущенное. Это, помимо всего прочего, потребует изменений в планировании, в хозяйственном механизме»².

Признание необходимости пересмотра прежнего хозяйственного механизма выразилось в примечательной передовой статье, опубликованной в «Правде» 10 июля 1983 г. в поддержку личного подсобного хозяйства. Статья была явно не случайной. Личное подсобное хозяйство со времен Хрущева в разной степени подвергалось критике. В нем видели пережиток прошлого, воплощение частнособственнических настроений. В этой статье, напротив, отмечались не только важная роль подсобных хозяйств в экономике семей, но и значение в воспитании детей, в формировании трудовых навыков. Статья, несомненно, учитывала позицию секретаря ЦК по сельскому хозяйству М.С. Горбачева.

¹ Ханин Г.И. Экономический рост в СССР в 80-е годы. ЭКО. 1991. № 5. С. 30-31.

² Правда, 16 августа 1983 г.

28 августа было опубликовано постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускорению научно-технического прогресса в народном хозяйстве»¹. Любопытно, что в этом документе наряду с требованиями внедрять в промышленность более совершенные технологии, содержались чисто административные способы решений. Так, предполагалось, начиная с 1984 г., аттестовать все товары по двум категориям: высшей и первой. Те товары, которые останутся неаттестованными, должны быть в двухлетний срок сняты с производства. На новые товары высокого качества разрешалось делать торговую надбавку в 30 %; устаревшие товары низкого качества должны были продаваться на 30 % дешевле. Важно отметить, что определение категорий товара возлагалось на государственный орган, а не на реальный спрос.

Южнокорейский «Боинг» № 007. 1 сентября 1983 г. шло очередное заседание Политбюро. На заседании планировалось обсудить рутинные вопросы: о созыве в ноябре 1983 г. очередного пленума, о производстве самоходных колесных шасси и цветных телевизоров, торговле с Египтом и помощи Афганистану²... Единственное, из-за чего это заседание Политбюро могло стать историческим, было состояние здоровья Андропова. Болезнь сделала это заседание последним, на котором он присутствовал³. Однако случилось иное.

Главной новостью для членов Политбюро стало известие, что сбитый ночью американский самолет-разведчик оказался на самом деле пассажирским южнокорейским лайнером. Утром 1 сентября 1983 г. в Москву поступил запрос заместителя государственного секретаря США Р. Бэрта о пропаже в районе Сахалина южнокорейского самолета с 269 пассажирами на борту, следовавшего из Нью-Йорка в Сеул с посадкой на Аляске. В то же время в Генеральном штабе Вооруженных Сил СССР были уверены, что ранним утром 1 сентября над Сахалином был сбит американский самолет-разведчик РС-135, и известие о гибели пассажирского лайнера стало для всех полной неожиданностью.

На совещании в Генеральном штабе заявили, что войска ПВО были убеждены, что сбили американский разведывательный самолет РС-135. Самолеты этого типа фиксировали испытательные пуски ракет из западных областей СССР на Камчатку. Самолет вторгся в совет-

---

¹ Правда, 28 августа 1983 г.

² Волкогонов Д.А. Семь вождей... Кн. 2. С. 164–165.

³ Воротников В.И. А было это так... С. 31.

ское воздушное пространство в 2 часа 45 минут ночи местного (камчатского) времени. В 4 часа 51 минуту к нему приблизился следовавший со стороны Аляски самолет, который советские средства ПВО определили как аналогичный РС-135.

Это и был несчастный «Боинг-747», летевший рейсом 007. Невозможно было предположить, что пассажирский самолет, располагавший прекрасными радионавигационными средствами, поддерживавший постоянный радиообмен, смог удалиться на 500–600 км от установленной трассы, как это изменение маршрута (смертельно опасное изменение!) осталось незамеченным американскими и японскими службами радиоконтроля, и почему американские и японские службы не поставили в известность советскую сторону по тем каналам, которые существовали между советскими службами и их японскими и американскими коллегами. Печать холодной войны легла на этот трагический инцидент¹.

Машина, квалифицированная советскими службами ПВО как самолет-разведчик в отличие от обычной практики не свернула вдоль побережья, а направилась в направлении Камчатки, к зоне, где находилась база стратегических ядерных сил СССР. Командование ПВО подняло истребители-перехватчики и попыталось посадить самолет-нарушитель. Попытки оказались неудачными, самолет ушел на восток и в 6 часов 05 минут утра покинул советское воздушное пространство. Средствами электронного контроля было зафиксировано, что самолет вел радиообмен с землей, сообщив в 6 часов 10 минут утра по-английски: «Мы благополучно прошли юг Камчатки».

В 6 часов 13 минут самолет вновь вошел в воздушное пространство СССР, на этот раз в районе острова Сахалин. Командование ПВО было убеждено, что имеет дело с самолетом-разведчиком. В воздух были поднят самолет-перехватчик СУ-15. Ему были даны приказы: «Дайте мигание огнями!», «Принудите к посадке на наш аэродром!», в 6 часов 20 минут: «Дайте предупредительную очередь из пушек!». Самолет-нарушитель не подчинился приказам и начал стремительно набирать высоту. Тогда в 6 часов 24 минуты утра был дан приказ: «Уничтожить цель!». Были выпущены две ракеты, попавшие в самолет. Позже летчик Осипович, пилотировавший самолет Су-15, с которого были выпущены эти ракеты, говорил: «Ни на минуту я не думал, что могу сбить пассажирский самолет. Все, что угодно, но только не это!»². Советское командование было убеждено, что был сбит самолет-шпион – нередкое для времен «холодной войны» событие.

¹ Корниенко Г. М. Холодная война. Свидетельство ее участника. – М., 1995. С. 214–217.

² Известия, 25 января 1991 г.

1 сентября в Вашингтоне государственный секретарь Шульц провел пресс-конференцию, в которой обвинил СССР в том, что «нет никаких свидетельств того, чтобы Советский Союз пытался предупредить самолет путем пуска трассирующих снарядов». Заявление Шульца возлагало на СССР ответственность за сознательное уничтожение пассажирского самолета. Однако Шульц умышленно искажил содержание радиоперехвата, в котором пилот сообщал командованию, что на его самолете включены предупредительные огни и что была дана очередь из пушек¹.

Участник совещания в Генеральном штабе, заместитель министра иностранных дел СССР Корниенко, информируя о случившемся Андропова, настаивал, чтобы в заявлении, наряду с констатацией вторжения южнокорейского самолета в воздушное пространство СССР, отказом самолета-нарушителя подчиниться требованиям самолетов противовоздушной обороны СССР, сообщалось о том, что южнокорейский самолет сбит. Андропов колебался. С одной стороны, он был убежден, что история с самолетом – это «козни Рейгана», с другой – считал, что надо сообщить о том, что произошло. Он посоветовал Корниенко, что «против признания нашей причастности к гибели самолета категорически возражает Дмитрий (то есть Устинов)». Андропов тут же позвонил Устинову, который посоветовал Андропову не беспокоиться, сказав: «Все будет в порядке, никто никогда ничего не докажет»².

В результате обсуждения 1 сентября Политбюро приняло решение опубликовать на редкость бестолковое официальное заявление ТАСС.

Опубликованное 2 сентября заявление гласило: «В ночь с 31 августа на 1 сентября сего года самолет неустановленной принадлежности вошел в воздушное пространство СССР над полуостровом Камчатка, а затем вторично нарушил воздушное пространство СССР над островом Сахалин. При этом самолет летел без аэронавигационных огней, на запросы не отвечал и в связь с радиотехнической службой не вступал. Поднятые навстречу самолету-нарушителю истребители ПВО пытались оказать помощь в выводе на ближайший аэродром. Однако самолет-нарушитель на подаваемые сигналы и предупреждения советских истребителей не реагировал и продолжал полет в сторону Японского моря»³.

Первого сентября Андропов поручил Политбюро собраться на следующий день, чтобы специально проанализировать сложившуюся

---

¹ Корниенко Г.М. Холодная война. С. 222.

² Там же. С. 219–220.

³ Правда, 2 сентября 1983 г.

ситуацию. На заседание были вызваны председатель КГБ Чебриков, начальник Генерального штаба Министерства обороны Огарков, заместитель министра иностранных дел Корниенко.

2 сентября 1983 г. заседание Политбюро открыл Черненко, председательствовавший на нем в отсутствие Андропова.

Черненко напомнил, что инцидент с южнокорейским самолетом «вчера в оперативном порядке уже обсуждался членами Политбюро. Сообщение по этому вопросу, как вы знаете, опубликовано. Более подробный материал вы получили, и Юрий Владимирович высказал пожелание посоветоваться по этому сложному вопросу на заседании Политбюро».

Непосредственным поводом для этого стало, по словам Черненко, то обстоятельство, что «американская и в целом империалистическая пресса развернула широкую антисоветскую кампанию в связи с этим инцидентом. Нам надо обстоятельно обменяться мнениями».

В ходе обсуждения возникла другая тема: как самолет-разведчик превратился в пассажирский самолет? Почему пассажирский самолет был сбит?

Право сбивать самолеты-разведчики, вторгшиеся в воздушное пространство СССР, не обсуждалось. Такова была многолетняя практика, сложившаяся в годы «холодной войны»¹. Но это оказался не военный, а пассажирский самолет. Как такое могло произойти?

Читая запись заседания Политбюро от 2 сентября 1983 г.,² становится совершенно очевидным, что высшее политическое руководство оказалось захваченным врасплох, ни о каком предварительном планировании этого инцидента не могло быть и речи. Но несомненным было и другое: трагедия южнокорейского лайнера была предопределена многими годами балансирования великих держав на грани войны.

Послушаем голоса «главных действующих лиц» СССР, вынужденных импровизировать:

Устинов: «... Могу заверить Политбюро, что наши летчики действовали в полном соответствии с требованиями военного долга и все, что изложено в представленной записке, истинная правда. Наши действия были абсолютно правильными, поскольку южнокорейский самолет американского производства углубился на нашу территорию до 500 километров. Отличить этот самолет по контурам от разведывательного самолета чрезвычайно трудно. У советских военных летчиков есть запрет стрелять по пассажирским самолетам. Но в данной

¹ Волкогонов Д.А. Семь вождей... Кн. 2. С. 166.

² Эта стенограмма частично опубликована в кн.: Волкогонов Д.А. Семь вождей... Кн. 2. С. 167–172.

ситуации их действия были вполне оправданы, потому что самолету в соответствии с международными правилами неоднократно давались указания пойти на посадку на наш аэродром.

Горбачев. Самолет долго находился над нашей территорией. Если он сбился с курса, американцы могли поставить нас в известность, но они этого не сделали.

Устинов. Наши летчики давали им многочисленные предупреждения и над Камчаткой, и над Сахалином. Самолет шел без предупредительных огней. В окнах самолета света не было. Были произведены предупредительные выстрелы трассирующими снарядами, что предусмотрено международными правилами. Затем летчик сообщил на землю, что самолет боевой и его надо поразить. Мое мнение состоит в том, что нам надо в этой ситуации [опубликовать] необходимые сообщения в нашей печати. Но дрогнуть нам нельзя.

...Я хочу сообщить, что в районе наших тихоокеанских границ за последнее время было 12 такого рода нарушений. Как известно, в 1978 году нам пришлось в районе Мурманска пойти на то, чтобы заставить южнокорейский самолет приземлиться на советской территории.

Я предлагаю поручить Министерству обороны, МИД СССР и КГБ образовать рабочую группу, возложив на нее обязанность подготавливать необходимые мероприятия и вносить предложения в связи со сложившейся ситуацией. В эту рабочую группу могли бы войти гг. Огарков К.В., Корниенко Г.М. и Крючков В.А. (тогда заместитель председателя КГБ СССР, начальник Первого главного управления — разведки. — *Авт.*).

Тихонов. Мне непонятно, на что рассчитывал сеульский летчик. Он же понимал, что идет на верную смерть. Он ведь видел и сигналы наших самолетов, и их требования приземлиться. На мой взгляд, это продуманная, сознательная провокация, рассчитанная на осложнение и обострение международной обстановки.

Устинов. О том, что думали южнокорейцы, трудно сказать. Но то, что это осознанная провокация, вполне возможно. Вопрос состоит в том, как лучше сообщить о наших выстрелах.

Громыко. Отрицать то, что наш самолет стрелял, нельзя.

Демичев. Они, конечно, знают, что это был боевой выстрел.

Гришин. А что говорил южнокорейский летчик?

Устинов. Мы ничего не слышали.

Воротников. Не была ли нарушена связь у южнокорейского самолета?

Устинов. Об этом никто не может сказать.

Огарков. У нас есть сведения, что южнокорейский самолет разговаривал с землей.

Чебриков. Мне хотелось бы несколько дополнить то, что здесь сказано. Во-первых, обращает на себя внимание, что американская сторона была очень точно информирована о полете южнокорейского самолета и вела за ним наблюдение. Во-вторых, уже первые данные, опубликованные японцами, опираются на один источник: на сведения, поступившие от ЦРУ и Агентства национальной безопасности США. Поэтому возникает вопрос: почему американцы уделяли такое внимание южнокорейскому самолету? В-третьих, по нашим сведениям, пропавший самолет не имел связи с самолетами США и вообще летел как бы немой. Наконец, в-четвертых, американцы сами признают, что самолет глубоко проник на советскую территорию и пролетел над самыми засекреченными объектами Советского Союза на Камчатке и Сахалине...

Горбачев. Зафиксировали ли они боевой выстрел?

Чебриков. Нет, не зафиксировали. Но я еще раз хочу подчеркнуть, что наши действия были совершенно законными, прямо предусмотренными уставом Советской Армии.

Отдельно хочу сказать о том, что сейчас необходимо дать указание нашему гражданскому воздушному флоту о строжайшем соблюдении международных коридоров и трасс полета. Может быть, даже следовало бы пойти на сокращение некоторых полетов на восток и в Соединенные Штаты. Несомненно, что империалистические силы спровоцируют демонстрации у наших посольств и другие враждебные акции. В связи с этим необходимо дать соответствующее указание организациям Комитета государственной безопасности и Министерства иностранных дел.

Романов. Я поддерживаю все, что здесь было сказано. В нашем сообщении, прежде всего, надо, во-первых, указать, что трудно было различить — гражданский или военный характер имеет южнокорейский самолет. Во-вторых, следует подчеркнуть нарушение важнейших международных конвенций. В-третьих, нужно сказать о том, что самолет не отвечал ни на какие запросы и сигналы. Ведь по существующим законам мы имеем право заставить сесть иностранный самолет, несанкционированно пролетавший над нашей территорией. Конечно, надо определить этапы и порядок наших выступлений в печати и на международной арене...»¹.

3 сентября, когда на Западе уже всеми средствами информации было сообщено, что СССР сбил южнокорейский пассажирский «Боинг» с 269 людьми на борту, ТАСС опубликовал еще более бестолко-

¹ АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро. 1983, 2 сентября. С. 1–9.

вое заявление, отражавшее вместе с тем ту точку зрения, которую работали члены Политбюро 1–2 сентября. Об инциденте с южнокорейским пассажирским «Боингом» сообщалось, что самолет-нарушитель был зафиксирован советскими средствами противовоздушной обороны, были подняты самолеты, которые стреляли трассирующими снарядами по курсу движения самолета, и после этого еще примерно десять минут «Боинг» «находился в зоне, [контролируемой] радиолокационными средствами, после чего наблюдение за ним было потеряно»¹. В переводе с языка Политбюро на русский это значило: самолет видели, по нему стреляли; но не попали. Самолет улетел, и что случилось с ним дальше — не знаем.

Начавшееся вранье немедленно обесценило информацию, предшествовавшую трагедии над Сахалином: то, что южнокорейский самолет летел вместе с американским самолетом-разведчиком, что эти самолеты глубоко вторглись на территорию СССР и, если быть точным, на ту часть территории Дальнего Востока, которая была официально объявлена запретной зоной, о чем были своевременно информированы все авиакомпании; что «сбившийся с маршрута» самолет постоянно находился в зоне американских электронных средств контроля, которые были обязаны предупредить экипаж «Боинга» и, следовательно, ответственны за вторжение пассажирского самолета в запретную зону (если принять утверждение, что самолет сбился с курса).

Откровенная ложь советских официальных органов стала находкой для администрации США, позволила развернуть мощную пропагандистскую кампанию, в которой справедливое возмущение варварским уничтожением пассажирского самолета сочеталось со стремлением уйти от неприятных вопросов, от ответственности за произошедшее.

Советская пропагандистская машина раскручивалась медленно. 4 сентября советская пресса фактически продолжила замалчивание трагедии. 5 сентября, под давлением многочисленных гневных выступлений на Западе, в «Правде» выступил командующий войсками ПВО генерал-полковник С. Романов, признавший, что легчик не мог ночью, в облаках, отличить самолет-разведчик от пассажирской машины.

Только 7 сентября в официальном заявлении советского правительства со ссылкой на дополнительные сведения было объявлено и об обстоятельствах полета южнокорейского «Боинга», и о действиях советских ПВО, признавалась ответственность за произошедшее, выражалось сожаление «по поводу гибели ни в чем не повинных лю-

---

¹ Правда, 3 сентября 1983 г.

дей»¹. Однако эти признания были запоздавшими и очевидно вымученными.

После скандальной встречи государственного секретаря США Д. Шульца и министра иностранных дел А.А. Громыко, состоявшейся 8 сентября в Мадриде и характеризовавшейся потоком взаимных обвинений, советское руководство пошло на беспрецедентный шаг – организацию пресс-конференции, на которой выступил начальник Генерального штаба Огарков и привел доказательства взаимосвязи нарушения южнокорейским авиалайнером границы СССР с деятельностью американских самолетов-разведчиков, о взаимной скоординированности этих действий с полетом спутника-шпиона Феррет-2.

Позже маршал авиации П. Кирсанов опубликовал сведения о 40-минутной задержке южнокорейского «Боинга» в аэропорту Анкориджа, что, по мнению советских военных, должно было уравнивать во времени появление над Камчаткой и Сахалином спутника-шпиона, пассажирского «Боинга» и американских самолетов-разведчиков; о том, что пассажирский самолет непрерывно находился в зоне контроля американской радионавигационной системы «Лоран-С», о необычном увеличении экипажа «Боинга» с 18 до 29 человек, о том, что самолетом управляли полковник резерва ВВС Южной Кореи Чан Бен Ир и подполковник резерва Сон Дон Вин. Все это должно было доказать, что южнокорейскому лайнеру отводилась важная роль в проведении разведывательных мероприятий США.

Однако, эти данные, важные сами по себе, не смогли перечеркнуть бесспорного факта уничтожения пассажирского самолета и то, что советское руководство пыталось скрыть от всего мира и своей страны трагедию, разыгравшуюся ранним утром в небе над Сахалином.

Черненко у власти. Андропов болел. Он лежал в Кунцевской больнице, буквально привязанный к койке многочисленными шлангами аппарата «искусственная почка». О его болезни не сообщалось, но отсутствие генерального секретаря на трибуне Мавзолея 7 ноября 1983 г. не могло не остаться незамеченным. Обряд «присутствия на трибуне» всегда строго соблюдался. И то, что Андропова не было на трибуне, стало знаком неизбежной и скорой смены лидера. Формальным преемником Андропова являлся К.У. Черненко. Но здоровье этого многолетнего соратника Брежнева, 72-летнего Черненко также оставляло желать лучшего. У него была астма, больные легкие. К тому же летом 1983 г. он сильно отравился, отобедав на юге у нового

---

¹ Правда, 7 сентября 1983 г.

министра внутренних дел СССР В. Федорчука свежekoпченной скумбрией¹.

26 декабря 1983 г. состоялся пленум ЦК КПСС. Пленум намечали провести раньше, в ноябре, надеялись на участие в нем Андропова, но из-за болезни генсека это оказалось невозможным. Участникам пленума был роздан текст доклада Андропова. В нем содержались призывы совершенствовать механизм управления, повысить действенность экономических рычагов, эффективность и интенсивность экономики². По поручению Андропова, текст доклада перед участниками пленума зачитал Горбачев. Членами Политбюро были избраны М.С. Соломенцев и В.И. Воротников, кандидатом в члены Политбюро – председатель КГБ В.М. Чебриков, секретарем ЦК – Е.К. Лигачев.

Новый 1984 год встречали с ожиданием неизбежных перемен. «Правда» 2 января 1984 г. писала: «Ушедший в историю 1983 год оставил о себе добрую память. Все это – результат напряженного труда советских людей после осуществления курса партии на более эффективное использование возможностей и преимуществ развитого социализма, на укрепление дисциплины и организованности во всех сферах жизни общества».

4 января в прессе был опубликован проект ЦК КПСС «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы». Сам факт опубликования проекта ЦК КПСС стал прецедентом – до сих пор в СССР проекты ЦК не обсуждались. Правда, при Леониде Ильиче был вынесен на «всемирное обсуждение» проект Конституции, но собственно обсуждения, естественно, не было. Да и что было обсуждать? То, что КПСС – ядро политической системы? Или то, что именно в СССР достигнут наивысший уровень подлинной демократии? Это и так все знали, а кто сомневался, того лечили в сумасшедших домах. Здесь же предлагалось обсудить педагогическую тему, в которой, по советскому анекдоту, все были специалистами, как и в медицине: каждый когда-то лечился или болел. И обсуждения, разрешенные сверху непривычно острые споры на сравнительно безопасной площадке педагогики стали реальным проявлением каких-то еще непонятных изменений, происходивших в стране. Изменений, на первый взгляд, незначительных, но совпавших с тем, что чиновным ворам стали говорить, что они – воры, и наказывать за воровство, что с бездельников на разных должностях начали спрашивать работу,

---

¹ Подробно об этом – в мемуарах помощника Черненко В. Прибыткова. См.: *Прибытков В. Аппарат.* – СПб, 1995. С. 13–17.

² Там же. С. 33.

что само Политбюро было вынуждено, хотя и кратко, и сквозь зубы, но информировать страну о том, что оно решало.

Однако в полной мере сохранялось и прошлое политическое наследие. «Социалистическая демократия в действии» – называлась передовая в «Правде» от 13 января 1984 г. В ней сообщалось, что в стране началась предвыборная кампания в связи с предстоящими выборами депутатов в Верховный Совет СССР, и что трудящиеся города Москвы на собрании в Государственном концертном зале единодушно выдвинули своим кандидатом генерального секретаря ЦК КПСС, председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю.В. Андропова. Пожалуй, трудно было придумать, по своей сути, более антисоветское название для этой публикации. Трудящиеся выдвигали своим депутатом человека, уже несколько недель находившегося между жизнью и смертью, умиравшего в больнице, человека недееспособного, но отождествлявшегося с государственной и партийной властью в огромной стране.

9 февраля 1984 г. Ю.В. Андропов умер.

На следующий день состоялось заседание Политбюро. Выступая первым, председатель Совета Министров Н. Тихонов предложил избрать на этот пост К.У. Черненко. Его поддержали Громыко, Устинов, Гришин, Горбачев. Черненко был «единодушно», вполне в духе Политбюро, рекомендован к избранию генеральным секретарем на ближайшем пленуме ЦК.

Новый генеральный секретарь ЦК КПСС Константин Устинович Черненко родился в сентябре 1911 г. в Красноярском крае, в Сибири. Образование: три класса, затем – высшая школа партийных организаторов в Москве. Позже, работая в ЦК компартии Молдавии, заочно закончил Кишиневский педагогический институт. Партийную карьеру, как и большинство его коллег, начинал «на комсомоле», заведующим отделом пропаганды и агитации Новоселовского райкома комсомола, два года служил в пограничных войсках, в войну учился в Москве, в Высшей партийной школе, был секретарем по идеологии в обкоме партии в Пензе, с 1948-го по 1956 г. работал в Молдавии, где познакомился с Брежневым. Там он попал в «брежневскую обойму», и на много лет их биографии оказались связанными.

Черненко пришел в ЦК следом за Брежневым в 1956 г. Вслед за Брежневым ушел в Президиум Верховного Совета СССР. С 1965 г. – Черненко в ЦК, заведующий Общим отделом. В его обязанности входило ежедневно докладывать почту генеральному секретарю, отвечать за выпуск всех решений секретариата и Политбюро ЦК КПСС. Черненко оказался не просто хорошим заведующим – он стал необхо-

димым человеком для Брежнева, не только подчиненным, но и другом. В конце 70-х гг. начинается политический взлет партийного канцеляриста. В 1976 г. заведующий Общим отделом становится кандидатом в члены Политбюро, в 1978 – членом Политбюро ЦК КПСС.

«Что ты наделал, Костя? Зачем согласился? – спрашивала у нового 73-летнего генсека его жена, Анна Дмитриевна.

Так надо! – отвечал он. – Нет другого выхода...»¹.

Так надо... В Политбюро сложилось временное равновесие. «Старрики»: Устинов, Тихонов, Громыко, Щербицкий, Кунаев, Гришин, а также стоявшая за ними часть партийного аппарата и в ЦК, и на местах, стремились по возможности долго сохранять свои позиции. Горбачев и немалая часть партийного аппарата в это время не имела реальной возможности вытеснить «брежневскую генерацию». Но и те, и другие чувствовали, что время «стариков» уходит, что назначение Черненко – лишь попытка на некоторое время продлить геронтократию. Черненко, понимая, что по состоянию здоровья ему с работой во всем ее объеме не справиться, предложил, чтобы заседания секретариата ЦК КПСС вел Горбачев.

Это предложение вызвало возражение Тихонова. Тихонов ворчал, что Горбачев превратит заседания секретариата в коллегии Министерства сельского хозяйства. Однако кандидатуру Горбачева решительно поддержал Устинов. Сложнее решался другой вопрос: напомним, по традиции, оформлявшейся специальным решением Политбюро, член Политбюро, который вел заседания секретариата, имел право руководить заседаниями Политбюро в тех случаях, когда генеральный секретарь отсутствовал. Тихонов вновь начал возражать. Выход нашел многоопытный дипломат А.А. Громыко, предложивший временно отложить решение этого вопроса². Горбачев мог председательствовать на Политбюро, но в каждом конкретном случае требовалось согласие Черненко.

Горбачев так и не получил решения Политбюро. «Он, – писал Н. Рыжков, – безраздельно властвовал на проходивших по вторникам заседаниях секретариата, никто и не посягнул на его право вести их. Каждый же четверг поутру он сидел сироткой в своем кабинете... и нервно ждал телефонного звонка больного Черненко: придет ли тот на Политбюро сам или попросит Горбачева заменить его и на этот раз»³.

13 месяцев правления Черненко оказались странным временем. Андроповская риторика о «дисциплине и организованности» превра-

¹ Прибытков В. Аппарат. С. 64–65.

² Прибытков В. Аппарат. С. 167–169.

³ Рыжков Н.И. Десять лет великих потрясений. С. 57.

шалась в пародию. Приход Черненко к власти означал отказ от андроповских репрессий по отношению к чиновничеству. Казалось, все возвращалось «на круги своя». Буквально в день смерти Андропова у начальника следственной части Генеральной прокуратуры СССР В.И. Олейника, проводившего расследования преступлений в московской торговле, были затребованы материалы по делу директоров московских магазинов для доклада члену Политбюро, первому секретарю московского горкома партии Гришину. Вскоре генеральный прокурор СССР Рекунков потребовал завершить расследование и срочно передать дело в суд. Обвиняемых насоро осудили, одних

Л.И. Брежнев и К.У. Черненко.

приговорили к длительным срокам заключения, других – расстреляли. Нити, связывавшие их с частью партийной и государственной элиты, были оборваны¹.

На время самым важным вдруг стали разработка новой программы КПСС и споры о том, какой социализм в СССР: развитый или развивающийся, построили мы социализм или только вступили в стадию развитого социализма². Этот схоластический бред обсуждался всерьез, основательно, полуживой генеральный секретарь заявлял, что начата напряженная работа, чтобы «придать мощное ускорение развитию народного хозяйства»³, что необходимо «лучше использовать те резервы активизации масс, которые заложены в дальнейшем совершенствовании социалистической демократии, всей политической системы общества»⁴.

В то же время все понимали, что под звуки траурной музыки, все чаще звучавшей по радио и телевидению, продолжается борьба за власть. В 1980 г. скончался А.Н. Косыгин, в январе 1982 г. – М.А. Суслов, в ноябре 1982 г. – Брежнев, в мае 1983 г. – Пельше, в феврале

¹ Гуров А. Красная мафия. С. 172–174.

² Печенев В. Взлет и падение Горбачева. Глазами очевидца. – М., 1996. С. 109.

³ Волкогонов Д.А. Семь вождей... Кн. 2. С. 263.

⁴ Там же. С. 262.

1984 – Андропов, в декабре 1984 г. – Устинов. По стране гулял злой анекдот: в СССР придумали новый вид спорта – гонки на катафалках.

10 марта 1985 г. умер К.У. Черненко.

* * *

«Послебрежневский период» стал временем, изрядно поубавившим надежды на возможность «реформирования социализма». Андроповский коммунистический фундаментализм оказался непрочным, держался на страхе репрессий. Но советское общество 80-х отличалось от предвоенного и послевоенного. Мир изменился. И это ясно проявилось в трагедии с южнокорейским «Боингом». Правление же Черненко превратилось в пародию, в карикатуру и на Брежнева, и на Андропова. Власть деградировала.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Абрамов Ф. – 25
Адамов В.В. – 96, 98
Аксенов Ю.С. – 20
Алигер М. – 100
Алиев Г.А. – 129, 183, 193, 195
Амальрик А.А. – 22
Амбарцумов Е. – 94
Амин И. – 154–159
Андресв Л. – 103
Андропов Ю.В. – 23, 32, 48, 49, 54,
61, 66, 68, 70, 71, 81, 87, 88, 102–
104, 109, 121, 128, 148–151, 163,
164, 167, 168, 170–173, 176, 177,
179–188, 192–196, 200–202, 204,
205, 209–211, 213, 214
Антонов С. – 21, 102
Арбузов А. – 21, 102
Архипов И.В. – 163
Арцимович Л.А. – 22
Ацель – 67

Б

- Байбаков Н.К. – 9, 165
Бакланов Г. – 102
Бао Дай – 144
Барбирек Ф. – 44, 63, 82
Барто А. – 21
Бек А. – 100
Бектасов А.Ж. – 31
Бслов В. – 25
Бсрия Л.П. – 55, 182
Берсенеv – 112
Биляк В. – 42, 43, 50, 55–59, 61–63,
68, 69, 75, 80–82, 84, 87, 88
Бобров В.А. – 110, 112
Богораз Л.И. – 22
Бодя К. – 44

- Бондаренко Л. – 95
Боткин С.П. – 160
Брежнев Л.И. – 7–13, 18, 19, 22, 27,
28, 35, 42, 44–53, 56–64, 66–70,
73–88, 91, 97, 99, 100, 103, 104,
107, 109, 121, 122, 128–130, 148–
152, 162, 164–167, 170, 171, 173,
174, 177–182, 184, 187–191, 193,
201, 209–214
Брежнева В.П. – 180
Брежнева Г.Л. – 179
Брусиловский М. – 20
Буковский В.К. – 22
Булгаков М.А. – 26
Бунин И.А. – 103
Буряце Б. – 179
Бутенко А.П. – 92
Быков В. – 112
Бэрт Р. – 202

В

- Варга Е.С. – 92
Василско Г.И. – 180
Ваш З. – 174
Вербляя – 168
Виноградов – 99
Во Нгуен Знап – 37
Вознесенский А. – 100
Вознесенский Н.А. – 20
Волобуев П.В. – 97, 98
Вольпин А.С. – 22
Воробьев Е. – 100
Воронков К. – 21
Воронов Г.И. – 109
Воронов Н.Н. – 79, 85
Воротников В.И. – 177, 180, 181,
188, 195, 197, 206, 210
Вучетич Е.В. – 22
Вэнн Д. – 145

Г

- Габай И.Я. – 27
 Гаврилов С.П. – 161
 Галансков Ю.Т. – 22
 Галкин А. – 112
 Гарбузов В.Ф. – 9
 Гафуров Б.Г. – 94
 Гдлян Т.Х. – 189
 Гендрих И. – 43
 Герек Э. – 162
 Гесфтер М.Я. – 92, 97
 Гиндин И.Ф. – 97
 Гинзбург А.И. – 22, 53
 Гольдштюкер Э. – 56
 Гомулка В. – 44, 49, 51, 55, 67, 68,
 74, 81, 84, 86
 Горбаневская Н.Е. – 22
 Горбановский Л. – 112
 Горбачев М.С. – 125, 128–130, 150,
 165, 177, 180, 190–194, 196, 197,
 199–201, 206, 207, 210–212
 Гостев В.И. – 124
 Готвальд К. – 57, 63
 Грабский – 168
 Гречко А.А. – 47, 48, 58, 60, 66, 72,
 121
 Гришин В.В. – 24, 65, 79, 104, 109,
 180, 186, 195, 206, 211–213
 Громов Б.В. – 160
 Громыко А.А. – 58, 61, 64, 66, 70,
 71, 121, 140, 150–152, 154, 161,
 163, 164, 166, 167, 179, 180, 182,
 191, 193, 194, 198–200, 206, 209,
 211, 212
 Гуров А. – 189
 Гусак Г. – 50, 69, 81, 87, 108, 166

Д

- Давид В. – 53
 Даниэль Ю.М. – 20, 21, 24, 112
 Дауд М. – 153
 Дворский Ф. – 44
 Демичев П.Н. – 23, 24, 49, 53, 59, 81,
 87, 193, 194, 206
 Джонсон Л. – 71, 131
 Дзур М. – 63, 81

- Доланский Я. – 43
 Долгих В.И. – 124, 196
 Дорosh Е. – 21
 Дубчек А. – 43–47, 49–56, 58–70,
 75–82, 85–88, 108
 Дудинцев В. – 111
 Дунаев Э. – 95
 Дэн Сяопин – 34

Е

- Евтушенко Е. – 100, 102, 112
 Егорычев Н.Е. – 19
 Епишев А.А. – 61
 Еремин Д. – 21
 Есенин – 48
 Ефремов Л.Н. – 94

Ж

- Жабинский – 168
 Живков Т. – 51, 74, 81, 84, 86
 Жуков Г.К. – 47, 48
 Жуков Е.М. – 93, 94

З

- Замятин Л.М. – 163
 Зимянин М.В. – 66, 124, 163, 196
 Зыонг Ван Минь – 144

И

- Ильиных – 37
 Ильичев Л.Ф. – 46
 Индра А. – 44, 58, 59, 63, 68, 75, 82,
 84
 Исаковский М. – 100

К

- Каверин В. – 100
 Каганович Л.М. – 198, 199
 Кадар Я. – 49–51, 53, 55, 65, 67, 68,
 74, 79, 81, 82, 84, 86, 109, 166
 Казаков Ю. – 21
 Каня С. – 165–168, 170
 Капек А. – 75; 82
 Капитонов И.В. – 24, 70, 81, 109,
 124, 193
 Каница П.Л. – 22

Кармаль Б. – 153, 157–159, 169
 Карякин Ю. – 92
 Кастро Ф. – 62
 Кагушев К.Ф. – 56, 73, 75, 81
 Кафка Ф. – 26
 Кедрина З. – 21
 Ким М.И. – 94
 Кириков В.И. – 110, 112
 Кириленко А.П. – 49, 75, 81, 108,
 178, 179, 183
 Кириллин В.А. – 127
 Кирсанов П. – 209
 Киселев Т.Я. – 191
 Киссинджер Г. – 131–133, 139–144
 Кноблох – 140
 Кожевников В. – 22
 Коларж – 63, 74
 Колеватов А. – 179
 Кольдер Д. – 43, 53, 58–61, 68, 69,
 75, 82
 Кондратович – 99
 Конев И.С. – 57
 Константинов Ф.В. – 93
 Копелев Л. – 99, 102
 Корниенко Г.М. – 153, 156, 157,
 204–206
 Коротков А.В. – 126
 Корчак Я. – 112
 Косульников – 98
 Косыгин А.Н. – 16, 33–36, 47, 48,
 52, 56, 57, 59, 61–63, 66, 68, 70, 79,
 85–88, 109, 121, 127, 154, 177, 213
 Коуцкий В. – 43
 Кочелек – 168
 Кочетов В.С. – 106
 Кригель – 61, 63, 66, 69, 73, 74, 78,
 85, 87
 Кручина Н.Е. – 191
 Крючков В.А. – 206
 Кублановский Ю. – 176
 Кузнецов В.В. – 179
 Кулаков Ф.Д. – 24, 81
 Куликов В.Г. – 166
 Куликов Д.Г. – 110, 112, 173
 Куликова – 112
 Кунаев Д.А. – 79, 104, 109, 180, 191,
 212
 Куприн А.И. – 103

Л

Лакшин В. – 91, 99
 Ле Ван Тхинь – 33
 Ле Дык Тхо – 132, 133, 139, 143
 Ле Зуан – 35
 Левит – 94
 Ленарт Й. – 45, 51, 53, 59, 63, 68, 76,
 81
 Ленин В.И. – 12, 23, 26, 33, 92, 93,
 96, 105, 112, 179
 Лигачев Е.К. – 190, 191, 210
 Лисичкин Г. – 94
 Литвинов – 48
 Лифшиц – 112
 Ло Жуйцин – 34
 Ломоносов В.Г. – 124
 Ломский – 50, 51, 53
 Лю Сяо – 34
 Лю Шаоци – 34

М

Мазуров К.Т. – 58, 61, 70, 79, 81,
 108
 Майский И.М. – 71
 Маленков Г.М. – 15, 198, 199
 Мао Цзедун – 33–35
 Маркс К. – 26, 92, 93, 97, 192
 Марченко А.Т. – 27
 Машеров П.М. – 109
 Медведев В.А. – 191
 Медунов С.Ф. – 187–189, 197
 Мжаванадзе В.П. – 66
 Микоян А.И. – 104
 Милевский – 172
 Михалков С. – 21,
 Млынарж З. – 49, 69
 Можаев Б. – 25, 100, 102, 112
 Молотов В.М. – 30, 197–199
 Моргун Ф. – 128
 Мосин Г. – 20
 Москаленко К.С. – 57
 Музафаров – 189

Н

Нагибин Ю. – 100
 Надь И. – 67, 68
 Нго Динь Дзу – 144, 145

Нго Динь Дьем – 144
 Нгуен Ван Ви – 144
 Нгуен Ван Тхиену – 132, 139, 142
 Нгуен Кхань – 144
 Нгуен Хюи Ань – 146
 Некрич А.М. – 107
 Немчинов В.С. – 16
 Никсон Р. – 132, 135, 143, 144
 Новиков В.Н. – 127
 Новомесский – 81
 Новотный А. – 42–47, 49–53, 62
 Нониев С.Г. – 187

О

Огарков Н.В. – 205, 206, 209
 Окуджава Б. – 99, 102
 Олейник В.И. – 213
 Орджоникидзе С. – 185
 Осипович Г. – 203

П

Павел Й. – 56, 63, 66, 73, 74, 77, 81, 88
 Паперный З.С. – 106
 Параджанов С. – 20
 Пастернак Б.Л. – 103
 Пекарский Л. – 95
 Пельше А.Я. – 49, 61, 66, 79, 107, 192, 213
 Пестовы – 112
 Пиллер – 82
 Плешаков Л. – 112
 Плятт Р. – 21
 Подгорный Н.В. – 8, 48, 56, 58, 59, 61, 66, 73, 79, 85, 88, 104, 107, 108
 Полянский Д.С. – 52, 58, 81, 88
 Пономарев Б.Н. – 49, 69, 75, 108, 153, 157
 Поспелов П.Н. – 93, 97
 Прибытков В. – 129, 210
 Прохазка Я. – 56
 Прхлик – 63, 73, 74
 Пэн Чжэнь – 34

Р

Ракитский Б.В. – 92, 95
 Раковский – 168
 Раск Д. – 71, 131

Рахманин О.Б. – 163
 Рашидов Ш.Р. – 79, 109, 191
 Рейган Р. – 204
 Рекунов А. – 184, 213
 Риббентроп И., фон – 30
 Риго – 68, 82
 Романов А.И. – 110, 112
 Романов Г.В. – 180, 191, 192, 195, 197, 199, 207
 Романов С. – 208
 Ростои У. – 41
 Руденко Р.А. – 103
 Румянцев А.М. – 91, 92, 94, 95
 Русаков К.В. – 56, 61, 73, 75, 165, 172, 173
 Рыбаков А. – 100
 Рыбаков Б.А. – 94
 Рыжков Н.И. – 18, 125, 183, 190, 212

С

Савинков Б. – 111
 Садовский Ш. – 44, 58, 63
 Самарин – 106
 Сатюков – 92
 Сахаров А.Д. – 22, 30, 113, 117
 Свобода А. – 50, 61
 Свобода Л. – 55, 61, 78, 81, 85, 88
 Семичастный В.Е. – 24, 182
 Сенин О.М. – 110, 112
 Сивицкий – 172
 Симонов К. – 21
 Синявский А.Д. – 20, 21, 24, 112
 Скобельский И.М. – 31
 Славик – 61, 66, 73
 Сланский Р. – 55
 Слюньков Н.Н. – 191
 Смирнов В. – 21
 Смирковский Й. – 44, 50, 53, 55–59, 61, 62, 69, 75, 76, 78, 80, 81, 85
 Соболев Л. – 21
 Соколов – 186
 Соколова М.В. – 180
 Солженицын А.И. – 22–25, 29, 91, 99, 101–105, 107, 111, 112, 182, 188, 199
 Соломенцев М.С. – 53, 81, 104, 109, 179, 210
 Солоухин В. – 25
 Сон Дон Вин – 209

Сталин И.В. – 12, 19, 22, 24, 33, 47,
89, 91, 101, 107–110, 135, 179,
181–184, 190, 198–200
Степанов А.С. – 126
Стерлигов А. – 186
Суан Тхюн – 132, 133, 139
Субоцкий Ю. – 95
Сурков А. – 21
Суслов М.А. – 24, 25, 61, 66, 75, 79,
102–104, 107, 128, 153, 163, 166,
168, 174, 195, 213

Т

Тамм И.Е. – 22
Тараки Н.М. – 153–158
Тарновский К.Н. – 97
Твардовский А.Т. – 91, 92, 99–101
Твердохлебов А.Н. – 113
Тверитинов Б.С. – 186
Тендряков В. – 100, 102, 112
Тито И.Б. – 62, 69
Тихонов Н. – 21, 199, 206
Тихонов Н.А. – 129, 169, 179, 180,
191–195, 197, 199, 211, 212
Толмэн Р. – 146
Томский Н.В. – 109
Трапезников С.П. – 91, 93–95, 191
Трегубов Н.П. – 186
Трифонов Ю. – 100
Троцкий Л.Д. – 112
Турчин В.Ф. – 113
Тухачевский М.Н. – 190

У

Угринов – 32
Узлов – 112
Ульбрихт В. – 74, 76, 81, 84, 86
Ульяновский Р.А. – 157
Усманходжаев И.Б. – 191
Устинов Д.Ф. – 24, 70, 88, 109, 150,
151, 156, 163, 164, 166, 167, 171–
173, 180, 182, 191, 193, 194, 197–
200, 204–206, 211, 212, 214
Ухабова – 112

Ф

Фам Ван Донг – 37, 136, 137
Федян К. – 21, 99

Федорчук В.В. – 188, 189, 210
Фишбах – 168
Фок – 67
Фокеев М.Г. – 110, 112
Френкель М. – 112

Х

Хаддад В. – 148, 149
Хейг – 161
Хноупек Б. – 64
Хо Ши Мин – 33, 37, 132, 135
Хоанг Ань – 138, 139
Хрушев Н.С. – 7–9, 11–14, 18, 20,
33, 40, 42, 46–48, 89, 103, 104, 125,
179, 184, 198–201
Худик М. – 42, 43
Хэ Лун – 34

Ц

Цвигун С.К. – 179
Цжоу Эньлай – 34
Цисарж – 61, 63, 66, 69, 73, 74, 76,
78, 81, 87

Ч

Чазов Е. – 180
Чалидзе В.Н. – 113
Чан Бен Ир – 209
Чан Ван Куанг – 144, 145
Чаушеску Н. – 62, 69, 166
Чебриков В.М. – 198, 199, 205, 207,
210
Червоненко С.В. – 45, 46, 51, 60, 64–
66, 68, 81, 82, 84, 85
Черненко А.Д. – 212
Черненко К.У. – 129, 151, 163, 176,
179–183, 188, 189, 191–193, 196–
199, 205, 209–214
Черник О. – 43–45, 53, 56–58, 61–63,
65, 74–78, 81, 85–87
Чуковская Л. – 99, 102
Чуковский К.И. – 21
Чурбанов Ю.М. – 179, 189

Ш

Шабуров – 112
Шаров А. – 112
Шауро В. – 101

Шафаревич И.Р. – 29, 113
Швевтка О. – 68, 75, 82
Шеварднадзе Э.А. – 129, 150, 152
Шелпин А.Н. – 11, 49, 53, 58, 61,
66, 79, 87, 89, 109, 198, 199
Шелст П.Е. – 52, 53, 58, 62, 66, 73,
79, 88, 108
Шик О. – 43, 53, 63, 73, 74, 87
Шимунек О. – 43
Шкловский В. – 21
Шолохов М. – 21
Шпачек – 63, 69, 73, 74, 85
Штейн А. – 102
Штроугал – 61
Шульц Д. – 204, 209

Щ

Щедров И. – 159, 160
Щелоков Н.А. – 103, 104, 179, 187–
189, 197

Щербатов И.С. – 36, 37
Щербицкий В.В. – 109, 180, 212
Щербицкий. – 191

Э

Энгельс Ф. – 26, 93
Эрдеи – 67
Эренбург И. – 21, 99

Я

Яблоньский – 168
Якир П.И. – 48, 104
Яковлев А.Н. – 191
Якубовский И.И. – 58
Ян Ченью – 34
Яник Я. – 44
Янко – 56
Ярузельский В. – 167, 168, 170–174
Ясин Е. – 95

Научное издание

Пихоя Рудольф Германович
МОСКВА. КРЕМЛЬ. ВЛАСТЬ
В трех томах

Том второй
1964–1985

Издатель Леонид Янович

Редактор *Ирина Кускова*
Корректор *Лидия Хаславская*
Верстка и оригинал-макет – *Сергей Щербина*
Обложка – *Евгений Янович*

ISBN 594881092-5

Налоговая льгота
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2
953000 – книги, брошюры

НП Издательство «Новый хронограф»
Контактный телефон в Москве (095) 671-0095,
по вопросам реализации 8-917-547-8424
E-mail: nkhronograf@mail.ru

Информация об издательстве и Интернетe: <http://www.novhron.info>

Подписано к печати 23.03.2009
Формат 60x90/16. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 14
Тираж 200 экз. Заказ № 275

Отпечатано в типографии РАГС
117606, г. Москва, пр. Вернадского, 84